

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tolstoyleo.ru/> Приятного чтения!

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой

[Я. п.] 81. 17 Апреля. Разговор с Сережей о непротивлении злу.

Странник Полтавской губ., родом из Тобольской. Высокий, длинноволосый, красивый старик. Всё с ним есть: ножик, ножницы, крючки, иглы, чай березовый, кирпичный. Рассказы о том, как ходил с мелким товаром. По 6 пудов 100 вер[ст] носил. 16 душ похоронил. Секли за сына, 60 розог. Ему 62 года. До 57 лет можно сечь. В конторе по 3 р. за розгу, в деревне, по 5. -- Правды нет. -- Каторжным в сенях молоко, пирог, хар[ч]. Зимой в баню.

18 Ап. Уничтожить университеты, т. е. всё свежее, правдивое и образованное. Собаки заели овцу. Одна издохла, ягнята пали. Эту заели –плачет.

Констант[ина] родила жена девчонку. Крестить в церкви дешевле. Дьякона не поить. Об богоносах. В грязь вымазался. Смешлив, держится и фыркает. Кормил скотину, в Кочки набирает, доволен. Хлеб дошел. Не тужу. Лошадь дали, доволен, счастлив.

Александр Козлов. В Самару ехать. Главное дело полегче работу. Дома еще ничего, а в людях по неволе трудно. Мать соборовали. Похороны вперед рассчитывает на 8 р. -

М[ат]в[ей] Егоров. Как заговорит о сыне, плачет. Внучек похужал. Кто хор[ош]? кто мил? Кто хоз[яин?] и перестал говорить я. Сноха сбивает 2-го сына. Я в кухарках, ты в кучерах.

Щекинский мужик. Чахотка. Чох с кровью, пот. Уже 20 лет кровь бросает. Гречиху косил, тянулся за мужиками. Родники. Рубаха мокрая. Пьет, что из носу потечет.

Над женой подшучено. Порчь. Кричит. Облокотами на печку, зимой. Сестре надо помочь. Пашу, борозд 5 пройду, отдыхаю. Кошу. Кабы Бог прибрал, и к стороне.

А не верит, что умрет.

Егора безрукого сноха. Приходила на лошадь просить. Ваша рука легкая. Старшина 20 к., лавочник солонины дал.

После обеда Онисим. В мешочке борода. Что делать? Простить? Как вы скажете. Ссора вышла из-за воды. Иван прорыл канаву, спускал на двор к Он[исиму]. Потом в сарай пустил. -- Яшуткин малый внук стал перечить. Лопату сломал. Старик вышел: "тебя то мне и надо". Скуло болит, всю неделю хлеба не ел.

19 Газеты. Поселяне, трудитесь, воздерживайтесь, покоряйтесь начальству. -- В Гатчине принимал барабанщ[иков], литавщиков, горнистов. Мундиры переменить.

19 Ап. Приходили бабур[инские] -- на подати, -- у меня нет денег, отказал.

Два странника -- солдаты.

Все пропащие люди -- солдаты или калеки. -

Щекинский мужик, жестокий, робкий, откровенный, низенький, просил денег -- отказал.

Бабур[инский] мужик с мальчиком. Пьяный мужик затесывал вязок, разрубил нос. Лечили в больнице 22 дня, залезал 5 р. 50 к. Не мог отдать. "Пойдем в полицейское управление". -- Пошел, ввели в комнату, заперли: "Когда принесешь, тогда выпустим". Хлебушка оставил. -- Саламасовской Никита, просил вообще на бедность, дал 3 р.

[20 апреля.] 20. Смоленск[ий] солдат. два тульски[х] солдата.

Щекинск[ий] и дальний.

Иван Емельянов щек[инский] на лошадь, очень беден. Избу купил.

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Синявинский мужик по подозрению в воровстве пшеницы сидел в остроге, дожидаясь суда 4 месяца. Просил на овес. -- Отец с сыном украли пшеницы 17 мер (за неустойку камня), посажены еще на 6 месяцев.

Мальчик колпенской 12 лет. Старший, меньшим 9 и 6. Отец и мать умерли. Бабушка ходила, хлебы ставила. Теперь хлеб доели. Дядя взял землю. Старшина говорит: куда-нибудь вас пристроим.

Богородицкого уезда -- солдат с сыном.

22 Апреля. Из Бабурина мужик, отдал сына в больницу от глаз. Просил 20 к.

Солдат из Щекина в лихорадке. Мальчик.

Богоявленского исключили из университета.

Харинский -- лошадь -- 9 р[ублей], 5 душ кормит. -- Погорелый Иван Колчанов. Головенский -- лошадь.

Солдат Черниговской губ.

23 Ап. Ходил на деревню. Лохмачева недуг портит, как иголками. Баба кроет с Дмитрием Макарычом и Иваном. Никто не пошел. "По своей бедности, знаю". В кабаке солдат просит милостыню. Василий вынес пол ломтя. "Никто не покупает".

У Матв[ея] Егор[ова] попы в избе. На задворк[ах] у ворот воят в 6 голосов. Хозяин мальчик сидит на нарах. Ситники на сдвинутых, накрытых столах. -

Сергей: "Поспели к жатве -- волосы седые".

Солдат Козлов просит места на заводе: хлуд обрстет -- оборыш обрстет. -- Снял шапку, не сговоришь. -

Баба из Судакова. Погорели. Выскочила, как была. Сын в огонь лезет. Мне всё одно пропадать. Лошади нет. Лошадь взяли судейские. За то, что он вел чужую. -

Мужик Крыльц[овский]. Маленький, жалкий. Издохла лошадь. Не дал. Осип Наумыч. Урядник велел вынести пчел из огорода, а они облетались. У Карпа тоже.

3 солдата -- просили милостыню.

Солдат веселый, ходит 16 лет. -

Мужик Пировской. Власов обидел. 200 р. не получал. С мужиков за то, что не хотели держать землю, 55 р. штра[фу]. Петуший бой. Заклады. Мужик.

24 Апр. Солдат предлагал книжку. Вдова колпенская, . 5 детей (35 к.). Александр Копылов. Лошадь издохла, не разжеребилась.

Бабуриной хромой, отказал.

[25 апреля.] 25. Вчера разговоры с Сережей и Урусовым. Нынче нищая казначеевск[ая], пьяная. Грумантская вдова. Мальчик будет пахать. Лошадь просила. Не дал.

Головенской кривой старик, скатан кафтан через плечо. На лошадь 7 р. Плачет. Не обижать людей, Бога помнить. Понял.

Помилуй Г[оспо]ди. -

Константин прислал записку с девочкой.. Крепко уморился,. пахал, нет куска хлеба. Дети дали. -- 3 страницы.

26 А. Мясоедовская женщина, маленькая. Издалека стала на колени, "ручку". Тотчас же ушла. -- Городенские бабы отроются. Агент сказал: стройтесь, я не взыщу. Оштрафует. На 10 р[ублей]. А я не погонюсь. Агент частно разрешает. -- А официально нельзя. Не стараются потому, что по полнине на душу, полевою землю

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru нельзя занимать.

Кислинско[го] просить. Ларивон Федоров.

"Штрафу 10 р." Да уж мы бы не постояли. А нельзя, батюшка, к мировому теперь подать. Пушай оштрафовали бы. 10 р. куда ни шло.

Щекинская баба старуха. За двумя мужьями была.. Все примерли. Ходит, побирается. Шутит. "Вот я стара, уж меня не откормишь".

Побирушка пьяная -- дворянка с дочерью.

Городенской чахоточный с сыном, шел целый день до меня. Посеять овсяную десятину. -- На коленях елозал. От декогу справил.

Щекинской шальной, о мельнице, "скажем" -- не понял, что нужно.

Прошение Крыльцовской бабы о вырубке солдата из службы.

27 Ап. Вологодской юнош, больной, с образками и просвиркой. Предлагает купить.

Солдат Тверской, Новоторжской, слышал про Шевалино, что народ милостивый. Старуха оборванная, Одоевская. Старуха Мясоедовская.

Вчера Маша сама дала 20 к., никто не видал.

Без меня погорелый -- жена сгорела. -- Старуха Колпенская. Я укорил, у сына 8 чел[овек] детей, хлеба нет. Заплакала. -- Ходил на Деготну. На кладбище старик солдат оправлял могилку старухи. -- Вот год ходит, ищет пособия. "Не смотрели бы мои глаза, как в деревню входить"). Святую ходил с образами. Ночевали. Старухи всю ночь Богу молятся, свечи горят. -- Как сек[ли] Пармена. Крал деньги, ситника и пива покупать в кабаке. -- Ходит год -- ищет пособия. Свидетельство дали, но на 6 лет ошиблись в годах. "Не я один, много ходят". Один бросил, другой помер нынче зимой, ходючи.

28 Ап. Судаковской погорелый, здоровый, умный мужик.

Щекинская больная с девочкой 3 дня шла до меня (3.2 1/2).

Городенской Карп Пузанов, маленький, худой. У Гиля работал, тяжело стало. Ходы дальние. Лошади нет, Семенов нету. -

Старуха переволокская. Сын помер. Двоюродный племянник согнал. Ходит, побирается. Была богата. -

5 странников. Потерял билет.

Соловьев удавился от того, что много долгов. Набожной старик. Когда Базунов оставил ему наследство, ему завидовали. Кого он убежал? Что поправлял?

Газета, в Тунисе -- беременным не выпускать кишки (Это клевета, кишки не выпускали. На мой глаз, порублено тысяч восемь (Сноска Толстого.))

29 Апреля. 15-летний мальчик бьет камень. Школа Пет[ра] Васильевича]. Маленький Хохлов читает и рассказывает. Вдова Якова Матвеева. Марка 60 к.

Два Семирновских мужика просить денег на посев. -- Один сладко улыбающийся, другой -- новый, бледный, дикой -- как волк. Дмитр[ий] Фед[орович] на крестины -- 3 р.

Баба Бабуринская, Масей, 13 р[ублей] в росту.

30 Апреля.

Странник хохол, разговорчивый. Молодой человек, старик Симбирско-Самарской. Б.

Федюшка взяли на тягу в тележке, он испугался -- уехали. Жестокость. Щекинская баба, нога в ранах и бедность.

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Иполит возит песок, а у него жена умерла. Убралась в 5 дней. Брат велит жениться, да не хочется.

1 мая. Нобелевской хромой. "Убить не убила, а на горе оставила. Ездил, побирался. Лошади нет. Пожалуйста, пожалуйста". Убедительно, просто. -Должно быть, пьет.

Щекинская баба -- кровища ушла. Голова дурна. Обреклась к Троице.

Старик обнищал. Сумы не сметывала.

Солдат старый, из кантонистов, портной: "Бог привел двух расстрелять". -- "Значит, закон есть". "Прежде засекали на смерть, а теперь нельзя. Такой закон нашли".

Григорий Болхин в ободранной поддевке, робко просил.

Подыванковской брат больной сестры. У сестры нос преет. -- На бедность.

Ягодненский мужик -- нет лошади, семян -- (по слухам).

Бабуриной Михаила -- сын в больнице -- (по слухам).

Солдат с женой старой, величественный вид и голос (оборванец) -- (по слухам).

Солдат оборванный. Одинокий, веселый, что заработаю, то пропью. И не могу. Нельзя. Пропью.

Был на Груманте. Лошадь не нужна; больше из зависти, что Никите дали. Мальчишка собрал[ся] стеречь.

Сергей взволновался о земле. Отводят землю. Мужикам велено быть по местам.

Старушка бестолковая, об усадьбе просить. Я тоже бедная.

Озерская молодайка, лбом об сапог. По слухам оделяет.

Рассказ оборвыша солдата. Как стерег. Одежда по дням хозяйская. Сушкин, Дегтерев, Красноглазов, Добрынин марки. Кормят в богадельне. -

Запирают на постоянных дворах, чтоб не унесли. Отстерег. Ну, магарыч четверть 1,20 выпили еще. Потом ничего не отдали. Вечером приходи.

3 мая. Мужик Саламасовской. Корова издохла. Продавал за 32 р. "Пар вон".

Маленький Крыльцовской Майоров настоятельно требовал на лошадь. Я чувствовал, что виноват (с женой).

Две Головенские нищи.

Пьяный солдат. Стал приставать добродушно, слабо.

Две женщины Щекинские, -- жалки. Солдат Владимирской. Рудаковской старик.

4 мая. Терентий бабуриной, на семена просил. добрая беззубая улыбка. Баба Рудаковская. Норь в голове. наговорена кила. Муж больной. -- Баба Озерская. Сына завенчали (с болезнью женили) константин от конфузу развалившись: на семена. Городенской мужик жаловаться о брате. Брат пьет и делиться хочет. Всё врал. Проходил мимо и пришел попросить. Простите. Ушел.

Странник солдат. Из Павловска, Воронежской губернии. Дочь в прогимназии. Веселая улыбка от радости, что со мной говорит. О мощах и угодниках, готов не верить. -- "Копали ломом у Задонска яму, где искали Пахомия. "Найдет лопату". Нашли. Всё хрящ, вдруг лом в мягкую ушел. "Тут!" Бросились, заорали в яму. Такой крик, что из города услышали. -- А то крикуш бросали с связанными руками туда. Отходили".

5 мая. Никого. Гаврило Болхин едет в ночное на одной худой дои, чалой лошади.

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Дождь, ветер, темно. Ему 52 года. -- Нападение на евреев в Киеве. Сергей не может воздержаться от восторга.

Вчера разговор с Вас[илием] Ив[ановичем] о Самарской жизни. Семья это плоть. Бросить семью -- это 2-ое искушение -- убить себя. Семья -- одно тело. Но не поддавайся 3-му искушению, -- служи не семье, но един[ому] Богу. Семья указатель того места на экономической лестнице, кот[орое] должен занимать человек. -- Она плоть; как для слабого желудка нужна легкая пища, так для слабой, избалованной семьи нужно -- больше, чем для привычной к лишениям.

6 Мая. Старик Рудаковской. Улыбающиеся глаза и беззубый, милый рот. Поговорили о богатстве. Не даром пословица -- деньги -- ад. Ходил Спаситель с учениками. "Идите по дороге, придут кресты, налево не ходите -- там ад". Посмотрим, какой ад. Пошли. Куча золота лежит. "Вот сказал -- ад, а мы нашли клад". На себе не унесешь. Пошли добывать подводу. Разошлись. и думают: делить надо. Один нож отточил, другой пышку с ядом спек. Сошлись, один пырнул нож[ом], убил, у него пышка. выскочила -- он съел. Оба пропали.

Грязной Терентий из Бабурина. Маленькой, раздвоенная борода, беззубая, добрая улыбка. На семена -- женщины.

Анисья Морозова о подушке. Требуют к судебному следователю. "Как бы не засадили". Она выручает брата с 9 душами. -

Семен Резунов. На оборот.

7 Мая. Странник Тверской о монахах вольно судит. Кормить стали плохо в Лавре. Полицейское управление винит.

Хромая щеголиха девка. Брат двоюродный сгоняет. Обе сестры хозяйки, на них вышли мужья.

Городенской бедняк, серый, побирается. -- На праздник. Волховской купец, в халате, худой, генеральский вид. Малоумный. Лежал в больнице. Богатеньких только 5 человек померло. -- "По булке, по 10 кусков сахара на койку выдавали".

8 Мая. Погорелая женщина, мещанка, с ребенком, "мальчик сгорел, муж обгорел". Певчим голосом -- причитает, чисто одета, босиком. С лица чиста.

Ягодненской старичок из Сибири, многословие. "В резонт не принимает, приговор отписали и т. д."

Погорелые, будто бы, Веневского уезда. Один горбоносый, белокурый, молодой. Был уже прежде. Божился, что не был. "Для празнпчка Христова". Какого? -- Не знаю.

Чирюкин просил 3 р. на праздник.

2 солдата оборванные -- выпили в кабаке.

Солдат Мостовской -- ужасный остаток человека, ищет пособия. -

Ходил гулять. Довез меня Николай Цветков. Он с братом устроился по-новому. -- Всё пополам в доме -- подати, праздники, работа, бабья и мужская. А что каждый добудет, то врозь. Вышла было ссора за шаль. Николай купил жене за 2 Г. Яков обиделся. "Я 5 лет женат, не покупал". Чуть не разделились. Теперь живем лучше других.

9 Мая. Рабочие Новосильцы 28 чел[овек]. Пришли выпить, поют песню. Подрядчик нанял постом. Из 700 дворов 100 едят свой хлеб. Земли Г дес[ятины] на душу. -- Грамотных два.

Спросил о троице. Перекрестился, по нашему вот троица. Дал 2 Евангелия.

Два солдата -- оборванцы. Ягодненская дурочка. "Меня испортили, в люльку влез".

10 Мая. Женщина Лапотковская. Евстегний. Богатый дом. Но много убогих. Старуха бабка слепая, тетка хромая, 2 детей, хозяин косолапый. Один работник, ловкий на всё. Стал выпивать. -- Работал на дороге, получил расчет, пропил. Отец ругал.

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Другой раз пропил. Совестно домой идти. С товарищем пошли в Лапотково. Не заходя
домой, украл, сбив пробой, одежду. Свою бросил. Был на поруках. Осудили на год в
острог. Дома сняли надел. Теперь вопрос, принять ли в общество. Два приговора --
не принимать. --Вышло время. Просят.

Дементий Меркулов, Терехин Лапотковской. Прибегал босиком здоровяк за
Евангелием.

Захаровская баба. Семья 10 душ, сноха вдовая и 2 детей, другая сноха солдатка и
один вернувшийся солдат.

На деревне. Козлов позвал к матери. -- Пришел вперед Александр с женой -- пьян.
"Вот видите". -- "Солдат". Норовит уйти. Кормить детей. Замаялся один, без отца
плохо.

11 Мая. Две бабы. Одна солдатка. Демонская, другая Пировская --острожная вдова.
Молодая, тусклая, нечистая солдатка. Осталась одна с ребенком, потому что некого
кормить. Золовка с ребенком. Муж плачет в остроге.

Из Колпны. Сын вдовы Лизаветы Чижиковой Федот Васильев. В Малахово. Поп не
венчает. В палату записать.

Вдова прижила сына. Он вырос. Бумаг нет. Нигде не приписан. Поп не венчает.
Осталась одна, хлеба нет, согрешила, паскудная.

3 странницы. Витебская болтунья.

12 Мая. -

Два солдата. -- Женщина из Переволок. Ищет наследство по муже. Другая из Кучина,
вдова в синем, нечистая, плачет, две девочки, сын незаконный --землю отняли. Сын
нигде не приписан.

Щекинская вдова с двумя детьми, жалкая, оборванная, мутноглазая. Мальчик,
подслеповатый, Косовский. Он женат, был в работниках, сошел. Отец выпивал и
побирался. Как запомнит, не было скотины. Мать померла на Пасху (5 р. стало),
отец плел плетень, закололо в боку, на 5-й день, вчера, помер. Ничего нет, нечем
похоронить.

Был в Туле. В остроге 2-й месяц сидят 16 человек Калужских мужиков за
бесписьменность. Их бы надо переслать в Калугу и по местам. 2-й месяц не
посылают под предлогом, что в Калужском замке завозно.

Немец молодой в блузе, сын ружейного мастера. -- Поднятые брови, слабость и
робость.

13 Мая. Письмо станового. Статистика доказывает, что подати собирать не жалко.
Песок возить можно ли? Моя прежняя грубость. Теперешняя приятность.

14 Мая. Вятской губернии с Ижевского завода. Молодой, умный. Был в Киеве во
время бунта. Жидов выгоняли. Приезжий народ, чистый, в сапогах, поддевках, два
вагона и еще два вагона. Их не забрали. -- Начальство сперва ничего, а потом
запретило. Сам ходил искать мощей на вскрытии. Нигде нет. Странница говорила:
"тебе не покажут. Я за купцами прошла, была, видела, с седой бородой лежит. --
Было бы двести рублей, я бы дошел, удоконил бы". --"Я -- понимаю, что не
сердиться, не браниться, стерпеть".

Прокофий Кузнецов на 22 в истяза[нии?].

Бывший старшина, отец портных. Солдатка у кабашника. Попрошайка.

Хромой бабуриной просит.

Солдат в лихорадке.

114 человек в остроге бесписьменных, солдат человек 6. -- Везут больного, и
мальчик.

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
15 Мая. Вчера Сухотин и Свечин. Сухотин засох. Свечин еще жив. Поехали в Тулу.
-- Шатилов доказывает несправедливость мужиков, судьи и всех. Он при
освобождении оттянул у мужиков 120 дес[ятин]. Отдавал их по 4 р. с тем, чтобы
они выкупали подворно, -- обиделся на них после 20 лет и дал другим. Они ночью
вспахали. -- Взрыв в Туле, солдаты ходят, патронами играют, дети. -- Острог.
Пашет один весело. Смотритель на своей земле. Партию готовят. Бритые, в
кандалах.

Воробьевской муж распутной жены. Старик 67 лет, злобно, "за поджог", больной,
чуть живой. Хромой мальчик. -- За бесписьменность 114 чел[овек]. "Костюм плох и
высылают". Есть по 3 месяца. -- Есть развращенные, есть простые, милые. Старик
слабый вышел из больницы. Огромная вошь на щеке. -- Ссылаемые обществами. Ни в чем
не судимы два -- ссылаются. Один по жалобе жены -- на 1500 руб. имения.
Маленьким был в сумашедшем доме, кривой, в припадках. При нас упал и стал
биться. Высокий солдат сидит 6-й год. Год судился, 1 Г года присужден, 1 г[од] 3
меся[ца] набавка за то, что сказался мастеровым. Общество отказалось, и с тех
пор ожидает партии 2 года. Каторжны[х] двое за драку, не убийство. "Ни за что
пропадаем", плачет. Доброе лицо.

Вонь ужасная.

На возвратном, пути старушка беззубая. -- У нее тринка да у меня. Я говорю: и у
меня. Она: вам и надо много. А наше дело привычное -- к бедности.

Вечером Писарев и Самарин. Самарин с улыбочкой: надо их вешать. Хотел смолчать и
не знать его, хотел вытолкать в шею. Высказал. Государство. "Да мне всё равно, в
какие игрушки вы играете, только чтобы из-за игры зла не было".

Мужик из Бородина, присадничек с яблоньками и рябинками отнимают.

Безногий, бритый, с усами, пропасть чинов окончил.

16 Мая. Костюшкина жена пришла, ела один щавель, брюхо болит. Головеньской
старик погорелый. -- 20 дворов сгорело. -- 2-й раз в 2 года.

Городенская Михайловна. Гиль [?] дал 4 чет[верти] ржи, 4 овса, 2 дес[ятины]
убрать и 30 дней -- росту. -- "Вяжутся женихи". "Льготно".

Иван Иванович Рычагов. Боцманмант. 76 лет. Просят ведро вина мир, чтобы дать
приговор. "Одному так-то дали, а он не поставил. Дай вперед".

Мещанин 67 лет, трясется от холода. -

Почетный гражданин в пальто, с мешочком.

Григорий Болхин. Парень в острог ездит. В 24 камере сидит Костомаров солдат.
Обещал лошадь показать. "Заушил" лошадь.

Никифор Печников Телятин[ский] просил на иструб.

17 Мая. Бабы Городенские о переселении. Федотова жена о корове,

Солдатка из Воробьевки. Сынишка в поносе кровавом. Молока нет. Хлеб, и квас.

Мужик глухой, жалкой из Головенок, погорелый.

18 Мая. Чурюкина старуха приемыш. Слезы каплют на пыль.

Александр] Петр[ович]. -- у Дм[итрия] Федоровича] пища. "Не пышный стол".

Вечером у Вас[илия] Ив[ановича] Маликов и Соколов. Разговор с Соколовым. Он
хотел бы, чтобы на земле было царство небесное. Горячий, честный малый. -- Домой
пришел. Утром Сережа вывел меня из себя, и Соня напала непонятно и жестоко.
Сер[ежа] говорит: учение Христа всё известно, но трудно. Я говорю: нельзя
сказать "трудно" бежать из горячей комнаты в единственную дверь. "Трудно".

Вечером рассказал, что Маликов делает больше для правительства, чем округ
жандармов. С пеной у рта начали ругать Маликова -- подлыми приемами, я замолчал.

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Начали разговор.-- Вешать --надо, сечь -- надо, бить по зубам без свидетелей и слабых -- надо, народ как бы не взбунтовался -- страшно. Но жидов бить -- не худо. Потом в пережку разговор о блюде -- с удовольствием.

Кто-нибудь сумашедший -- они или я.

Приходил Власка денег просить 15 р. на пролетку. В саду Шинтяков.

19 Мая. Сергей Телятинской украл муки мешок силой у знакомого мужика.

Много думал. При разговорах, вызывающих злобу, надо уходить. -- 2 солдата.

20 Мая. Две погорелые Головенские. Домнин муж. Хотел накрыть. Солдатство -- источник распутства.

21 Мая. Два Головенские погорелые. У одного брат больной, вынесли, помер на другой день. -- Телятинская, больша[к] сын попался в 4-й раз. Отнял мешки у знакомого мужика. Хоть бы сослали его с женой. У ней сын 15 лет, незаконный. -- Странник писец в синем, рыжий, беззубый. Кормится. Мужик из Иконок пьяненький. Нажил по откупам 30 десятин. Не хочу греха таить. Николаю помогал.

Спор -- Таня, Сережа, Иван Михайлович]: "добро условно". Т. е. нет добра. Одни инстинкты.

22 Мая. Продолжение разговора об условности добра. -- Добро, про к[оторое] я говорю, есть то, к[оторое] считает хорошим для себя и для всех.

Григорий Болхин, оборванная немецкая поддевка. Руки отваливаются от работы. Хлеба нет. Картошек нет. -- 9 душ семьи. 10 лет бьюсь хлебом. Пудов 90 купляю. -- Исполу посеял овес. -- Колеса не возвращают, всё забывает становой. Статистические сведения.

Баба из Скуратова. Муж за порубку 4 месяца в остроге. 4 детей -- ни хлеба, ни картофеля.

(Вчера) подвез пьяненькой бывший старшина, моложавый мужик, умный, гребенщик. Едут с ярманки. Гордится своим барином и знанием порядков.

Вдова с Груманта просила лошади посеять огород. Картошек нет.

23 Мая. Монах шатун. -- Александр Копылов -- хворосту. Крестник шестипалый -- слег. -- Пошел гулять. На пашне -- бороны, хомуты, у края спят ничком мужик и мальчик. Собака черная в кусте. -- На дороге Крыльцовская баба идет в Тулу-- "хлеба нет, сын обещал сбиться на пудик мучицы". Рассказ о Сергее Телятинском, как он ехал телега на телеге, встретил мужика пьяного с мукой, завернул лошадь, вынул мешки и потянул кафтан, разбудил. Тот проснулся, замахнулся напарником и: скребанул по телеге -- метку сделал. По телеге на телеге и метке, и мешку нашли.

На мосту бритый, в усах, рыжий, красный солдат. Откуда? -- Из Федоровки. -- Куда? -- Камень бить. -- Какой волости? -- Федоровской. -- Такой пет. Ты в беде? -- В большой беде. Не доверял, потом сел со мной. Был унтер-офицер в карауле. Солдаты были в Плоцке, подкопали дверь, ушли. Судили и отдали во Мценск под присмотр полиции. Идет повидаться с родными. Они дадут билет на проход назад. Здесь десятник спросит, я скажу есть. Мало говорил, жалко. Но очень радостно. Человек -- больше, чем Самарин.

Городенской сын молочной сестры, просил денег. Отец хочет вернуться. Вечер гулял.

Пожар в Старой Колпне.

Старик Воробьевской разморенный, думал, что пьяный. Он мучен и не доедает.

24 Мая. Владимирской солдат. Пироговской солдатский сын-- писарь, плешивый, в пальто, пьяный.

Иван Иванович Рычагов, боцманма[т]; ранен в плечо в 29 году, в ногу под Севастополем. Теперь хромает. 76 лет. Пошло их 15 партий из Тульской губернии по

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru 500 чел[овек], а вернулось 40 чел[овек]. -- Пороли на пушке линьками по 500. На мачте в 35 сажен. Лестниц уж нет, ногу завернешь, а руками работаешь. Когда буря, нам отдых. Волна с колокольню. Туда уйдет, опять лезет, как таракан наверх. -- Теперь ходил с товарищем. "Пойдем вместе, зайдем к брату". Зашли, а они голое его. Дала сестра рубаху, портки, холста. А он как был в моей рубахе, так и пропал. Дал рубаху к брату идти. И еще другая рубаха пропала, -

Дмитрий Кузмин Чугунов приполз во 2-ой раз. Ноги засохли. Как насекомое ползает на руках. Бритый, с усами, неприятный. Я нажрался простокваши. Хотел отделаться. Начал с азартом усовещивать его, зачем иструб в 55 р. Оказалось, он женат и 2 детей. 3 года, как отсохли ноги (с глазу, на камне). Изба завалилась. Купил избу. Кормить -- проползет по миру. Лаптишки. Малого (4-х лет) возрастить хочет. Шел из Коровников 4 дня. Ночевал два раза в поле. Пополз через пар целиком за деревней от собак. Огорчен и озлоблен.

Энергия страшная.

Странник молодой, неженатый мужик, обиделся, когда я сказал ему, что ходить не надо.

25 Мая. Зять Михайловны сапожник. Глаза болят. Лошади нет, а взялся работать у Гиля. Таких 3.

Лапотковская баба с теткой. Нельзя ли спасти? Платье сняли с мужика и оставили у станового, тот отдал пострадавшему. Не могут добиться толку. -Послал к Ушакову.

Пошел гулять. На горке сидят бабы, старики и ребята с лопатами. Человек 100. Выгнали чинить дорогу. Молодой мужик с бородой бурой с рыжиной, как ордынская овца. На мой вопрос: Зачем? "Нельзя, начальству повиноваться надо. Нынче не праздник. И так бога забыли, в церковь не ходят". -- Враждебно. И два принципа -- начальству повиноваться, в церковь ходить. И он страшен.

Мостовской молодой мужик, отец отпихнул без раздела, остался с средним братом.

26 Мая. За Ефима Еремычева 10 р. 25 коп. заплатить в больницу.

Лапотковские вернулись. Ушаков обещал.

Странницы из Киева -- ситцы рвали.

Головеньской -- продают нынче скотину за 57 р. недоимки.

Павел Беляев просится в Самару.

Елисеев Сергей за вино.

Сгорела баба.

27 Мая. Щекинской просил на лошадь. Улыбка зубастая. "Сказывали, что в мае выдавать будут". Продал корову, купил лошадь.

Телятынская Елисеева, плачет, просит хворосту. Сын в Крапивне в замке.

Вахтер просится в Самару. Смотритель не выдает деньги вахтерам. Не держит комплекта, ему остаются деньги. Держит свиней. Огород.

Христинья поправила руку Урусову.

Статья К. Аксакова, -- Земля, сироты и государство -- правительство. Земля отдает власть -- Рюрик. -- Можно сказать, что этого желает народ. Но если этого желает, то и не делает величия государства и отдаст также охотно туркам. Правительство-то кто такие? -- Нехристи. И как отделить правител[ей] от земцев -- ноздри рвать?

В Старой Колпне на пожаре старуха бросилась за холстами в чулан, не попала в чулан и сгорела. Вытащили после. -

28 Мая. Мужик из Спасского посоветоваться о брате. Целый день фет. -

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

29 Мая. Дочь молочной сестры, умильная, маленькая. Ни хлеба, ни избы.

Косовской малый, что отца хорони[л] -- лошадь просит. Тотчас ушел.

Бабуриная Кочеткова, грубая, бойкая, прямая, решительная. Ходила к мужу. -- Не погонят ли? Спрашивает: пойдешь ли? -- Пожалуй, -- шутит.

Воздремовской старик от Троицы. Сына старшего в солдаты, меньшей не почитает. Меня ударил, удар, как сожгло, не в указное время в 10 ч[асов] обругался. -

Разговор с Фетом и женой. (Зачеркнуто: Это всё глупос[ти]) Христианское учение неисполнимо. -- Так оно глупости? -- Нет, но неисполнимо. -- Да вы пробовали ли исполнять? -- Нет, но неисполнимо. -

Раскосый кондитер. Замечательный брат артиста. Артист дал 1 р.

30 Мая. Максим Крыльцовской привез баранчиков, на лошадь просит. Наивный, бодрый. Я: "Поддай нищему, не обругай". Он: "Как? Не пойму", Я растолковал. Он понял и одобряет.

Костюшкина жена присылала, а потом приходила просить на картофель. -

31 Мая. Мать Лапотковского, что в Сибирь ссылают. Плачет. Малый хорош. То жалко. Если сошлют, куда же нам идти.

Разговор с Таней о Вас[нлие] Ивановиче]. Мирские не понимают божиих. Нравственность будущей жизни Лизы и безнравственность жизни Тани.

1 Июня. -- Письмо от Страхова. Не хочу о борьбе и убеждениях. А сам судит. -- Письмо американки.

2 Июня. Авдотья Телятинская -- отпустить от работы.

Колпенская баба о приписке незаконного сына.

Письмо от Бибикова. Чирьев получил, из посланных в декабре 10-ти рублей, 7 рублей в апреле. Проводы Василия Ивановича.

3 Июня. Кучер Хомякова, отец, сын и мать. Идут в Москву. Две погорелые старухи, Головенские (коротко подоткнуты). Бибиков с Сережей и Кривцовым едут к царю с иконой в 700 р. Сережа читал дело о земле. Надо выписать. --"Слушали, признав: Земле--справка; приказали".

Ходил гулять, беседа с Иваном Андреичем.

4 Июня. Солдат в поддевке с медалями, кривой, просит дочь выдать замуж. В ноги.

Анисья Морозова -- лошадь обезножила.

Жаров. Злой, нахрапом лезет.

Дм[итрии] Федор[ович]. -- Ошибся: Зорину. Тоже лет хлеба. И у самого нет хлеба.

Мостовской остаток человека -- старик, получил приговор о бедности. Идет в Крапивну. Александр] Петр[ович] написал ему прошение.

5 Июня. Вчера уныл и гадок я был. Злился на Жарова и Одоевского.

Баба Городенская. Муж больной. Она выгода за вдовца первого. --Оттого 2 мальчика. Потом за другого. Пасынок отделился. Сына записали. -- Кормится кусочками и сама по миру ходит. -- Желтая, запухшая. Сбилась совсем. (Зачеркнуто: уж не женщина)

6 Июня. Женщины из Лапоткова. Хриплая и другая. Пришли узнать.

(Вчера старик из Киева. "Жидов гонят к царьку в Египет. Гесса Гельфман -- жидовка").

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Мальчик, сын кол[лежского] рег[истратора], чувственные глаза, слабый. -

Мясоедовские бабы. -- Вострая, косая, двух мужьев вдова. Пришла о письме, а больше деньжонок. Неприятно.

(7 июня.) 7. -- Дворянин Бузов--семья, просит места на заводе. Если бы я выговаривал хорошо, то у меня и слог бы был.

Деменской мужик Кузьмин, брат в солдатах. Сам 11, один работник, худой, тонкий, черты неприятные -- пухлые. "По два дня не едим".

Василий Макар[ов] сошек и слег просит.

[8 июня.] 8. Кочетков из острога просит о том, что его переводят в полуроту Архангельской губернии.

Копылова мать. Давно уже не пекли хлеба. Кусочки не продают.

Из Бабурина на деревяшке, лугов просил.

Странник, разбитый параличом, еле говорит. Тамбовской, рассказывает, сколько раз причащался.

Две погорелые бабы из Головенек. Одна с ребенком.

Ходил гулять. Плотники Одоевские. Рассказ о переселении из имения Красовского Бабошино. Не хотели брать по 60 р. на двор. Согнали с 4-х волостей 700 мужиков с топорами, ломами, вилами, велели ломать. "Грех". "Что ж делать, велят. Не станешь, прибьют". -- "Пускай прибьют, на них, а не на тебе грех будет. Бог велел терпеть". "Оно так. Я, положим, не ломал". Расставили по слободам, -- принялись -- ломать. Кто крышу роет, стропила. Косяки, окна косят. Печи ломают. Мужики, человек 40, ушли на гору, смотрят. Старшина сам перевез. Другие, как начали ломать, сами взялись, чтобы не дуром ломали. -- В одном доме баба только в ночь родила, да еще двойню. Оставили дом. Начальство было: 1) член, 2) исправник, 3) становой, 4) урядники. Пуще всех урядники, так и спуют -- ломай. И старшины.

9 июня. Вчера встретил мужика молодого Новосильского из острога за подгребание муки. Пухлый, сладострастный, с красными пятнами, вшивый. Просидел 3 месяца. Расслаб. -

Константин -- хлеба нет. Картофель посадил. -- Дочь прислал.

Дворовый с женой, противный. Дурачек из Пирова. Жену ищет. -

Из Щекина погорелый солдат с дочерью.

17 июня. Деревни Кучинки Чернопятовой. Анна Максимова -- мальчик Алексей Макаров. Хозяин избил и оклеветал в покраже меди и железа.

Хозяин в Дулиной улице, Зайцовой волости, Петр Алексеев.

21 июня. Бестужевы два брата. Профессор -- порченный наукой. Был добрый. Теперь профессор, чиновник, писатель славянофил, и -- воспоминание о человеке. Беседа о вере, об убийстве на войне. "Я не могу убить; освободить народ -- народ может", т. е. сказать "Пурдик" и потом логика необязательна.

Статья Navet -- поучительна. Ложная точка зрения Renan доведена Navet de Laures до абсурда.

Бибиков, рассказы о приеме царя и царицы. Маленькие комнатки, просто. -

22 июня. Соня сердится, я снес легко. Урусов мил. Разговор о том, что книга действует, потому что это один чистый дух.

Отечественные Зап[иски]. Статьи о сектантах. Шалопуты и

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
странники.

23 И. Михайловна Городенская плачет, вспоминая, как она призрела детей. Мужик рыжий, вдовый. Старшая девочка 15-й год. Проработает 2 дня, принесет ковригу хлеба. Отец бросил. Дети одни. Девочке 9, мальчику 7-й. Михайловнин сын возил навоз, привез мальчишку, 4 дня не ел. Дала хлебца, теста, уж он отоцал, не ест, сердечный. Сестренка взяла на руки, и он спит. Научили походить по деревне.

Странник с Кавказа, жалко не спросил о шалопутных.

Крап[ивенского] уезда. Угрюмы. Два двора. Разоренов и Матросов –просят деньги страховые.

Малаховской дерев[ни], Потем[кино]кой волости, Николая Краснова сына 13 лет в сум[ашедший] дом.

Городенская Ларивона Федорова, вышла на переселение. Кунриян Денисов.

Липатовской просит места. Сергиевской волости. Дер[евня] Стрекаловка. Пудей Иван[ов] Буданов -- просит за лес-- 56 л[ет].

24 И. Городенские две женщины. Одна задыхающаяся, нечистая, большеротая старуха. Другая позеленела от голода -- молодая. Пар не пахан -- муж больной.

Слепая падчерица с мачехой о земле. Я злился, потому что не мог ничего понять. Батю-ю-шка!

Две побирающиеся, худые женщины из Кожуховки.

Смотритель из Лапоткова просит места.

Мужик из за Бабурина, худой, бледный и мрачный. Сгорел г[ода] т[ому] назад. Брата отдали, сам 11.

Степан Телятннской просит слег.

25 июня. 10 чел[овек] странников. Старик 68 л[ет], слепой, со старухой. Высокой, тонкий, живой. Похож на слепого Болхина. Жалуется на мужиков –отняли землю, дом (чтобы похоронить его) и долю в проданном лесе. Рассказы про хохлов. От деревни до деревни 40, 30 и 20 в[ерст] обыкновенно. Через улицу кричат. Заходи ночевать. Напоют, накормят и постелят. И на дорогу дадут. Продавать кусочки некому. Наши набрали слепые, да раздвинули коноплю и бросили. -- У нас нищеты страсть. Некому подавать. Я не продаю -- сирот кормлю, не в похвалу сказать. Даром отдавать -- жалко. Продай. Не продаю, вчера не ели, и нынче дело к ужину. Плачет. Давай безмен! Денег не взял. Рассказ про хохла. Узнал, что я темный, снял Пантелеймона. На колени, сам плачет. Целуй в глаза. -

Два из Сибири. Один слесарем был, тянул. Идет откапывать деньги. Другой у купца 16 лет выжил по 100 р. на год.

Кузминской удивлен, что не одобряют Муравьева. "Он делал это по убеждению". Он грабит на дороге по убеждению.

[27 июня.] 26, 27. Очень много бедного народа. Я больнешенек. Не спал и не ел сухого 6 суток. Старался чувствовать себя счастливым. Трудно, но можно. Познал движение к этому.

[28 июня.] 28. С Сережей разговор, продолжение вчерашнего о Боге. Он и они думают, что сказать: я не знаю этого, это нельзя доказать, это мне не нужно, что это признак ума и образования. Тогда как это-то признак невежества. "Я не знаю никаких планет, ни оси, на к[оторой] вертится земля, ни эклиптик каких-то непонятных, и не хочу это брать на веру, а вижу ходит солнце, и звезды как-то ходят". Да ведь доказать вращение земли и путь ее, и мутацию, и предварение равноденствий очень трудно, и остается еще много неясного и, главное, трудно вообразимого, но преимущество то, что всё сведено к единству. Также и в области нравственной и духовной -- свести к единству вопросы: что делать, что знать, чего надеяться? Над сведением их к единству бьется всё человечество. И вдруг разъединить всё, сведенное к единству, представляется людям заслугой, кот[орой]

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru они хвастают. -- Кто виноват?-- Учим их старательно обрядам и закону Божию, зная вперед, что это не выдержит зрелости, и учим множеству знаний, ничем не связанных. И остаются все без единства, с разрозненными знаниями и думают, что это приобретение.

Сереза признал, что он любит плотскую жизнь и верит в нее. Я рад ясной постановке вопроса.

Пошел к Константину. Он неделю болен, бок, кашель. Теперь разлилась желчь. Курносенк[ов] б[ыл] в желчи. Кондратий умер желчью. Бедняки умирают желчью! "От скуки" умирают.

У бабы грудница есть, три девочки есть, а хлеба нет. В 4-м часу еще не ели. Девочки пошли за ягодами, поели. Печь топлена, чтоб не пусто было и грудная не икала. Константин повез последнюю овцу.

Дома ждет Городенской косою больной мужик. Его довез сосед. Стои[т] на пришке.

У нас обед огромный с шампанским. Тани наряжены. Пояса 5 рублевые на всех детях. Обедают, а уже телега едет на пикник промежду мужицких телег, везущих измученный работой народ.

Пошел к ним, но ослабел. 3 бабы -- Егора безрукого, Архипа Резунова и Ларивонова -- ворочаются с пустыми чашками от поручицы. -- Она (умница) дает творог, да не застали -- уехала на дачу. Нечем разговеться.

Константин из Тулы едет, подвозит Власа. Белки желтые, в шубе Петровками, живот к спине подвело, боится умереть от скуки -- желча. --Ничего не хочется. --

Утром жена его говорила, что приходила к нам, не дождалась. Ребенок дома кричит, девчонка не управится, а другая лошадь стережет, а муж на печи. -- Скверно.

Вчера вечером разговор с Кузм[инским] о том, что Богоявл[енский] не революционер, если он хочет приобрести социальные книги.

29 июня. Старичок, кроткий, зажиточный (плачет сейчас), просит строиться. Вперед готов заплатить штраф мировому. -- Странники. Побирушка из Городны пришла на балкон и легла в ноги в середине двери. --

Разговор с Юр[ьевым], ему не нравится, что землю хотят мужика[м], а во всём либерален.

1 июля. Иона из Городны. Две бабы из колпны. Одна худая, быстрая, другая брюхатая, грубая, как колода. Платок повязан рогами. Упорно ждет. --

Никифор Грецовской с Фадеев[ым]. Разговор о том, что обидчиков простить надо. Читает Евангелие: и кто хочет взять у тебя руб[аху]... Смеется. Да что ж, это разве на смех сказано?-- Ну, так и надо делать...

2 июля. Мужик старик из Варвар[ки], Басовской волости подмигивает, взаймы.

Кривая, босая, худая вдова.

Солдат помер, сельца Крыльцова Егор Иванов Захаров. Осталось 4-о детей. Нельзя ли вдове пособие?

Другая вдова Крыльповская, толстая, грубая, а нищая. --

Я ушел от дождя в дом, а они всё сидели под дождем (Слово: дождем написано дважды), ждали меня под деревом.

Плехановская губощапая, крепкая, улыбающаяся старуха. Сын умер на вербную. На Троицу сгорела сноха, осталось 4-о детей.

3 июля. Я с болезни не могу справиться. Слабость, лень и грусть. --необходима деятельность, цель -- просвещение, исправление и соединение. Просвещение я могу направлять на других. Исправление -- на себя. Соединение с просвещенными и

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru исправляющимися.

Кривцовской маленькой мужик верхом с курицей. "Как вы присоветуете -лошадь стара". -

Баба с дурачком -- укладывает его спать. Ее руку под голову, ноги на нее. Пальцы обсосал. Щи ест руками. Авдоша! На веревочке.

4 Июля. Солдат. Здравия желаем, развязный. Монахиня. При пожаре нашли ветчину и водку. Нищие, странники.

Старик Мостовской. Ушаков -- *Le physique de l'emploi!* [наружность соответствует должности.] Как увидит просителя, так захрапит.

5 Июля. М[атве]я Егор[ова] сноха плачет трогательно, 5-ро детей. Старик с сыном хотят бросить. Сено врозь. Старик спотыкается о калмыжки. Ребят клянет.

Чиновник -- проситель.

Самарская вдова Николаевская.

Белевская. Батюшка кормилец, и всё крестится.

Вчера из Городны баба жалкая, умильная с циплятами. Просила па подати. Старосту посадили на 5 дней за неуплату. Нынче кормилицын внук просить на подати. Худой, скуластый, басистый. Рука болит, в покос взволдырилась.

Заехали с Таней к Константину. Надежда с страшной грудницей, умирать хочет.

Бибиков рассказал про Крутенского мужика. -

Его брат солдат помер, солдатка жила у Дол[инных]-Ив[анских]. Кучер исправника хочет на ней жениться. Присудили ей дом, двор и землю и его выбивают из дома с детьми. Всё на основании мнимого раздела, вписанного братом в книгу. Он б[ыл] старостой. -- 3 дня писал карандашом.

6 Июля. Немец в падучей, голый. Сергей просил ему блузу.

Надежда Константинова пришла с грудницей, страшно жалкая.

Разговор с Кузм[инским], В[асилием] Ивановичем] и И[ваном] Михайловичем. Революция экономическая не то, что может быть. А не может не быть. Удивительно, что ее нет.

Курносенкова родила, воспаление. И хлеба нет. Приходила Анисья Морозова.

Щекинской чахоточный мужик. Хлеба нет.

7 Июля. Кормилицы внучка. Отнимать надо, хлеба нет. -- Не пахан пар, подати. -

Щукин всё подает прошения Игнатьеву. -- Бессарабские старообрядцы.

Старуха беззубая, морщинистая -- лжет, что из-под Крапивны. Сноха гонит.

Женщина с девочкой. Ягодненская. Больной глаз, плачет. Лжет о печке, слезы льются на камень.

Два солдата -- из Тулы и Киева по монастырям.

8 Июля. Бедный прикащик, не пьяное лицо.

Упорный полусумашедший в синем, мужик о подаренной земле.

Зять старик с женою, старик Ягоден[ской] из Сибири.

(10 июля. Спасское-Лутовиново.) 9. 10 июля. У Тургенева. Милый Полонской, спокойно занят живописью и писаньем, неосуждающий и -бедный -- спокойный. Тургенев -- боится имени Бога, а признает его. Но тоже наивно спокойный, в

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
роскоши и праздности жизни.

Дорогой, в военном кителе старик помещик с бородой. "Переселенье". "Нет, отобрать землю". "Опять будет неровно". Дочь помещика: опять переделит. Только и сказала. -

[Я. п.] 11 Июля. Приехал домой: дворянин белесый, пальто без пуговиц.

Две бабы солдатки Деменские. Одна весело просит на хлеб 5 детям и хворосту.

Соня в припадке. Я перенес лучше, но еще плохо. Надо понимать, что ей дурно, и жалеть, но нельзя не отворачиваться от зла. -

С Таней разговор о воспитании занял до утра. -- Они не люди.

Молочная, сестра Авдотья боится войти. Ничего не хочет. Губернатора все хочет, чтоб я заместил. 800 р. в месяц. -

Матв[ея] Егорова сноха -- вдова в печальном платке, плачет. Ее избили.

Степан Матросов займы 15.

В лесу Сергей Рез[унов] с снохой едут в чащу и накосить травки. Жалуется на сына и 20 пудов купил.

12. Июля. Проснулся в 5. От желчи не спал. Пошел ходить, ослаб. Михайловна и старуха бедная, чисто одетая, с циплятами.

Слесарь из Саламасово. Болен, 3 детей, побирается, а чисто одет в кафтане.

Зорина идет босиком к Ал[ексею] Степановичу]. Побирушка ждет, хлеба купить. Вчера с покоса пришли, легли не ужинавши. Похлебали только. Коровы нет.

У дома Жарова. Пожалейте вы меня, 2 дня не ели.

У Дм[итрия] Федоровича] сестра. Муж на поселении. Сослан за то, что погрозился. Дай 10 к., а то сожгу. "За пустяки".

[По дороге в Самарское имение.] 13 Июля. Выехали. Жалко Соню. Миташа. Его отдали под суд за то, что он добрый и тщеславный. Сидел с нами в 3-м кл[ассе] хорошо и пошел в царские вагоны к Николаю] Николаевичу] младш[ему].

На всех станциях и в народе волнение -- царек едет. Ура кричат. -

В Скопине толпа давит. Народ на крышах. То же в Рязске.

Помещик Воронежский, косой, пухлый, мелкопоместный, грубо чувственный, -

С духовными побеседовать, вот хорошо. И рассказы о том, как попы в старицу жрали -- 100 блинов. И отчего преданье народное -- жеребьячьа порода. Что-нибудь да это значит, и о том, как черничку до смерти, хохочет. Вот они как.

Мужик Михайловской испугался, что не 3-й класс, что лишнее возьмут. -Кучер, водивший лошадей, смеется над ним. Едет в Рязань по делу, 1700 р. пропадают. Корыстная, хитрая улыбка.

Громы -- милый, тихий, толковитый человек.

14 Июля. Немец, купцы до Моршанска. Из Моршанска. Богурусланская кухарка с семьей. Была у барина на даче. Он кормил с семьей. Восточная будто, строгая, мрачная красота и вдруг старая, беспомощная улыбка. Фартук с дивана спорили, бросили. Затереть годится. -- Дети набалованы, а едет на работу.

В горничных большею частью, с огромным мешком. Из Нижнего Ломова. Идет жать. Не отвыкла. Брату 28 р. послала.

Калужская живет в Самаре, муж прялки делает. Была бой баба, 4 дочерей выдала. Осуждает всех. -- Звезда к концу света.-- Купец сказывал: царь просил у синода

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
земли под дворец. Дали. Еще детям. Дали. Еще племяшам и братьям. Дали. Еще
вобщим детям. Дали. Самим ничего не осталось.

15 и. Оренбургская] дорога. Солдат с артелью идет кирпич бить, 57 лет. Один с
женой кормится. До 60 лет добыю, способно получать стану. Как кормиться.
Корс(унского] уезда. За 70 в[ерст] пришли, до парохода, проехали до Самары.
Старики подбивали идти пеши, чтоб проездные деньги остались. Был спор об 38
к[опейках]. Настаивали, чтобы лишних 30 в[ерст] пройти за 38 к[опеек]. -

Был солдатом, пошел женатый. Жену 16 лет не видал.

Вчера облом мужчина с женой, косая сажень в плечах. -- Прилег на жену. Не думая,
лег на пол. Ничего в головах и заснул.

Вчера же из Ильмина мужик с женой и девочкой, продал дом, пошел кормиться.

У Власовых. Савелий наивный мужик. В атмосфере корыстолюбия. В мраке.

Самарский хутор. Приехали домой.

16 и. Ходил и ездил смотреть лошадей. Несносная забота. Праздность. Стыд.

17 и. Нынче хочу писать и работать.

Сафронова лошадь просила.

Емельянов.

Татьяна Рыжкова.

18 и., пятница. Ходил хлеб смотреть. Встретил молокана молодого.

С Сережей спор о душе. -- Доказать и объяснить. -

19 и. Суббота. Никитич. Я ему, Романычу, толковал политические дела.-

Никитич знает переселения маршрутных. Маршрутные все пропали, как мухи. -

[20 июля.] 20. Воскресенье. У молокан моление. Жара. Платочками пот утирают.
Сила голосов, шеи карие, корявые, как терки. Поклоны. Обед: 1) холодное, 2.
крапивные щи, 3. баранина вареная. 4. лапша, 5. орешки, 6. баранина жареная, 7.
огурцы, 8. лапшенник, 9) мед.

Утром бедная женщина, грубая, плачет, с ребенком, гавриловск[ая].

Волостной суд. 1) Сапоги снял с татарина. 2) Молокан ищет на работнике пшеницу.
Урядник по жалобе матери попу Знамен[скому?] "я тебе туда запекун", хохот.
Присудил православный в пользу молокана. Староста пьяный. Магарычи губят.

Молоканская беседа о 5-ти заповедях. "Спаси Господь". живое участие.

[21 июля.] 21. Николай Чирьев. Один с ума сошел от голода и тоски. -Женщина из
Гавриловки. Лазарь. Гордость хозяина, не побирайся, а подавай. Мне ничего не
нужно. Куда мое добро? Я не упускал дома, чтоб похоронил. Борис Андреич; "с
деньгами и без денег умирают".

Всех оделил. Бога помнил, даром, что башкирин. -

В Гавриловку -- едут жать бедные. Михаила новокрещен[ый], 13 лет оставил отец,
потом сам тужил. Ступай в башкиры, молись по-своему, я буду хлебом кормить.

Субботник, на кошке Библию мямлит. "Вот этого-то опасаемся. Премудрость,
глубина. Варуха глава 4. Субботница разбитная баба. "Если неправда, надо
оставить. А то на нее ссылаются".

Вас[илий] Никитич согласен, что вера в делах.

Бабай. В телеге прямо, уши. Песни. Трам-та там и т. д.

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Когда спать? Завтра. Куда пускать будешь? Ташил. Оглоблю сделает кова[ль]. Умирать не надо, внучке дом строить надо.

[22 июля.] 22. Мужики Антоновские, побыли на 4-х дес[ятинах], 220 р. Не сговорились. Молокане. Я читал свое. Горячо слушают. Толкование 6 гл[авы] прекрасно. Чудо Хананеянки, беснующаяся, заблудшая. Истиной исцелял.

Пругавин. Сютаевцы -- сын в крепости за отказ от военной службы.

Сереза хворает, у меня флюс.

22 июля. Целый день развареный от флюса.

24 июля. Павловской бабы муж умер в остроге, сын от голода. Девочку отпоили молоком.

Патровской бывший пастух, нищета. Белый и седой.

Разговор с Аидр[еем] Андреевичем] о господах, тех, к[оторые] за землю стоят и тех, к[оторые] стоят за раздачу. Василий] Ив[анович], Орлова-Давыдова крестьянин. По десятине на душу. На квас не хватает, а у него 49 т[ысяч] десятин.

Мельница. Кузнец и Арсентий "кожурно". Воробнна. Затылком, или я дешевле тебя стою.

26 июля. Старик Гавриловской кожевник. Гуторить не даст. Молокан (военного вида). -

Ездил к Ив[ану] Дмитриевичу]: встретил с жнитва едет семья глухого Емельянова, под дождем, 2 детей. Нищета на всем.

[8 августа.]. Пропустил до 8 Августа.

Переселении по маршруту, по указу. -- Драка с самовольной Ивановкой за покосы, на другую сторону пошли. Убил из ружья. Только хутора молоканские. -- Кантонные начальники-- богачи из башкир и из русских потом.

Приехали, сели на землю и повозках. -

Магомет сказал: за зло делай добро. Зло само накажет. Баба сказала: неправда. Испытай. Спекла две пышки -- одну с ядом, другую хорошую -- дала нищему. Нищий пошел, сел у карвана. Едут домой сын и муж. Отпрягли лошадей -- пустили. Попросили. Дал пышку, привели к бабе.

9 Августа. Сереза уехал. Еремей Ив[анович] с женою и сватом. -- Поездка в Покровку. Мужик с возом, спрашивает: как думать -- пудов на 10 будет? --"В три версты кладено". Для него никого нет, кроме мужиков и хлебосевцев -целовальник в том числе.

[10 августа.] 10. Землянки. Тоска -- усталость. Молокан передал письмо. Заботится о том, чтобы не было гоненья. "На твоей воле -- перейди. Как было, не хочется. По строке-то оно -- так, да пить-то -- жалко своего-то". Еремей Ив[анович] ночью приехали. Уж я и хлебы поставила и замесила, и посадила. Не знаю, каковы выйдут. Все нужда. Красивая, широкая, сильная старуха с усталыми большими черными глазами.

Работник базарного всё рассказывал про хозяев. Ведут себя по благородному: в обед встают. Ни одна стряпка не угодит. К чужим милостива, а к своим не может сердце удержать. Дал 2 яблока. Отживу да и сойду. -Наемка. Ошалел, нанимал татарченка.

Вечером пошли провожать Лизу. Темно. Сверху кибитки свет, мы думали звезда далеко. Азис шайтанов не боится.

"Когда мой не хорош. Целый день торговался". -- Лиза, за ней по тропочке. Азис босиком, распояской. Навстречу огни красные, брызги огня высоко. Это Исам шаман со свечкой в розовой рубахе распояской, на бугре. Это ты, Лиза? С кем ты? А!

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Азис. Увидала, застыдилась. Азису показал шатры катык сирчат бузит.

11 Авг. Целый день не в духе -- тяжело. Малахов едет с семьей на бахчи. Стишков с братом покупает лошадь.

12 Авг. Вас[илий] Николаевич] Ерем[еев] о старухой. Сиников.

Ерем[еев] о порче на лошадей. Я ему молвил в любовь: пешой, а он в гнев принял. Будешь пеш. Мы зазывали в кабак. "Ты зайди сзади, по носу ударь. В кровь разбить, утереть да сжечь -- перестанет знать". Покликуши. На кого кричит? Взойдет: как кумач, в полуме лежу. Тоска! Выкричусь и пройдет. -Плотники за ужином, матерщиной. Хрустит по потолку. Ягняк упал в чашку с молоком. -

В Гавриловке убили колдуна.

[13 августа по дороге в Ясную Поляну.] 13. Выехал домой. У Власовых молотилка. Зависть племянника к дяде. -- Начальник станции: "Как на скотном дворе". -

[14 августа.] 14. В Самаре. Пругавин. Слезы Вас[илия] Ив[ановича]. -

[15 августа.] 15. В Моршанске рабочие татары. Больной. Записка. "Получено сполна -- вези, куда им надо". Высадили, двойной платеж. -

[16 августа.] 16. В Ряжске: убит машиной. Каждый месяц- человек. Все машины к черту, если человек. (Добрый семьянин и милый Громов.)

[17 августа.] я. п. 17. Дома. Инженер делает мне честь в 3-м классе. Старик прикащик Мих[аила] Юрьича. Артельщик. Узнал Оболенского: они меня отдали, за чужую волюсть (Как легко сделать зло.)

Поправил либеральный рассказ о въезде госу[даря] в Москву. Менгдены. Полон дом. Лихо за свои гроши. Дрожишь за Таню.-

[18 августа.] 18. Театр, пустой народ.

[22 августа.] Из жизни вычеркнуты дни 19, 20, 21.

22. Тургенев, Самарин. Самарин тронул. Антипатия -- дурное воспитание. -- Тургенев сапсан. Грустно.

Встреча народа на дороге радостная. -

[23 августа.] 23. Кузминск[ий] говорил. Я редко б[ыл] так тронут. Он стал другой человек.

27 августа. 24, 25, 26, 27. Ничего не помню. Соня в Москве. Покупки. Делать то, что не нужно -- грех. Разбранить человека за портрет гос[ударя] навывор[от] и гостиную купить одинаково безумно и ведет к злу.

[28 августа.] 28. Не мог удержаться от грусти, что никто не вспомнил.

[29 августа.] 29. Морозова просит, чтобы отсрочили -- дочь выдать, а потом в замок на 2 месяца. Об этом не толкую, а 60 р. Зайцева со свахой приезжали. "Надо пожалеть". "Нет, я мужа утопила: Зачем худо делает. Мировой судья добрый, но не знает греха".

[20 августа.] 30. Пытаюсь работать сначала -- тяжело. Нездоров.

[31 августа. Пирогово.] 31. В Тулу. Деньги Сереже. Он вечно в том состоянии, в к[оторое] я приходил на мгновение в Самаре.

Гагарин наивно высказывает, что он. гнет мужика, п[отому] ч[то] может. -

[2 сентября. я. п.] 1) 2. Вернулся из Пирогова. Умереть часто хочется. Работа не забирает.

3 Сентября. Ходил на сходку об Александре. Резуновы кричат. Из окна волоком высунулась старшинская бывшая. "Осторожная. Каторжная". Нелюбви много в народе.

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Анисья готовится идти в острог. Получила повестку. "Я себя клян, что не сказала. Дом пропадет. Невестка тащит". -

[4 сентября.] 4) Нынче. Странники. Солдат старый. Был у Тихона под Калугой, когда исцелился 10 лет расслабленный. Как народ бросился -мальчика на смерть задавили, а женщина выкинула. -- Босой маляр. Духовного звания. Чахоточный слесарь из Мясоедова. -- Костюшкина. жена. Дочь молочной сестры.

Михайловна рассказывала воскресенье про Городенскую жизнь. Опять уже доходит хлеб. Сама старуха ходит на барщину к Хомякову. Пища один хлеб. -

1881, 5 Октября. [Москва.] Прошел месяц -- самый мучительный в моей жизни. Переезд в Москву. -- Всё устраиваются. Когда же начнут жить? Всё не для того, чтобы жить, а для того, что так люди. Несчастные! И нет жизни.

Вонь, камни, роскошь, нищета. Разврат. Собрались злодеи, ограбившие народ, набрали солдат, судей, чтобы оберегать их оргию, и пируют. Народу больше нечего делать, как, пользуясь страстями этих людей, выманить у них назад награбленное. Мужики на это ловчее. Бабы дома, мужики трут полы и тела в банях, возят извозчиками. -

Николай Федорыч-- святой. Каморка. Исполнять! -- Это само собой разумеется. -- Не хочет жалованья. Нет белья, нет постели. -

Соловьев бедный, не разобрав христианство, осудил его и хочет выдумать лучше. Болтовня, болтовня без конца,

Был в Торжке у Сютаева, утешенье.

[ДНЕВНИКОВАЯ ЗАПИСЬ 1882 г.]

1882. декабря 22. Опять в Москве. Опять пережил муки душевные ужасные. Больше месяца. Но не бесплодные.

Если любишь Б[ога], добро (кажется, я начинаю любить его), любишь, т. е. живешь им --счастье в нем, жизнь в нем видишь, то видишь и то, что тело мешает добру истинному -- не добру самому, но тому, чтобы видеть его, плоды его. Станешь смотреть на плоды добра -- перестанешь его делать, мало того --тем, что смотришь, портишь его, тщеславишься, унываешь. -

Только тогда то, что ты сделал, будет истинным добром, когда и тебя не будет, чтобы портить его. -- Но заготовляй его больше. Сей, сей, зная, что не ты, человек, пожнешь. Один сеет, другой жнет. Ты, человек, л[ев] Н(иколаевич), не сожнешь. Если станешь не только жать, но полоть --испортишь пшеницу. -- Сей, сей. И если сеешь Божье, то не может быть сомненья, что оно вырастет. То, что прежде казалось жестоким, то, что мне не дано видеть плодов, теперь ясно, что не только не жестоко, но благо и разумно. Как бы я узнал истинное благо -- божие -- и от неистинного, если б я, человек плотский, мог пользоваться его плодами?

Теперь же ясно; то, что ты делаешь, не видя награды, и делаешь любя, то наверно божие. -- Сей и сей, и Б[ог] возрастит, и пожнешь не ты, человек, --а то, что в тебе сеет.

[ДНЕВНИКОВАЯ ЗАПИСЬ 1883 г.]

1883. 1 января. Когда только проснусь, часто мне приходят мысли, уяснения того, что прежде было запутано, так что я радуюсь -- чувствую, что продвинулось-----

Так на днях -- собственность. Я всё не мог себе уяснить, что она. Собственность, как она теперь -- зло. А собственность сама по себе --радость на то, что тем, что я сделал, добро. И мне стало ясно. Не было ложки, было полено, -- я выдумал, потрудился и вырезал ложку. Какое же сомненье, что она моя? Как гнездо этой птицы ее гнездо. Она хочет им пользоваться, как хочет. Но собственность, ограждаемая насилием -- городовым с пистолетом -- это зло. Сделай ложку и ешь ею, но пока она другому не нужна. Это ясно. Вопрос трудный в том, что я сделал костыль для моего хромого, а пьяница берет костыль, чтобы ломать им двери.

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Просить пьяницу оставить костыль. Одно. Чем больше будет людей, которые будут просить, тем вернее костыль останется у того, кому нужнее.

Нынче Гудович умерла. Умерла совсем, -- а я и мы все умерли на год, на день, на час. Мы живем, значит мы умираем. Хорошо жить, значит хорошо умирать. Новый год! Желаю себе и всем хорошо умереть.

ДНЕВНИК 1884 г.

Мужик вышел вечером за двор и видит: (Зачеркнуто: человек) вспыхнул огонек под застрехой. Он крикнул. Человек побежал прочь от застрехи. Мужик узнал своего соседа-врага и побежал за ним. Пока он бегал -- крыша занялась, и двор и деревня сгорели.

Китайские пословицы.

И из реки мышь не выпьет больше того, что в брюхо влезет (богатство).

Чего нельзя сказать, лучше не делать.

Бог не поможет, коли упустишь.

Когда пить захотелось, некогда колодца рыть.

Сладкие речи -- яд, горькие -- лекарство.

Яйцо все крепко, а насидится, цыпленок вылупится.

Кто бьет на самое лучшее, добьется хорошего, а кто бьет только на хорошее, тот никогда не дойдет до него.

Останови руки, останови и рот.

Дегтярная бочка только на деготь.

Доброта завяжет крепче долга.

На чужие деньги жить--время коротко, на других работать-- время долго.

Открой книгу, что-нибудь да узнаешь.

Настоящий человек всегда, как дитя.

Не тот судья, кто играет, а кто смотрит.

Счастье умному радость, а дураку горе.

Себя попрекай, в чем других попрекаешь, а других прощай, в чем себя прощаешь.

Из л а о ц ы. XXVI

Когда человек рождается, он гибок и слаб; когда он колян и крепок -- он умирает.

Когда деревья рождаются, они гибки и нежны. Когда они сухи и жестки, они умирают. Крепость и сила спутники смерти. Гибкость и слабость спутники жизни. Поэтому то, что сильно, то не побеждает.

Когда дерево стало крепко, его срубают.

То, что сильно и велико, то ничтожно; то, что гибко и слабо, то важно.

Я сейчас перечел среднюю и новую историю по краткому учебнику.

Есть ли в мире более ужасное чтение? Есть ли книга, которая могла бы быть вреднее для чтения юношей? И ее-то учат. Я прочел и долго не мог очнуться от тоски. Убийства, мучения, и обманы, грабежи, прелюбодеяния и больше ничего.

Говорят -- нужно, чтобы человек знал, откуда он вышел. Да разве каждый из нас вышел оттуда? То, откуда я и каждый из нас вышел с своим мирозерцанием, того нет в этой истории. И учить этому меня нечего.

Так же как я ношу в себе все физические черты всех моих предков, так я ношу в себе всю ту работу мысли (настоящую историю) всех моих предков. Я и каждый из нас всегда знает ее. Она вся во мне, через газ, телеграф, газету, спички, разговор, вид города и деревни. В сознание привести это знание? -- да, но для этого нужна история мысли -- независимая совсем от той истории. Та история есть грубое отражение настоящей. Реформация есть грубое, случайное отражение работы мысли, освобождающей человечество от мрака. Лютер со всеми войнами и Варфоломеевскими ночами не имеют никакого места между Эразмами, Boetie, Rousseau и т. п.

Из Вед:

Будь они лошади, коровы, люди, слоны, всё, что живет, ходит, плавает и летает, всё, что даже не двигается, как деревья и травы, все это глаза разума. Всё образовано разумом. Мир есть глаз разума, и разум его основа. Разум ость единое сущее. Человек, отдаваясь разуму и служению ему, спускается из этого мира явлений в мир блаженный и свободный и становится бессмертным. --

Конфуции не упоминает о Шанг-ти--личном Боге, а всегда только о небе.

А вот его отношение к миру духовному: его спрашивают, как служить духам умерших. Он сказал: Когда вы не умеете служить живым, как вы будете служить мертвым? -- Спросили о смерти: Когда вы не знаете жизни, что вы спрашиваете о смерти? -- Спросили: знают ли мертвые о нашем служении им? Он сказал: если бы я сказал, что знают, я боюсь, что живые погубили бы свою жизнь, служа им. Если бы я сказал, что не знают, я боюсь, что совсем бы забыли о них. Вам незачем желать знать о том, что знают мертвые. Нет в этом нужды. Вы все узнаете в свое время.

Что есть мудрость?

Искренно отдаваться служению людям и держаться дальше от того, что называют духовным миром -- это мудрость.

Управлять значит исправлять. Если вы ведете народ правильно, кто посмеет жить неправильно?

Было много воров. Спросили: как от них избавиться?

"Если бы вы сами не были жадны, то вы бы деньги платили им, и они не стали бы воровать".

Спросили, хорошо ли для блага добрых убивать дурных?

"Зачем убивать? Пусть ваши желания. будут добрые, и все будут добрые. Высшее всё равно как ветер, а низшее, как трава. Ветер дует, трава гнется".

Весь вопрос в том, что и кого считать высшим. --

Считать высшим, поднимать, уважать доброе.

Считать низшим, спускать, презирать злое -- без сделок.

[6] 18 марта. Москва.] Переводил Лаоцы. Не выходит то, что я думал. Был Озмыдов. Он бодро и бедно живет в деревне с семьей. Делал по деревне складчину для бедняка в параличе с семьей.

Не спал ночь. Лег перед обедом. После пошел походить и к Усову. Здоровый, простой и сильный человек. Пятна на нем есть, а не в нем. Он поддержал мое отвращение к обществу формальному, к которому приглашает письмо Щепкина. -- Потом ходил по переулку. Приехали фортуналовы?], Юрьев, Лапатины. Бесполезно и недостойно провел вечер. -- Вечер читал Сальяс о Кудрявцеве -- прекрасно. Грехи: праздно и сластолюбиво весь проведенный день. Антипатия к Ф. Письма: от Щепкина -- неясно и нехорошо по мотивам. От дамы, имевшей видения. От Ковалевского,

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Харьковского психиатра. -

[7/19 марта.] Читал о Конфуэе. Встал очень поздно. Ездил верхом до Аминева и назад. Все работают, только я гуляю. Обедали Варинька с мужем. Очень слаб был весь день. Вечер хорошо работал сапоги. Пришли Илья и Леля и очень весело работали. Посидели за чаем с старшими детьми. Прошел до Олсуфьева, отдал книги. И у Сережи -- Кост[енька], Наг[орнов], Об[оленский]. Говорили, слава Богу, мирно.

Гр[ехи]: 1) Читал письмо Ролстону. -- С[оня], не дослушав, стала запрещ[ать]. Я раздражился на мгновенье. 2) Встал лениво -- не убрал комн[аты]. Сыну Сереже похвалился Усовым.

[8/20 марта.] Встал в 9, весело убрал комнату с маленькими. Стыдно делать то, что должно -- выносить горшок. Задремал. Ходил к Барановским об Элен. -- Бедный изломанный богатством -- Барановский. Зашел к Сереже. Они пообедали. Дома обедал. Шил долго и приятно сапоги. В 11 к Сереже. Дружелюбно. Выпил вина больше обыкновенного. Не помню дурного. А было много, хоть насмешки над Баянус[ом] и болтовня.

Письма -- не интересн[ые]. Нет, -- письмо Урусова --хорошее. Именно счастье, благо -- истины.

Гр[ехи]. Хвастал Сер[еже] брату, что если бы хотел, нажил бы миллион, чтобы отдать Костиньке.

[9/21 марта.] Проспал до 12-го. Пришел Гуревич, эмигрант. Еврей. Хочет найти общее соединительное евреев и русских. Оно давно найдено. Иногда я грущу, что дрова не горят. Точно если бы они загорелись при мне, это бы не было явным признаком, что горят не дрова, а поджожи, и они не занялись. -Почитал о Китае и поехал верхом по городу. -- Все работают, кроме меня. -Вечер слабость. Сапожник не пришел, был в бане и читал Лаоцы. Перевести можно, но цельного нет. -- Сережа был с нами, добрый, милый. Был утром у колодочника. В подвале пристально, бодро работают и пьют чай. Все работают, кроме меня. Я сплю. Грехи: тщеславие, праздность. -- Самарский мужик смущал, но разделался дружно. Письмо Черткова--вызывает написать о заповедях для народа. Кажется, что надо. Это захватило меня, но не знаю. Трогательное письмо из Киева от жены прокурора. Если бы это правда?

[10/22 марта.] Встал рано, убрал комнату. Андрюша пролил чернила. Я стал упрекать. И верно у меня было злое лицо. Миша тотчас же ушел. Я стал звать его; но он не пошел и занялся тотчас же рисованием картинок. После я послал его в комнату Тани спросить о Маше. Таня сердито окрикнула его. Он тотчас же ушел. Я послал его еще раз. Он сказал: нет, я не хочу, я хочу с тобой быть. Где сердятся, там нехорошо. Он уходит оттуда, но сам не сердится, не огорчается. И его радости и занятия жизни не нарушаются этим. Вот чем надо быть. Как говорит - Лаоцы -- как вода. Нет препятствию, она течет; плотина, она остановится. Прорвется плотина -- она потечет, четверугольный сосуд -- она четверугольна; круглый -- она круглая. От того-то она важнее всего и сильнее всего. Читал Эразма. Что за глупое явление реформация Лютера. Вот торжество ограниченности и глупости. Спасение от первородного гр[еха] верою и тщета добрых дел стоят всех суеверий католичества. Учение (ужасное по нелепости) об отношениях церкви и государства могло только вытечь из глупости. Так оно и вытекло из лютеранства. Ходил заказывать колодки. Все работают и мальчик. Я заметил. Хозяин сказал: нельзя же без работы быть. -- Обедал не в духе, но никого не обидел. Немножко Илью. Читал. Пришла Катенька и Леля, читал им Лаоцы. Потом Сер[ежа] бр[ат] внизу. С ними поехали к Леониду. Там племянницы -- добрые, тихие. -- Очень я не в духе. Ужасно хочется грустить на свою дурную жизнь и упрекать. Но ловлю себя. Написал Черткову -- кажется, хорошо, т. е. без фальши. -- Хорошо бы написать ту книгу, да надо, чтобы было совсем чистое побуждение. Читал еврейскую библию. Начал забывать. Письмо от Урусова о значении трех глав бытия. Очень хорошо.

[11/23 марта.] Встал рано, убрал комн[ату]. Дети сами прибежали. Читал Эразма, кончил. Ездил верхом. Обедал Кисл[инский]. Мне больно было, но боль не выразилась сердцем. Заснул. Пришли гости: Кушнарев, Хомяков, Сухотин и целая куча. Спокойно перенес. Я будирую Сережу и Таню нынче, это нехорошо. И упреки поднимаются в душе жене. -- Нехорошо.-

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru Учение середины конфуция -- удивительно. Всё то же, что и Лаоцы--исполнение закона природы--это мудрость, это сила, это жизнь. И исполнение этого закона не имеет звука и запаха. Оно тогда -- оно, когда оно просто, незаметно, без усилия, и тогда оно могущественно. Не знаю, что будет из этого моего занятия, но мне оно сделало много добра. Признак его есть искренность -- единство, не двойственность. Он говорит: небо всегда действует искренно. Письмо от Черткова. Он недоволен и просит совета о хозяйстве. Я написал.

[12/24 марта.] Встал поздно. Комната не убрана. Мы с детьми убрали. Уже не совестно выносить. Внизу m-me Seuron рассказывала ужас про Безо. Будирую Таню за письмо Ролстону -- скверно. Надо самому написать. Читал Legge, о Doctrine of the Mean. Удивительно. Приходит Канарской (неизвестный) из Козлова -- просит Евангелие, и Веселовс[кий] -- перевод "Анны Карениной". Написал письмо и дневник. Пошел к Урусовой. Хотел зайти к Мельницкому. Неопределенность желаний, и потому неискренность, и потому бессилие. Как удивительно ясно и сильно выражение Лаоцы, что небо производит и всё, и могущественно, п[отому] ч[то] оно всегда искренно. -- У Урусовой, видел Иванову; письма Леонида. Они серьезно живут. Мало быстроты ума, но искренность, и пот[ому] сила. Споры Тургенева] с Урус[овым] и Михайловского с Чертковым, в к[оторых] последние без усилия, с состраданием оставались победителями. После обеда (воздержного) пошел за колодк[ами] и товаром. Начал шить один, пришел Усов, и просидел до 3 Г часов. Я очень устал. Знания, ум огромные, но как ложно направлены. Точно злой дух отчертил от него всю плодотворную область мысли и запретил ее. -- Нужны силы и в их области, и это хорошо. Он бессознательно держится истины и верит, чтобы иметь досуг работать в своей области. День прошел довольно хорошо. Ничего не было упречного. Забыл: у колодечника спор о заработках в горюде. Неясность и неискренность при торговле в лавке с товаром. Оба нехороши поступка.

(13/25 марта.) Встал в 12. Комната не убрана. Я один убрал. Купец с деньгами. Я чуть б[ыло] не сказал неприятного. Таня с книгой вопросов. Я воспользовался случаем написать правду. Иду в банк и, может быть, к Самар[ину]. -- Зашел в библейскую лавку -- 1) тщеславился своим знанием в разговоре. У Самарина-- хорошо. 2) Забыл о здоровье ее. Обедал дома. Дети очень шумели весело -- глупо. Хорошо. Лег. Пришел сапожник, хорошо работал. 3) Неопределенно отнесся к написанному у Т[ани] в тетради -- поправлял. Итого -- 3. Если не забыл. Да, 4) с Костенькой заспорили о ц[аре] константине].

(14/26 марта.) Встал в 11-м. Убрал. 1) Недоволен своей жизнью, и упреки поднимались. Читал Отечественные] Зап[иски]. "Психические явления должны войти в круговорот жизни". Разумеется; но не через это они сделаются нам известны, только регулируемы они могут быть том, что мы поймем их связь с круговоротом жизни. Они -- известное, самое известное, то известное, которое нам необходимо признавать известным для решения вопросов круговорота жизни. Всё круговорот -- правда. Но есть начало движения и начало косности. Глядя на мир, я должен признать силу и материю. Стараясь же определить и то, и другое, я прихожу к метафизическому представлению начала того и другого --непостижимой начальной силы и непостижимого вещества. -- Я пришел к этой бессмыслице только потому, что я не признал известного себя, кот[орый] есть начальная непостижимая сила и непостижимое вещество. Вещество и сила соприкасаются с непостижимым, но не где-то там, в бесконечном пространстве и времени, а во времени; а во мне самом. Я сознающая себя сила и сознающее себя вещество, и потому только и вижу круговорот силы и вещества. -- Неясно. Ходил переменить подошвы. После обеда сел за работу. Напились чая. Почитал еврейское Еванг[елие], 7 глав. И спать.

Страшно сказать, но с трудом могу найти себе упреки в злости. В душе поднимается, но помню. Так вчера в разговоре о богатстве с Соней.

[15/27 марта.] Проснулся в 8, хотел заснуть и заснул до 11. Книжка Голохвастова против Энгельгарта. Кое-что хорошо, но как ужасна полемическая злость. Это урок для меня, и мне противна злость моей последней. Надо бы написать тоже понятно и кротко. Мое хорошее нравственно состояние я приписываю тоже чтению Конфуция и главное Лаоцы. Надо себе составить круг чтения: Эпиктет, Марк Аврелий, Лаоцы, Будда, Паскаль, Евангелие. -- Это и для всех бы нужно. Это не молитва, а причащение.

Поехал верхом в Петров[скую] Акад[емию]. Иванюкова уезжала. Я поговорил немного и остался с женою Янжула. Хорошая беседа о необходимости труда для детей. Приехал поздно. После обеда сел за работу, но не мог без Дмитрия. Пришел

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru Гуревич. Говорил с ним лишнее -- праздное. Надо было раньше отпустить его. Потом пошел и напрасно зашел к Усову и просидел до часу. Праздный, пустой и не прямой, нечестный разговор: пересуды, выставление своих знаний и остроумия. Я во всем принимал участие и вышел с чувством стыда. Дома тоже нехорошо. Стыдно. -- Письмо от Черткова с милым письмом Шпенглера. Всё это старое. -

Не спал до 5-го часа.

[16/28 марта.] Встал поздно. Читал статью Гурев[ича]. Дурно написана. Тон эмигранта -- развязный и неясный. Интересно изменение мирозерцания еврея. Да, променять синагогу с Талмудом на гимназию с грамматикой невыгодно. Кажущаяся выгода только в том, что в гимназии и университете ни во что не верят -- делаешься свободным от всего, но это не надолго приятно. Всё равно, как снять платье зимой. В первую минуту покажется легче. -- Не покидает чувство стыда. -- Снес Усову пояс. После обеда ходил к сапожнику. Как светло и нравственно изящно в его грязном, темном угле. Он с мальчиком работает, жена кормит. Пошел к Сереже бр[ату]. Там не дослушал Кост[еньку], раздражил его (1). С Таней шел домой и молчал. Тяжело мне было молчание. Так далека она от меня. И говорить я еще не умею. Да, за обедом Сережа грубо, сердито заговорил, я сказал ему с иронией (2). Вечер начал шить, пришел сапожник, потом пришли Маликов и Орфано. Я бы мог быть лучше. Надо было молчать. Как это просто и трудно. Пришел Сережа бр[ат], с ним хорошо говорили. Письмо прекрасное от Черткова. Да, в разговоре с Орфано я сказал: вы не знаете м,[оего] Б[ога], а я знаю вашего, это оскорбило (3).

[17/29 марта.] уборка становится приятной и привычной. Пришел Алекс[андр] Петр[ович]. Я б[ыл] очень рад и хорошо. Он говорит, что перенес много нужды в самое тяжелое время зимой и что же? Он бодр, здоров и узнал, общаясь с ними, добрых людей, узнал самое важное, то, что есть добро в людях. Читал Агасфера. Плохо. На мысль хорошую, но не новую, нанизан поэтический набор. Поехал верхом. Очень не в духе б[ыл] за обедом, но держался. Стал шить, всё сломал, и пришел Орлов. Рассказ его о смерти Ишутина и Успенского. Ишутина приговорили к смерти. Надели мешок, петлю, и потом он очнулся (он говорит) у Христа в объятиях. Христос снял с него петлю и взял его к себе. Он прожил 20 лет на каторге (всё раздавая другим) и всё жил с Христом и умер. Он говорил, умирая: я перемену платье.

Еще говорили о юродивых, и Лаоцы назвал философией юродивого. -Ночевал. Как мне весело было ему стелить постель. Сережа бр[ат] был. Можно было мягче с ним (1). Утром внизу как будто задирали жену и Таню на то, что жизнь их дурна (2). Тщеславился в душе тем, что ставил горшок Орлову. Написал письмо Черткову.

[18/20 марта.] Встал, застал Орлова, убрался, снес письмо. Внизу возразил Сереже сын[у] на его тупость (1).

Принес письмо еврей. Читал письмо. Странно. Это 3-й еврей обращается ко мне. Одно общее во всех. Они чувствуют, что их вера, как ни изуродована -вера, и лучше безверия прогресса. Этот кажется серьезнее всех. Но у всех какой-то спешный азарт. Вспыхивают, а не горят. -- Есть колебания, но я очень счастлив. -- Поехал верхом с Ностицем. Не знаю, что от меня дальше: няня с Иверской или такой светский юноша. К тому и другому не знаю приступа.

После обеда с Кислин[ским] пошел ходить. К Беку. На Софийке: "не пойдете?" Перешел на другую сторону улицы. Это полезно. На конке старик балалаечник: "огненной паутиной всю землю опутают, крестьяне отойдут, и земле матушке покоя не дадут". Другой, купчик: о золоте, симпатия и электричество. Дома -- народ. Неловко и соблазнительно. Музыка, пение, разговоры. Точно после оргии. Долго не спал. -- О музыке говорил лишнее (1). Щербатова назвал князем (2).

Письмо от Черткова. Люблю его и верю в него.

[19/31 марта.] Поздно встал. Озмидов твердый, ясный. Его уж начинают задирать. Алекс(андр) Петр[ович]. Уже смущен женою и Москвою. Пошел в банк. Щепкин неспокоен. -- Извозчик пьяный, сквернослов, здоровенный. Сейчас о похабстве. Что делать с этими? Их же имя легион. Это в лучшем случае Горации. Конфуций прав, только не насилие власти, а насилие убеждения -искусства -- церкви, обряды жизни, веселья, нравы определенные, кот[орым] бы легко было им повиноваться. Но непременно повиноваться. Они сами не могут. В их число все женщины. Дома обедали хорошо. Пошел шить. Перепортил всё. Пришел Гуревич. Он писатель без своих

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru мыслей. -- Лучшая поверка человека: уйдет он и нечего вспомнить. Пошел пройтись. Сошелся с тремя фабричными, идут с экзамена на Разгуляе. Учатся в школе. За чаем был неласков с женой (1). С Озмидовым стеснялся об извощике (2).

[Март. Повторение.] Поздно встал. Читал Конфуция и записывал. Религиозное -- разумное объяснение власти и учение о нем китайское было для меня откровением. Если Богу угодно, я буду полезен людям, исполн[ив] это. Во мне всё больше и больше уясняется то в этом, что б[ыло] неясно. Власть может быть не насилие, когда она признается как нравственно и разумно высшее. Власть, как насилие, возникает только тогда, когда мы признаем высшим то, что не есть высшее по требованиям нашего сердца и разума. Как только человек подчинился тому -- будь то отец или царь, или законодательное собрание, -- что он не уважает вполне, так явилось насилие. Когда то, что я считаю высшим, стало не высшим, и я осуждаю его, то употребляют обыкновенно два способа: 1) стать самому выше того, что было высшим -- подчинить его себе (ссоры сыновей с отцами, революции), или, несмотря на то, что высшее перестало быть высшим -- продолжать нарочно считать его высшим -- конфуцианство, славянофильство, Павел (нести власти не от Бога). Оба средства ужасные и самое ужасное последнее; оно доводит до первого. Выход же один: я не считаю того-то высоким, и потому и должен поступать так. Считаю то высоким и должен поступать так.

Власть истинная не может быть основана ни на предании, ни на насилии, -- она может б[ыть] основана только на единстве признания высоты.

[20 марта/1 апреля.] Поехал верхом к Мансурову. Обедали одни. Лег. Пришла Дмоховская. Она очень возбуждена. Принесла статью о центральной тюрьме. Потом Карлович. Купчиха болтуня. Пережила весь обман жизни. И не видит нужды в этом. Потом Анна Мих[айловна] с дочерью. Хорошо беседовал с ними. Я говорил о значении обхождения: уважения к хорошему и презрения к дурному, в самом широком смысле. И сам уяснил себе обязанность исполнения этого больше, чем прежде. Главное, без компромиссов. Лег поздно. Нездоровилось, тошнота. Да, забыл еврея. Мало развит и умен. И исполнен тщеславного и писательского эгоизма. Я довольно грубо сказал ему правду. Остальное порядочно. Письмо от Страхова -- совершенно пустое. -

[21 марта/2 апреля.] Поздно читал Конфуция по переводу Ледж. Почти всё важно и глубоко. Вышел поздно купить парусину и зашел к Фету. Хорошее стихотворение о смерти. Соловьева статья только отрицает народничество. Я слаб. Согрешил, не взяв статью Соловьева. Заснул после обеда. Очень дурно себя чувствовал; читал английскую шутку, скучную, на 350 страницах. Сережа бр[ат] сидел, горячился, я не ошибся. Поехал за Таней. Не взшел к Капнистам, ходил по набережной. Кучера стоят по 5 часов и ругают, а они от скуки смеются над драмой и поэзией. Не досадовал. Это хорошо. Но желал похвастаться и чтоб меня ругали. Это (2). Писем нет. Не спал ночь.

[22 марта/3 апреля.] Сегодня позднее еще. Принялся за Конкордию -- надо сделать, а потом Ур[усова] перевод. И перевод плох, а оригинал еще плоше. Нехорошо вступление к заповедям, ничем не мотивировано. Надо написать вновь для всех. Работал до самого обеда. После обеда ходил покупать товар и кроил башмаки до 10. Теперь 11-й час, иду к Сереже. Я грущу, что мое дело не растет. Это всё равно, что грустить о том, что посеянное не всходит сейчас же, что зерен не видно. Правда, что поливки нету. Поливка была бы -- дела твердые, ясные, во имя учения. Их нет, п[отому] ч(то) не хочет еще Бог.

Просидел у Сер[ежи] до 2-х, играл в винт с Сер[ежей] с[ыном], Сер[ежей] б[ратом] и Сухот[иным]. Весело, добродушно, но лучше бы не играть, т. е. не делать пустого.

[23 марта] 4 апреля.] Утро как всегда. Сел за перевод Урусова. Неровен. Часто очень нехорошо. Не знаю, что, текст или перевод? Вероятнее текст. Надо писать, т. е. выражать мысли так, чтобы было хорошо на всех языках[x]. Таково Евангел[ие], Лаоцы, Сократ. Евангел[ие] и Лаоцы лучше на других языках. Поехал верхом. Скучно ездить. Глупо -- пусто. Попробовал поговорить после обеда с женой. Нельзя. Это одно огорчает меня. Одна колючка и больная. Пошел к сапожнику. Стоит войти в рабочее жилье, душа расцветает. Шил башмаки до 10. Опять попробовал говорить, опять зло -- нелюбовь. Пошел к Сереже. Говорил с ним глаз на глаз. Тяжело, трудно, но как будто подвинулся. Письмо от Черткова и нынче, суббота, другое. Как он горит хорошо. Алекс[андр] Петр[опич] тоскует. Пришел мне говорить о своем впечатлении от Еванг[елия], а я сухо принял (1).

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Леля пришел, когда я шил. Я тоже сухо, он сказал: ты что-то сердит (2). С женою можно было еще мягче (3).

[24 марта/5 апреля.] Утро как всегда. Поправлял перевод. Чтение подняло меня. Мне нужно читать и это, свое. И еще нужнее из этого выбрать существенное для себя и для всех, как говорит Чертков. Приехал Ге. Едет в Петербург выручать племянницу. Он ушел еще дальше на добром пути. Прекрасный человек. Сын его интересен. Боюсь гордости молодости. Велел подать завтрак, а не сам принес и разбудил Корнея (1). Очень дурно. Пошел походить. Посидел с ними. Шил башмаки. Пошел к Олсуфьевым. Усов там. Был болтлив, но много спокойнее прежнего -- (2). Мужик с сахарной болезнью, поручил Ге. Два раза с женой начинал говорить -- нельзя. Письмо прекрасное от Черткова.

[25 марта/6 апреля.] Как всегда. Перевод пересматривал. То же впечатление. Мне нужно читать это. Пришел Вл[адимир] Алекс(андрович). Пошел гулять. Опять тот мужик. Я было просил и досадовал. (Он не видал Ге) (1). Обещал завтра отправить. Обед мучительный, как всегда. Разговор о жизни с Вл(адимиром) Алек(сандровичем) при жене: я горячо говорил (2), но лучше прежнего. Пошел к Урусовым. Кажется ничего, хотя и б[ыл] слаб умом. Потом к Дмоховской. Встретил дочь. Она говорила как будто с своим. Тут б[ыл] respect human [страх людского мнения,] что я не сказал свой взгляд (2). Вечер мучительный -- гости. Притворялся, не говорил всё прямо (3). -- Письмо от Урусова, два от просителей. Бросил письма в корзинку. Не умею иначе.

Да, удивительный разговор с Кост[енькой] за обедом. Он чувствует себя виноватым за свою лень и праздность. Озмидов трудолюбив и работает ту же работу, и потому он ему упрек.

Без всякого вызова добрый Костя говорит: Озм[идов] лжет, нагло лжет, что пишет 10 час[ов] в день. -- Человек, делающий дурное, самое дурное -- не зол и часто бывает очень добр -- цари, солдаты. Но человек, делающий дурное и знающий, что это дурно, -- сомневающийся, вот кто зол, только эти злые и есть в мире.

[26 марта/7 апреля.] Как всегда. С старшими детьми говори[л] за кофе. Ели, ели хорошо. Докончил перевод. Иду отнести книги. Чувствую необходимость большей последовательности и освобождения от лжи--юрродство--да. В библиотеке Ник(олай) Федор[ович] как будто чего-то хочет от меня. Мне спокойно с ним. Зашел к Дмоховской. Обедал, как всегда. -- Поехал верхом. Дмоховская и Степан Вас[ильев]. Это книгоноша, к[оторый] б[ыл] в Ясной. Он очень изменился. Он ищет единения и согласия. Не мог отделаться от подозрения, что он agent provocateur [агент-provocateur.] (1). С ним велась беседа хорошо. Пришли Златовратский и Маракуев. Златоврат[ский] программу народничества. Надменность, путаница и плачевность мысли поразительна. Я сказал довольно правдиво свое мнение, но не совсем (2). Потом о его сочинениях просто солгал, что читал (3). Вечером набрел на девушку 15 лет, пьяную, распутную. И не знал, что делать (4). Читал Кривенко: физический труд. Превосходно.

Был у Урусовых. Не ясны совсем, но хороши.

[27 марта/ 8 апреля.] Утро, как всегда. Александр] Пет[рович] рассказал про умершую у них женщину с голода. Приехал Юрьев. Надо еще решительнее избегать болтовни (1). Пошел в полицию. Сказали, что девки часто моложе 15 лет. Колокола звонят и палят из ружей, учатся убивать людей, а опять солнце греет, светит, ручьи текут, земля отходит, опять Бог говорит: живите счастливо. Оттуда пошел в Ржанов дом к мертвой, был смущен, не знал, что сказать (2). Встретил Бугаева и позвал к себе. -- Тщеславие -- чтобы он понял меня. А выйдет праздная, полусумашедшая болтовня (3). Был раздражен и навязывал не причастным людям свое отчаян[ие] (4). Надо самому делать, а не плакаться. Нездоровится, лихорадка и зубы. Заснул после обеда. Приехали мертвецы Шидловские. Надо уходить (5). Написал письма Страхову, Урусову, Черткову. От него хорошее письмо.

[28 марта/9 апреля.] всю ночь напролет не спал, встал в во 6-м утра. Убрал комнату, не неприятно все-таки. Шил сапоги, ходил к Лапату и на почту. Дремал, читал Кривенко. (Как русским дороги основы нравственности, без сделок.) И Дюма болтовню. Письмо от Черткова, и написал ему. Фет пришел заказывать сапоги. Я слушал его и прекращал попытки своего разговора. Была минута, что мне его жалко было, как больного. Вот кабы чаще. Несмотря на бессонницу и зубную боль, безвредно спал. -- Сколько в голове и сердце, но повеления Бога определенного не

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru слышу.

[29 марта/10 апреля.] Встал в 7. Пошел к школьникам. Пил кофе. Читал "Похождения Ярославца". Неправда, чтобы книги в народе Пресновых и др. были дурны. Они лучше тех, к[оторые] им делают. Поехал верхом. Дома не дружелюбно; и то радость. Читал Конфуция. Всё глубже и лучше. Без него и Лаоцы Евангелие не полно. И он ничего без Еванг[елия]. Пошел в школу и на Никольскую, купил книг. Побеседовал с Маковскими. Дома не особенно тяжело. Письмо после обеда от Черткова. Он сердится за разумение вместо Бога. И я с досадой подумал: коли бы он знал весь труд и напряжение, и отчаяние, и восторги, из к[оторых] вышло то, что есть. Вот где нужно уважение. Но чтобы оно было, нужно его заслужить. А чтобы его заслужить, нужно его не желать. -- Две вещи мне вчера стали ясны: одна неважная, другая важная. Неважная: я боялся говорить и думать, что все 99/100 сумашедшие. Но не только бояться нечего, но нельзя не говорить и не думать этого. Если люди действуют безумно (жизнь в городе, воспитание, роскошь, праздность), то наверно они будут говорить безумное. Так и ходишь между сумашедшими, стараясь не раздражать их и вылечить, если можно. 2) Важная: Если точно я живу (отчасти) по воле Бога, то безумный, больной мир не может одобрять меня за это. И если бы они одобрили, я перестал бы жить по воле Бога, а стал бы жить по воле мира, я перестал бы видеть и искать волю Бога. Таково было твое благоволение. Чертков огорчил меня, но не надолго (1).

[30 марта/11 апреля.] Лег в 11 и встал опять рано. Ходил на чулочную фабрику. Свистки значат то, что в 5 мальчик становится за станок и стоит до 8. В 8 пьет чай и становится до 12, в 1 становится и до 4. В 4 1/2 становится и до 8. И так каждый день. Вот что значат свистки, кот[орые] мы слышим в постели.

Читал Конф[уция]. Надо сделать это общим достоянием. После завтрака поехал верхом к Бирюлеву. Езда верхом мне стала прямо неприятна -- что-то тщеславное вызывается и удаляет от общения с людьми. Обедал Кост[енька]. Я невольно переменялся к нему. Не могу теперь не выражать в обращении своей веры. Не даром "церемония" -- propriety -- обращения с людьми есть (зач: нравств[енное]) целое учение. 1) Этика -- основы нравственности и 2) приложение этих основ -- обращение с людьми. -- Вечер шил башмаки-- хорошо. Запоздал -- пришли племянницы и Леонид. Пошел с ними пить чай. И до того гадко, жалко, унижительно стало слушать особенно бедную, умственно больную Таню, что ушел спать. Долго не мог заснуть от грусти и сомнений и молился Богу -- так, как я никогда не молился. Научи, избави меня от этого ужаса. Я знаю, что я молитвой выражал только подъем свой. И странно, молитва исполнена. Пришли в голову "Записки не сумашедшего". Как живо я их пережил -- что будет? Г-жа Бер прислала свой перевод -- прекрасный, --читал. (Густо зачеркнуто: завидовал. Далее осталась незачеркнутой цифра (1), повидимому относящаяся к зачеркнутому слову) Тщеславие, сказал Леониду, что б[ыл] болен от смерти женщины (2). Как удивительно, что гнева -- нет за (Зач: весь) месяц почти.

[31 марта/12 апреля.] Не спал до 2-го, но встал в 7. Пошел в слесарную школу. Лучшее заведение в России. Если бы не вмешательство правительства и церкви. Читал Отечественные Зап[иски]. Болтовня Щедрина. Статья о сумашествии героев. Инерция--психологический закон. Всякое нововведение больно. Вывод ясен. Два закона: инерции и движения. Сумашест[вие], т.е. ненормальность, есть одно из двух-- равнодействующая из двух его нормальность. Лишнее говорил о преподавании математики директ[ору] школы (1). Читал немецкий перевод. Очень хорош. Пошел к Леониду. Там Дьяков с дочерью. Мне очень грустно. Дома обед с Кост[енькой] очень тяжелый. Лег, заснул. Пришел Стахович. Шил башмак. Чай пить. Остался один с ней. Разговор. Я имел несчастье и жестокость затронуть ее самолюбие и началось. Я не замолчал. Оказалось, что я раздражил ее еще 3-го дня утром, когда она приходила мешать мне. Она очень тяжело душевно больна. И пункт это беременность (2). И большой, большой грех и позор. Почитал Конф[уция], и ложусь поздно.

От Урусова письмо -- хорошее.

[1/13 апреля.] Встал рано. Взят было за Евангелие -- пересматривать всё и соединять, как приехал Урусов. Говорил с ним слишком поспешно. Пошел, но озяб и зубы заболели. Вернулся и лег. Обедали. Кисл[инский], Стах(ович). Хотел заснуть. Урусов помешал. Пошел к Сереже за посудой. Дома собралась бестолковая толпа. Пели. Я напрасно просил петь (1). Ужасно поздно сидели. Нервы совсем ослабли. Чувство стыда и преступления. Урусов тверд и ясен.. Она -- мягкая и не злая.

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru [2/14 апреля.] Встал поздно. Комната уже была убрана. Говорил с Урусовым до 4. Она еще мягче -- болезненная и смиренная. Пошел к Вольфу. Обедал. Пришел Сережа -- сначала раздраженный, потом мягкий и добрый. Шил сапоги. За чаем поговорили тихо и лег в 12 Г. Дурно то, что ничего не делал. Она забыла про свою злость и рада была, что я простил. И то лучше. Безумная жизнь страшно жалка.

[3/15 апреля.] Встал в 10. Читал Архив психиатрии. Молитва -- обычное сумашествие. История богатого воспитанника пажеского корпуса. Coitus (совокупление), 13 лет разврат. Милая, нежная натура и ее падение и гибель. Пришел Озмидов. Глаза у него болят. Он немного ослабел. Не знаю, хорошо ли, что слишком откровенно говорил ему о своем положении. Пошел с ним до Олсуфьевых. Там много говорил--проповсдывал. И ис сказал при всех о платье Александру] Г1стр[ович]у (1). Опоздал обедать. Пошел за товаром. Разговор с столяром -- пророком: "отец дьякон читал, что земля вертится". Осуждает нынешний век и попов. Дома Репин. С ним очень хорошо говорил, за работой. Пришел Сережа из бани. Не дал спать, но хорошо, мягко говорил. Не оскорблялся.

[4/16 апреля.] Встал поздно. Зубы болят и лихорадка. Не могу работать головой. И не надо. Почитал и стал шить. В 3-м поехал в Музей. Стороженко встретил, он помнит работу. На Кузнецкий мост. Жандармы ограждают покупателей. Оттуда на Дмитровку. Репина картина не там. Дома лежал. Зубы и лихорадка. Вечер работал до второго часа сапоги. Очень тяжело в семье. Тяж[ело], что не могу сочувствовать им. Все их радости, экзамен, успехи света, музыка, обстановка, покупки, всё это считаю несчастьем и злом для них и не могу этого сказать им. Я могу, я и говорю, но мои слова не захватывают никого. Они как будто знают -- не смысл моих слов, а то, что я имею дурную привычку это говорить. В слабые минуты -- теперь такая -- я удивляюсь их безжалостности. Как они не видят, что я не то, что страдаю, а лишен жизни, вот уже 3 года. Мне придана роль ворчливого старика, и я не могу в их глазах выйти из нее: прими я участие в их жизни -- я отрекаюсь от истины, и они первые будут тыкать мне в глаза этим отречением. Смотри я, как теперь, грустно на их безумство -- я ворчливый старик, как все старики.

Из разговора с Олсуф[ьевым] вышел следующий остаток: если верить в то, что цель и обязанность человека есть служение ближнему, то надо и доходить до того, как служить ближнему, -- надо выработать правила, как нам, в нашем положении, служить? А чтобы нам, в нашем положении, служить, надо прежде всего перестать требовать службы от ближних. Странно кажется, но первое, что нам надо делать -- это прежде всего служить себе. Топить печи, приносить воду, варить обед, мыть посуду и т. п. Мы этим начнем служить другим.

[5/17 апреля.] Встал поздно -- вял. Та же грусть. Теперь особенно, при виде всех дома. Полотеры чистят, мы пачкали. -- Я опустился и стал менее строг к себе. Не замечаю своих грехов. Подбодрись. Вчера письмо от Черткова. Репин говорил, что и Крамской назвал его сумашедшим. Читал Психиатрию, о помещике Я., жившем с своей дворней. Письмо от Мирского и стихи. Поразительно. Он христианин. Стихи прекрасны по содержанию и 13-тилетнего мальчика по форме. Пришел Страхов. Он похудел. Та же узость и мертвенность. А мог бы проснуться. Пошел погулять. Обед. Целый обед, кроме покупок и недовольства теми, к[оторые] нам служат -- ничего. Всё тяжел[ее] и тяжелее. Слепота их удивительна. После обеда, пришел Ронжев -- скучно. Чертков. Еще тверже и глубже запахал. Он ест с людьми, но люди у него служащие. Потом пришел Страхов и пришла Таня -- отвратительно. С Страховым разговор о том, что нельзя следовать правилу, -- т. е. нет правил. Вмешательство безумное, бестолковое в разговор, и нельзя даже показать этого безумия. Если показать, гнев и обвинение в личной злобе. Если не показывать, то уверенность, что так и надо, и падение всё глубже и глубже. Жду выхода.

[6/18 апреля.] Поздно. Каждое утро лихорадка. Что-то пустое читал. Пошел к Иванцову. Совестно было за уважение, к[оторое] я ему оказывал. Я б[ыл] в сомнении. И теперь только решил, что я б[ыл] не прав. Надо б[ыло] просто и грубо (не враждебно, но грубо) передать ему (1). С Чертков[ым] поехали к Пругав[ину]. Он удивительно] односторонен со мною. Пругавину говорил о Ковалевск[ом]. Не совсем прямо. Как будто хотел их одобрения (2). Обед дома. Страхов, Орлов, Канк[?], Дмохо[вская] -- суета. Кажется, всё было хорошо. С Орловы[м] немного неясно (3). Я дорожу его единомыслием и не совсем в него верю.

[7/19 апреля.] Поздно. Лихорадка. Читал драму Северной. Прекрасное знание народа и языка и углубление в самую жизнь, но психолог[ически] слабо. Иду на выставку. Прекрасно Крамского. Репина -- не вышло. Говорил с Третьяковым порядочно. Дома.

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Страхов. Пошел к Дмоховской. Высказал, что надо. Толпы бегут к заутрене. Да, когда будет бегать хоть не так, но в 1/100 к делу жизни! Тогда не могу представить жизни. Переставлять это -- задача -- радостное дело жизни. Страшно трудно -- невозможно и одно только возможно. С Страховым разговор о дарвинизме. Мне скучно и совестно. Он -- бедный -- серьезно, разумно опровергает -- бред сумашедших. Напрасно и бесконечная работа. Напрасно п[отому], ч[то] они безумны тем, ч[то] не верят разумным доводам, и бесконечная работа потому, что сумашествиям нет конца.

Сидел дома с женой и читал Психиатрию. О подражательности. Когда проскочет через машину колос, то он колос. Когда попадет в машину, то он зерно, потом мука, потом хлеб, потом кровь, потом нервы, потом мысль, и как только он мысль, то он всё, т. е. уже не колос, а то, из чего и рожь и хлеб, и свинья, и дерево, и добро, и всё, т. е. Бог. Попадет в корковое, мозг оттуда может попасть в Бога, в источник всего. В человеке, в жизни его, в мозгу, в разуме источник всего. Не источник, а а часть, к[оторая] соединяется, сливается с началом всего. Всякое жизненное явление, впечатление, получаемое человеком, может пройти по человеку, как по проводнику, и может дойти до его сердцевины, и там слиться с его началом. Задача и счастье человека образовать из себя центр начальный, бесконечный, свободный, а не вторичный, ограниченный, подневольный проводник. -- Неясно другим, но мне ясно.

Лихорадка, заснул в два!

[8/20 апреля.] Поздно. Читал Great Learning и Doctrine of the Mean.

Всё яснее и действительнее. Пошел к Олсуфьевым, Сереже и Фету. У Олсуфьевых хорошо, передал благодарность. Обедал Кислинский. Не мог сказать и не мог быть спокоен. Приехал Ге звать к отцу. Поехали с Страховым. Там хорошо, прямо говорил с Зоей. Дома Сухот[ны], Волк(онский?), Сережа--винт. Гадко, грязно, гнусно. Поздно лег. Лихорадка.

[9/21 апреля.] Поздно читал Страхова статью. Праздно, на все глупости не надоказываешься. А анализировать приемы науки не нужно, кто любит науку, тот их знает, как знает законы равновесия человек, к[оторый] ходит. Начал Менгце. Очень важно и хорошо. "М[енг]ц[е] учил, как recover (возвратить), найти потерянное сердце". Прелесть.

Очень важно. Стал выговаривать Тане, и злость. И как раз Миша стоял в больших дверях и вопросительно смотрел на меня. Кабы он всегда б[ыл] передо мной! Большая вина, вторая за месяц. Всё ходил около Тани, желая попросить прощения, и не решился. Не знаю, хорошо или дурно. Пошел к Фету. Прекрасно говорили. Я высказал ему всё, что говорю про него, и дружно провели вечер. Вечером Ад[ам] Вас[ильевич]. Играли в винт. Глупо. Опять захватывает поганая, (Написано поверх вымаранного: сладкая) праздная жизнь.

Письмо от Чертк[ова] -- прекрасное.

[10/22 апреля.] Поздно. Даже не помню утра, -- так оно не важно. Да, утром зашел узнать адрес. За обедом Кислинский. После обеда ушел к Армфельд. На Петровке почувствовал страшную слабость. Это смерть и дурная. --Вспомнил. Я писал письмо Черткову, и пришел Третьяков. Он спрашивал о значении искусства, о милостыне, о свободе женщин. Ему трудно понимать. Всё у него узко, но честно. Я спрашивал его о многом, но не спорил о главном, о его вере. Она всё определила бы. У нас катали яйца, пошел за адресом к Дмохов[ской]. Обедали, потом к Армфельд. У ней: сидел, как шальной, от слабости. Дома Ан[на] Мих[айловна], Страхов, Кисл[инский]. Разговор Стр[а-хова] интересный. Я его понял. --Читал до 4 процесс Армфельд. Понял я тоже, что деятельность революционеров воображаемая, внешняя -- книжками, прокламациями, к[оторые] не могут поднять. -- И деятельность законная. Если бы ей не препятствовали, в ней не было бы вреда. Им задержали эту деятельность -- явились бомбы.

[11/23 апреля.] Поздно, Читал переписку н[атали] Арм[фельд]. Высокого строя. Тип легкомысленный, честный, веселый, даровитый и добрый. -- Нельзя запрещать людям высказывать друг другу свои мысли о том, как лучше устроиться. А это одно, до бомб, делали наши революционеры. -- Мы так одурели, что это выражение своих мыслей нам кажется преступлением. Утром же ходил к Страхову. Хорошо говорил с ним и Фетом. Пришел Соловьев. Мне он не нужен и тяжел, и жалок.-- За обедом два

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru шурина. -- Петя противен, Саша сноснее. Ушел к Сереже. Опять слабость смертная. Дома шил сапоги. Но вышел пить чай и присел к столу, и до 2 часов. Стыдно, гадко. Страшное уныние. Весь полон слабости. Надо как во сне беречь себя, чтобы во сне не испортить нужного на яву. Затягивает и затягивает меня илом, и бесполезны мои содрогания. Только бы не без протеста меня затянуло. -- Злобы не было. Тщеславия тоже мало, или не было. Но слабости, смертной слабости полны эти дни. Хочется смерти настоящей. Отчаяния нет. Но хотелось бы жить, а не караулить свою жизнь.

[12/24 апреля.] Поздно. Та же слабость и тот же победоносный ил затягивает и затягивает. Почитал Менциус'а и записал за два дня. Бродят опять мысли о Записках не сумасшедшего. Пошел ходить. Прошел с тоской по балаганам. Дошел до Тверской, вернулся, болел живот. Насилу дошел. Лег и лежал до ночи. Пришел Васнецов. Он говорит, что понял меня больше, чем прежде. Дай Бог, чтобы хоть кто-нибудь, сколько-нибудь. Ночь спал тяжело. Приходил Дмитрий, поправил сапог.

[13/25 апреля.] Утром убрали комнату до меня. Присылала Алчевская. Думал, что буду нездоров, но стало лучше. Читал какие-то пустяки (не помню даже). За обедом пришел Васильев с Яковым Сирянином -- молоканом-пашковцем. Тяжелая беседа. Самоуверенная и профессиональная невежественность. Потом пришел Орлов. Они два раза молились. Называли меня "мальчишкой", и я был в сомнении, так ли я поступал. Скорее -- так. Потом с Орловым и Сережей. Орлов б[ыл] очень слаб в разговоре. Сережа тот же, но он больше понимает меня. Как важно разумение друг друга. Зло от недоразумения, от неразумения друг друга. За что и почему у меня такое страшное недоразумение с семьей? Надо выдти из него. Орлов остался ночевать. Его поразило то, что революционеры сами себя делают революционерами. Играют в революцию. -

Мысль эта оказывается мне очень нужна, в связи с китайской мудростью и с вопросом о том, что же делать. -- Вчера другое письмо от Мирского -- хуже.

[14/26 апреля.] Не спал ночь. Орлов "подмахнул" без меня комнату, другие вычистили. С детьми играли. Орлов говорит: неужели не может быть счастливой жизни? Я ставлю? Я не знаю. Надо в несчастной быть счастливым. Надо это несчастье сделать целью своей. -- И я могу это, когда я силен духом. Надо быть сильным, или спать. Пришел Алчевский. Потом я пошел к Вольфу. Прикащик обижается, что я не снимаю шапки. А у меня зубы болят. Я не извинился (1). Пошел к Алчевской. Умная, дельная баба. Зачем бархат и на птицу похожа? Я напрасно умилился. (2) Дома тяжело. Заснул после обеда. Пошел к Арм[фельд]. У нее Орлов В. И. и учительница. Живые люди, хорошо говорили. К Машеньке Трифоновской. Ее надо лечить от душевной болезни. Дома упреки. Но я промолчал. -- Бессонница. Да еще С. И. сообщила приятное.

Только бы люди перестали бороться силой. Смешно и трогательно, что революционеры наши (кроме бомб), борющиеся законным вечным оружием света истины, сами на себя наклепывают, что они хотят бороться палкой. А они и не могут этого по своим убеждениям.

[15/27 апреля.] Встал поздно, убрал. С детьми. Миша рассказал. Это художник. Почитал книгу Алч[евской]. Прекрасно. Леонид зашел. Нынче назвались профессора и А. М. Иду к Ге, Мамонтову и Пряничникову. Но застал Ге. С Пряничн[иковым] хорошо беседовал. Сказал ему неприятную правду. Дома обедал -- тихо. Пошел на балаганы. Хороводы, горелки. Жалкой фабричный народ -- заморыши. Научи меня, Б[оже], как служить им. Я не вижу другого, как нести свет без всяких соображений. Пришли Усов, Сухотин, Хом[яков]. Усов говорил интересное до 3-го часа. Таня больна, значит не лучше. -

[16/28 апреля.] Поздно. Всё нездоровится. Ничего не могу делать. Написал Урусову. И получил письмо Черткова с возмутительной запиской англичанина for their own dear saves [ради собственной их пользы.] Все преступники сумасшедшие. Судья лечит. Зачем же он судит, а не свидетельствует? Зачем он наказывает? Прочел Тане и Сереже. Как он либерально жестоко туп. Мне очень больно было. Пошел к Мамонтову. Дешевые товары -- дикие, страшные женщины и кучера старцы, их рабы, ждут и принимают свертки. У пассажира смертная слабость. С трудом одолел. После обеда пошел к Олсуфьевым. Был экзамен -- Ад[ам] Васильевич не выдержал. Распеванье -- не чисто. Ан[на] Вас[ильевна]

настоящая. Дома Сережа -- сердитый. Они меня с Соней называли сумасшедшим, и я

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru чуть было не рассердился. Пошел в баню. Сидел за чаем – тяжело. Лег спать раньше. Попытки не курить -- глупы. Бороться не надо. Надо очистить, освятить ум. Всё бродит мысль о программе жизни. -- Не для загадывания будущего, к[оторого] нет и не может быть, а для того, чтобы показать, что возможна и человеческая жизнь. Да, Лелька рас- сказал, что Лукьян хочет бросить щеголять, пиво пить и курить, как Чертков, и давать бедным. Боюсь верить. -

[17/29 апреля.] Раньше встал, написал письмо Толстой. Прощение с высочайшими священными особами, отношения с высочествами уже невозможны для меня. Просить священную особу, чтобы она перестала мучить женщину!

За чаем она что-то как будто хочет сказать, но я боюсь ее. И тотчас заговорила не то. Правда, что смерть мне теперь скорее радостна. Ходил с Усовым в собор. У[сов] спорил с солдатом. Слабость. Живопись прекрасна. Философы в церкви с своими изречениями. -- Дома, пришла Дмохов[ская]. Принесла кучу матерьяла. Я поехал верхом, читал рукописи Дмох[овской]. Стихотворения Бардиноц тронули до слез. Всё это мне становится ясно. Они играли в революцию, верили, что они преступники и враги, все prenaient au mot [брали на слово]. Из них ясно выделяются организаторы убийств -- это то же, что жандармы и палачи по отношению к честным консерваторам. Пришел Сережа злой. И они вместе с женой и Костинькой два часа разрывали мне сердце. Я был порядочен, но вовлекся в разговор (1). "Возненавидели меня напрасно". Да, приходила учительница. Очень трогательная -- спрашивала: а что же цивилизация -- наука, искусство?

[18/30 апреля.] Поздно. Перечитывал рукописи, потом свою рукопись о переписи. Хочу ее напечатать в пользу несчастных. Я сомневался, нужно ли помогать политическим заключенным. Мне не хотелось, но теперь я понял, что я не имею права отказывать. Рука протянута ко мне. "И в темнице посети". Пошел к Юрьеву. Но дошел только до театра (далее вымарано одно слово). Слабость хуже всех дней. Много думал на обратном пути. И в слабости надо найти силу, не бояться ее. Попытаюсь. Да, приходил Озмидов. Полон планов добра. Боюсь за него, но верю в него. Обедал мирно, заснул. Пошел ходить. Львов рассказывал о Блавацкой, переселении душ, силах духа, белом слоне, присяге новой вере. Как не сойти с ума при таких впечатлениях? Шил сапоги, напился чаю, пошел к Сереже до 2-х часов. Незначительная, но мирная и грязная беседа. Письмо от Черткова и ответ[ил] ему на правдивое признание.

Я ослабел в прямоте -- признак, что я ослабел в нравственно ной жизни.

[Апрель. Повторение.] Общая слабость и упадок духа. Праздность физическая и умственная. Условия жизни безумные -- которым я потакаю. Движение к худшему. Попытки разных работ, из к[оторых] ни на какой не остановился. -

[19 апреля/1 мая.] Поздно. Пришел Орл[ов] В. И., пока я убирал комнату. Он хороший, умный и трудовой человек; но у него нет еще своего пути. Он в общении думает найти его. Он пошел ходить по деревням и составил статистику. Я лишнее говорил с ним. Потом Долгор[уков], поговорил при жене -- как будто хорошо. Написал дневник и грустный вывод и иду к Юрьеву. -

Пошел дать телеграмму и встретил Черткова. Пошли на телеграф. Я или не понял его письма, или он не хотел говорить о нем. Но это б[ыло] разделение. Пришли домой. Обед, после обеда хорошо. Я устал. Он тверд. Вечером Писарев. Слишком долго сидели праздно.

[20 апреля/2 мая]. Поздно. Две классные дамы -- просить Евангелие. Приедет Юрьев, статья о переписи складывается -- ясно. Напишу. Начал писать, но нездоров. Поеду верхом. Ездил за город. Не даю в себе подниматься чувству радости жизни. И по вижу весны. И рад -- лучше. После обеда прошел с Стаховичем к Олсуфьевым -- смотреть лошадей. Там Александр Олсуфьев. Нехорошо, что определенно не выразил ему презрения (1). Рассказывал А[нне] М[ихайловне] свой план помощи карийским. Не нужно. Тщеславие (2). Вечером сел за сапоги. Пришел Юрьев. Ему говорил о помощи (3). Они болтали в роде сумашедших. Поздно лег. Жена всё не в духе. Я спокоен доволен. Затеял кончить статью о переписи. Не знаю, хорошо ли?

[21 апреля /3 мая.] Поздно. Нашел статью (была черновая). Немного поправил. И понес в типографию. Я сам не верю в эту статью. Встретил Самарина. Был холоден, но недостаточно (1). Дурная привычка -- ценить в шляпах и колясках дороже.

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru Самарин для меня то же, меньше, чем Петр лакей. Петра лак[ея] я не знаю, а Петра С[амарина] уже знаю. То же и с Захарьиным, я доехал с ним до Твер[ского] бульвара (2). Дома обед. Ужасно то, что веселость их, особенно Тани -- веселость, наступающая не после труда -- его нет, -- а после злости, веселость незаконная, -- это мне больно. Пришел фет и слабо болтал до Г 9. Поехал к Армфельд. Дочь писала, что просьбы за нее оскорбляют ее. Это так и должно быть. Там Успенская. Об отечественных Зап[исках], что хорошо (2). Дома жена -- лучше. Но говорить и думать нельзя. Письмо от Урусова. Он хочет печатать -- пускай. Да, зашел к Олсуфьевым. А[нна] М[ихайловна] хочет поправить литографированное. Она тоже не совсем здорова, но ее пункт--милий. -

[22 апреля/4 мая.] Поздно. Выспался. И как будто проснулся. Я спал больше месяца. Опять всё ясно и твердо. Вспоминаю, не сделал ли дурного во сне? Немного. Взят за статью. Поправил немного, но дальше описания дома не идет. Надо перескочить к выводу. Всё не верю в эту работу. А казалось бы хорошо. Веселье детей -- жалко. Иду ходить без цели. Тянет к Ржановке. -Получил из Ясной письма -- от какого-то немца "Dencker" и от какого-то Колесова -- сердится, что я не вернул ему его статью. Пошел к нему -- не застал. Оттуда к Об[оленскому] и Нагорнову. Дома никого. После обеда, читал статью Иванцова. Нехорошо. Принесли письмо от Армфельд, ответил ей. Прошелся уныло по Смоленск[ому] и Девичьему полю. И сел шить. Было хорошо, но собрались гости -- Ге, Сухот[ин], Волх[онский], Сережа. Они сели играть. Мне бы продолжать шить, но я вышел и сел с ними. И тяжело, стыдно. До 3-го часа. Сережа брат очень слаб.

[23 апреля/6 мая.] Очень поздно. Живо убрался. Читал газету. Потом сел за работу -- не идет. Пошел к Урусовым. Племянница интеллигентная консерваторка. -- Как не противиться злу? Всё то же. Хочется знать истину и осуждать других, но делать ее не хочется. Дома обед. Решительно нельзя говорить с моими. Не слушают. Им неинтересно. Они всё знают. Книга Араба от Сухотина. С большим усилием прочел ее. Кое-что выписал -- против Троицы. -Пошел к Дмоховской, к колодочнику и Сухотину. У колодочника трое на одной постели. Как далеко нам до них. От Черткова телеграмма -- отец умер. Шил сапоги весь вечер. Дмоховские решительно хотят революционировать меня. Как жалко, поздно, 3-й час, ложусь спать.

[24 апреля/6 мая]. Поздно. Письмо от Энгельмана очень хорошее. Попробовал писать. Не могу. Поехал верхом к Юрьеву. Он очень свеж. Мне внушал мое учение о Христе, но прекрасно. Говорит: надо пойти проповедовать Христа. Мне пришла в голову мысль об издании Нагор[ной] Пр[оповеди]. Оттуда на Николаевский вокзал. Чертков, Писарев, Голицын. Чертков также тверд и спокоен. Сказал, что он мало огорчен. Говорили хорошо. Писарев близок (боюсь, что заблуждаю[сь]), но как бы я желал! Приехал, дома все в сборе, веселы. Шил сапоги. Лег поздно.

Отчего я не поговорю с детьми: с Таней? Сережа невозможно туп. Тот же кастрированный ум, как у матери. Ежели когда-нибудь вы двое прочтете это, простите, это мне ужасно больно.

[2-5 апреля/ 7 мая.] Раньше. Поехал к Озмидову. Проехался хорошо. Но у Озмидова было неприятно. Опять он говорил: платить оброк. Не понимаю. Ему надо кормить семью -- не отступая от правды. Что-то неясно. Устал. Дома сначала хорошо, потом разговор о том, как бояться кори -- не видаться. Я сказал свое религиозное воззрение и пошло. Как люди, лишённые религиозного чувства, ненавидят проявление его и чутки. Им ненавистно упоминание, как о важном, о том, чего они [не] видят. Пошел работать сапоги. Потом читал Иванц[о]ва статью. Много детски глупого о социализме и много прекрасных мыслей о значении христианства, но вот образец того, как компром[и]ссы губят. Столько оговорок, что ничего не осталось. А самые мои мысли.

Письмо от Урусовой. Vogue велит ждать "Войны и мир". Смешно. Надо ответить.

[26 апреля/8 мая.] Не поздно. Пошел на почту. Бр[ат] Сергей, встретили Иверскую. Он ругает, но кланяется. "Всё лучше, говорит, чем что-то ему страшное". Странная болезнь. Дома читал святую Наг[орную] Пр[оповедь] и пробовал писать введение к ней. Нельзя. Пошел в книжн[ые] лавки, но не доехал, никто в конке не разменял 10 р. Все считают меня плутом. Вернулся, один обедал. Борис и его жена, сделанная очень похоже на женщину. Неопытный человек не узнает. Остался дома. Ходил в лавку, зачем-то купил сыру и пряников (1). Как во сне -- слабость. Дома разговаривал с m-me Seuron и Ильей. Он искал общения со мной. Спасибо ему. Мне б[ыло] очень радостно. Потом приехали наши. Мертво.

[27 апреля/9 мая.] Раньше. Пытался продолжать статью. Не идет. Должно быть, фальшиво. Хочу начать и кончить новое. Либо смерть судьи, либо записки несумашедшего. Пошел ходить, в банк и разные книжные лавки. Об издании Нагорной Пр[оповеди]. Есть выбранные места. Соблазнительные. Ослабел, но поднялся. Пришел домой поздно. Обедал один, заснул. Читал Репан. Хорошо. Письмо Толстой. Она хочет сожалеть, но не может. -- Пришли Юрьев и Бахметев. Я враждебно к Бахметеву, и убедился, что неправ. Он наивен и хорош. Юрьев милый больной. Говорит по рефлексу.

[28 апреля/10 мая.] Утром опять попытался. И решительно -- не могу продолжать свою статью. Тонкости, и потому будет ложь. Прекрасное письмо от Черткова. Хочу пойти в Петр[овские] линии (Зачеркнуто: Был в банке потому). Не дошел. Обедал. Поехал верхом. Встретил Орлова, а потом Васильева. Вернулся домой. Говорил досадливо на его таинственность с Васильевым. Сошел вниз, там священник Терновский. Вошли наверх, и Васильев напал на Терновског[о]. Он церковный революционер. Он борец против попов. Тут искренние ноты. А о христианстве фальшиво. Дети принимали участие, и все на стороне Терновского. Потом пошел к Анне Михайловне за женой. Там играют в винт. Скучно и совестно, особенно перед Лукьяном. Васильев хорошо говорил о царской кухне, как там похоже на христианскую жизнь, а у нас не похоже.

Орлов хорошо объяснил свою любовь к золоторотцам. -- Правда, это дети -- неиспорченные рефлексами люди -- на добро и зло искренно способные.

[29 апреля/11 мая]. Поздно. Не могу писать. С Орловым говорил. Пришел Ал[ександр] Петро[вич]. Я выговаривал ему без сердца. Всё до обеда ходил около Ржанова дома. Совсем не жалко. Заходил в квартиры. Моят бабы ужасные и ругаются. Сидят на бревнах оборвыши. Всё это было в субботу. После обеда ушел к себе, пришел Орлов. С ним к Сомовой. Дитман проповедует. -- Кое-что хорошо. Но лицемерно. Я ушел от молитвы. Дома А[нна] М[ихайловна]. Скучно и поздно.

[30 апреля/12 мая.] Утром барышня от Ге принесла письмо молодого Николая к брату. Письмо удивительное. Это счастье большое для меня. Пробовал писать -- нейдет. Смерть Ив[ана] Ильича достал -- хорошо и скорее могу. Пошел в банк, к Ге и к Боткину хлопотать об Озмидове. Боткин -- что за кроткое спокойствие -- совсем мертвец. Разумеется, ничего. Дома -- не в духе жена, но не поддался своей досаде. После обеда к Щепкину и Собачникову. Щепкин очень мил -- обещал. Сережа из окна рассказывал, как Ш. критикует меня. И я вижу, что я решен для него. Вечер хотел шить, пришла Дмоховская и потом Полонский. Вот дитя бедное и старое, безнадежное. Ему надо верить, что подбирать рифмы серьезное дело. Как много таких.

[1/13 мая.] Раньше. Стал поправлять Ива[на] Ил[ьича] и хорошо работал. Вероятно, мне нужен отдых от той работы, и эта, художественная, такая. Потом пришел Озмидов. Я проводил его. Обедал. Письмо Урусова. Он возится с Копан напрасно. Пошел за колодкой и к В. Орлову. Многословно объяснялся, но правдиво. Целый вечер шил и устал. Стараюсь бросать курить.

(2/14 мая.) Поздно. Начал читать Kingsley. Пришел Озмидов. Я поговорил и услал его. Стал заниматься -- не пошло. Написал письма Ге, Черт[кову], Урусовым, Мирскому, Толстой -- всё дурные. Пришел Полонский, Озмидов обедать. Полонский интересный тип младенца глупого, глупого, но с бородой и уверенного и не невинного. Минор пришел. Этот умен, по крайней мере. Стал шить, сходил на Смоленской, опять шил. Пришел Писарев, Юрьев. Писарев -- неподвижен. Кажется, таким и останется. Мне опять тяжело. Писать не могу.

[3/15 мая.] Встал тяжело. Почитал вздор, т. е. проснувшись спал. Искал письмо Памят[ки] и нашел письмо жены. Бедная, как она ненавидит меня. -- Господи, помоги мне. Крест бы, так крест, чтобы давил, раздавил меня. А это дерганье души -- ужасно не только тяжело, больно, но трудно. Помоги же мне! Попытки тщетные писать. То ту, то другую статью. О переписи важно, но не готово в душе. Пошел в музей. Никол[ай] Федорович добр и мил. Походил с ним, потом купил табаку (1) и к Урусовым. У них был обыск. Дома тихо. Один шил. За чаем дети, Кислинской, разговор о брезгливости. Злоба. Ушел к Усову. Хороший разговор о городе и деревне. Можно говорить о выгодах города, как выгоды, но как только поставить вопрос, что нравственнее, так всё кончено.

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Мне тяжело. Я ничтожное, жалкое, ненужное существо и еще занятое собой. Одно хорошо, что я хочу умереть. Было письмо от Юргенс. Хочет моих советов, а что я могу?

Была девушка из Вологды, очевидно, революционерка. Я поговорил с ней хорошо, но мало. Я всегда боюсь сцены.

[4/16 мая.] Взяться за работу. И опять с одной статьи перескакивал на другую. И бросил. Пошел к Давыдову и Захарьину. Прокурорство Давыдова невыносимо -- отвратительно мне. Я вижу, что в этих компромиссах всё зло. Я не сказал ему (1). Он рассказывал невероятные гадости и глупости их службы и отношения с губернатором. Вернулся поздно. Ел много (2) и курил (3). Вечером шил. Пришли Писаренко и Лапатин. Старшие дети грубы, а мне больно. Илья еще ничего. Он испорчен гимназией и жизнью, но в нем искра жизни цела. В Сергее ничего нет. Вся пустота и тупость навеки закреплены ненарушимым самодовольством. -- Разве это не мученье -- беседы с Пис[аренко] и Лап[атинным]. Хуже, чем мученье -- разврат. Господи, избави меня от этой ненавистной жизни, придавливающей и губящей меня. Одно хорошо, что мне хочется умереть. Лучше умереть, чем так жить.

Раздражился на грубость детей (4).

(5/17 мая.) Во сне видел, что жена меня любит. Как мне легко, ясно всё стало! Ничего похожего наяву. И это-то губит мою жизнь. И не пытаюсь писать. Хорошо умереть.

Пошел в библиотеку. Ник[олай] Фед(орович) всё так же добр ко мне. Оттуда к Юргенс. На бульваре встретил Иванову племянницу. Едва ли она серьезна. Она слишком женщина. Вошел к Юргенс и не постучался. Зачем? Дома все та же всеобщая смерть. Одни маленькие дети -- живы. Какой-то за чаем опять тяжелый разговор. Всю жизнь под страхом. Пошел ходить и встретил Лапатина и Чупрова. Чупров -- хорошая, светлая голова и прямое сердце. Одного типа с Озмидовым. Да, был Ягн. Серьезный и наивный человек. Я верю его искренности.

[6/18 мая.] Поздно. Неожиданно уяснилась статья о переписи и работал утро. Потом пошел к Олсуфьевым. Рассказ о Поливанове, сидящем в дыре и получающем хлеб сверху. Христиане! Платят в Сибири 50 руб[лей] за живого и 25 рублей за мертвого беглого. Христиане! Потому Сережи под окном. Он ненавидит меня за мою веру. Также и Толстая. Комическое письмо от нее. Опять проскочила ненависть. Дома треск Кислинских. Тоска, смерть. Письмо от Урусова о Блавацкой. Орлов. Я всегда рад ему. Шил сапоги --кончал. Пришли Самарин и Ад[ам] Вас[ильевич]. Тоска. Чужие. Да, утром приехала Оболенская, жалкая, добрая. -- Самарин хорош. Вся его умственная машина на то только нужна, чтобы оправдывать ложь.

[7/19 мая.] Поздно. Сел за работу. -- Медленно подвигалось. Пришел Чупров. Тоже очень хорошее впечатление. Пробежался до обеда. После обеда поехал верхом. Встретил Барановского. Как мне трудно мое положение известного писателя. Только с мужиками я вполне простой, т. е. настоящий человек. (Зачеркнуто: Вечером) Орлов и Облов. Как-то неловко было и излишне. Пошел к Лапатину с намерением не болтать. Но самым праздным и пьяным образом болтал до 2-х. Освободился от обязательного писания к маю. Написал Толстой -- боюсь, неприятное письмо. Но тяжело то, что возненавидели меня напрасно.

[8/20 мая.] Очень поздно. Письмо от Озмидова с Наумом. Ему нечем мать похоронить. Сначала б[ыло] неприятно. Напомнило Ясенскую раздачу денег. Что-то не то. Хотел собирать. Но тут случились Олс[уфьев] и Мороз[ова?], дали по 5, Сеурон рубль, няня 20 [копеек], и собрали 18 р[ублей]. Я сказал, что надо отдать бедным. Очень хорошо. Может быть, так надо. -- Мои все ухом не повели. Точно моя жизнь на счет их. Чем я живее, тем они мертвее. Илья как будто прислушивается. Хоть бы один человек в семье воскрес! Ал[ександр] Петр[ович] стал рассказывать. Они обедают в кухне, пришел нищий. Говорит, вши заели. Лиза не верит. Лукьян встал и дал рубаху. Александр[ович] Петр[ович] заплакал, говоря это. Вот и чудо! живу в семье, и ближе всех мне золоторотец Ал[ександр] Петр(ович) и Лукьян кучер. -- Пошел к Усову за книгой. Ключ к Усову: тщеславие и большой, здоровый ум. Он похож на Тургенева. Менее (Зач.: даров[ит]) изящен, (Зач: и пожалуй) но гораздо умнее. Оттуда к Лазареву. Добрый, нежный старичок. Очень любовен. Был рад мне. -- Дома всё то же --ничего. Пошел к Сереже, -- Кост(енька), Машинька. Элен. Оттуда странствие по необыкновенному дождю. Читал о Кравкове и Ист(орическом) вестн[ике]. Важно.

[9/21 мая.] Ночью страшная боль живота. Прикинул, как умирать. Показалось не радостно, но не страшно. Почитал исто(рический) вестник и пошел к Усову, снес книжки к Юргенс и к Лазареву. Лазар[ев] тоже хорош. Дай Бог согласия. Юргенс больная, слабая, замученная, ищущая женщина. Попорчена революционерством. Дома пришел Городецкой. Чиновник, вышедший в помещики, не отказывающийся помудрствовать. Смерть. Оболенская, Иванова. Племянницу не одобряет. Сама хорошая, но как ей неловко, трудно. Письмо от Урус[ова]. Он увлечен индейцем. Я думаю, что правда. У Дмоховской Дубровина. Тоже попорчена революцией, честная и чистая натура. Юргенс поучительна была своим отчаянным ужасом перед развратом. Женщине должно это казаться ужасно. Зашел к Олсуфьевы[м], напился чаю. Приятно поговорили.

[10/22 мая.] Не спал ночь. Поздно. Ходил в банк, на почту и к Урусовым. Они -- милые, слабые женщины. Эмерсон -- self reliance [доверие к себе] прелесть. Дома после обеда Лазарев и Дмохов[ская]. Лазарев -- прелестная натура -- доброта, ум, вера, но боюсь, что писанье будет слабо. Проводил его. Он ужаснулся на истребление плода. Во мне упрек.

[11/23 мая.] Читал Danton и Robespierre. Чудо. Строгий и глубокий ход мысли во мне. Пошел к Стороженко, Олсуф[ьевым], Бугаеву. Бугаев, Ковалев -математик. Вечер отдыхаю. Пришел Стороженко. Не нужно религии -- свобода. Что за удивительные люди! Сережа-брат, Машков. Я пошел с ним к Армфельд. Сидели вечер. Разошлись дружно. Смертельная слабость.

[12/24 мая. Я. П.] Рано. Пытался не курить. Подвигаюсь. Но хорошо видеть свою дрянность. Ехал спокойно. Я ни с кем не говорил. Читал Михайл[овского] о себе в Оте(чественных) Зап[исках] 75 года. Очень испортил меня город. Тщеславие стало опять поднимать голову. Хорошо в Ясной -- тихо, по слава Богу, нет желания наслаждаться, а требованье от себя..

Эмерсон хорош. Довольно тихо прошла дорога.

[13/25 чая.] в 10-м комната убрана. Я сказал, чтобы не убирали. Стал поправлять статью. Неидет. Читал Эмерсона. Глубок, смел, но часто капризен и спутан. Все попытки сердиться.

Не говорить, не курить, не разжигаться.

Пришла вдова Анна Крыльц[овская], сама пята. День не емшы, а два дня так. Среди разбиранья наших вещей, она стояла перед крыльцом с мальчиком. Есть нечего. Надо поехать к ней и помочь.

Пошел ходить. И хожу, гуляю скверно. Зашел в деревню. Беседовал с Евдокимом и Серг[еем] Резуновым. Я пытался предложить общую работу с тем, чтобы излишек шел на бедных. Как слово "бедных" и "для Бога", так презрение и равнодушие. "Нет, не согласятся на это". Но я не отчаиваюсь. Надо быть наивным, как Чертков. После обеда пришел Петр Осипов. Он перед смертью просил прощенья у отца.

Было большое сомнение -- идти на тягу. Пошел -- так же, как продолжаю курить. Пошел к девочкам. У них спасаюсь от холодности и злобы. Теперь какое-то сумашествие убиранья и жаловаться на усталость и болезнь.

[14/26 мая.] в 10. Убрал комнату. После кофея занимался и хорошо. Здоровье лучше, и вдруг всё ясно. Пришло письмо от "Памятки". Тип сумашествия хорошего -- христиански-русского, на современных журналах. Походил до обеда. Просители: мужик Щекинской больно -- плачет -- слезы настоящие. Две бабы, погоревшие. Что я могу сделать? Даю гроши, и совестно, больно. Потом Тарас жалуется на Николая. Потом Михеев жалуется на него же. Ненависть у них друг к другу, к соседям. Пошел с маленькими и Машей гулять. Набрали сморчков. Приятно. В лесу стоял. Стал гадать -- влияние огромное, большое, среднее, ни то, ни, се, малое, очень малое, ничтожное. Два раза вышло очень малое. Я уже пережил гаданье -- привычка. Но очень малое заняло меня. Ведь это лучшее, что я могу желать. Самое огромное дело ведь всегда очень малое. Для Бога всякое дело очень малое. И оно-то дело. И целый ряд хороших мыслей о том, как хорошо желать и делать очень малое: приятное детям, Власу, жене, если бы можно было. Та же злость. Я как во сне, как Хлудова, когда знаю, что ходит тигр и вот, вот.

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru [15/27 мая.] Поздно. Просители -- нищие. Мне совестно и мучительно перед ними. Писал хорошо. Всё уясняется. Пошел ходить и думал так, как давно не было. После обеда чинил часы и читал. Дождь лил. Эмерсон сильный человек, но с дурью людей 40-х годов.

Приходила Курносенкова советоваться, может ли ее брат Рыбин (вор) жениться в остроге. Он там нашел невесту и там женится. Надо расспросить.

[16/28 мая.] Получил письма. Отвечал толст[ой], Урусову, барышне не послал и памятке не послал. Как чужой, ненужный человек письмом может отравить жизнь! Поехал в Тулу. Упадок сил в Туле. Послал письма, купил покупки и никуда не заехал. Пил чай у Параша. Как много времени выигрываешь от отсутствия тщеславия и охоты к потехам. Письмо милое от старого Ге, от Урусова -- он отдает печатать, и от Черткова, и от Лели. Хотел спросить у Давыдова, но тошно -- прокурор.

С Урусовым мы почти в одно слово -- мы уже думаем о возможности осуществления. Я думаю, и хочу, и верю, и буду работать. Не я увижу, так другие, а сделаю свое дело.

Прелестная мысль Бугаева, что нравственный закон есть такой же, как физический, только он "im werden" [в зачатке, в будущем.] Он больше, чем im werden, он сознан. Скоро нельзя будет сажать в остроги, воевать, обжираться, отнимая у голодных, как нельзя теперь есть людей, торговать людьми. И какое счастье быть работником ясно определенного божьего дела!

[17/29 мая.] Поздно. Девочки крестьянские на pas de gea (nts) [гигантские шаги.] Языческое, как в них, как и в наших, борется с христианским и еще его верх. Красное, заманчивое, похотливое. Писал плохо. Поехал верхом к Биб[икову]. Два просителя. Солдат пособие и Телятенской -- прогульную лошадь у него отнял становой.

Биб[иков] сбил, что Сережа приедет. Поехал после обеда. Дома задремал, потом пытался говорить с женой. По крайней мере, без злобы. Вчера я лежал и молился, чтобы Б[ог] ее обратил. И я подумал, что это за нелепость. Я лежу и молчу подле нее, а Бог должен за меня с нею разговаривать. Если я не умею поворотить ее, куда мне нужно, то кто же сумеет?

Написал письмо Красновой.

[18/30 мая.] Очень поздно. Нужно вставить к детскому кофе. Работа нейдет. Но и не могу отстать от нее. Духом -- плотью спокоен. Ездил с Таней верхом. Письмо от переводчицы на немецкой. Ходил к Павлу сапожнику. Читаю Нуратia. Бездарно. Интересно, как он решает религиозный вопрос. Завтра приезжает Тат[ьяна].

[19/31 мая.] Дурно спал. Сон: ник[олай] Дмитрич завез вагон конки в тротуар, пот[ому] ч[то] он стоял не спереди, но сзади. Я стал вытаскивать канатом. Четыре мужика пристали ко мне. Мы потянули -- тронулось. Налегли еще раз -- раз, два, три, задумались, но тронулись. Еще раз и пошли. Только я уж не на улице, а в большом разливе. И мне хорошо. Хороший сон. И не начинал писать, не хотелось.

Написал письма -- Черткову и переводчице. Потом пытался починить сапоги -- не шло. Поехал было верхом -- вернулся. Ездил с Таней навстречу. Приехали. И мне тяжело. Эта пустая суета опять будет засыпать меня.

[Май. Повторение.] Нечем помянуть -- месяц. Ничего не сделал. Попытки и начало работы тогда только можно счесть за дело, когда кончу. Одно, что дурного -- знаю -- не было. Если было к семье, то и то меньше, и еще то, что мысль Бугаева зашла мне в голову и придает мне силы. Я становлюсь надежен. -- Еще сознание того, что надо только делать добро около себя, радовать людей вокруг себя -- без всякой цели и это великая цель.

[20 мая/1 июня.] Опять волнение души. Страдаю я ужасно. Тупость, мертвенность души, это можно переносить, но при этом дерзость, самоуверенность. Надо и это уметь снести, если не с любовью, то с жалостью. Я раздражителен, мрачен с утра. Я плох. Встал рань[ше]. Пил кофе с детьми. Читал Нуратia. Получил письмо Черткова. Луч света в мрак, еще сгустившийся с приездом Тани. Просители: Кубышкин плачет. Лошадь его продали за 1 Г рубля. Он плачет. Нет нравов. Баба вдова, сама пята, отбирают землю. Тарас и Константин подрались с Оси[пом].

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Старшина их хочет сечь. Михеев жалуется, что его обделили.

И Ник[олай] Ермишк[ин] на сходке кулаки сучит -- пьяный. Няня говорит, что сколько ни помогай родным, под старость никто добра не вспомнит -- выгонят. Попадья говорит, что нынче не возьмут замуж без денег. -- Кузм[инские] говорят про моды и деньги, к[оторые] для этого нужны. Как тут жить, как прорывать этот засыпающийся песок? Буду рыть. Курил и неприятным тоном заговорил за чаем (2).

[21 мая/2 июня.] Раньше. С детьми кофе. Читал Нуратиа. Пропасть просителей. Обделенные землею вдовы, нищие. Как это мне тяжело, п[отому] ч[то] ложно. Я ничего не могу им делать. Я их не знаю. И их слишком много. И стена между мной и ими. Разговор за чаем с женою, опять злоба. Попытался писать, -- нейдет. Поехал в Тулу. Дорогой мать с дочерью. Ее зять каменщик повез мужика за Сергиевское. Его соблазнило богатство мужика (он хвастал, что берет 2000 за невестой), и он в долу стал убивать его взятым с собою топором. Тот вырвал топор. Этот просил прощенья. Тот выдал его в деревне. Ведь это ужасно! Резунова старуха приносила выдранную Тарасом косу в платочке. Как помочь этому? Как светить светом, когда еще сам полон слабостей, преодолеть к[оторые] не в силах? В Туле, не слезая с лошади, всё сделал. Вернулся в 6. Почитал и шил сапоги. -- Долго говорил с Таней. Говорить нельзя. Они не понимают. И молчать нельзя. -- Курил и воздержен (2).

[22 мая/3 июня.] Поздно. Говорил с детьми, как жить -- самим себе служить. Верочка говорит: Ну хорошо неделю, но ведь так нельзя жить. И мы доводим до этого детей! Пробовал писать -- тщетно. Слабость и праздность. Пойду ходить.

Хорошо думал, гуляя, о своей жизни -- как все дурное в себе, т. е. там, откуда его можно вынуть. О хозяйстве -- лошадях заботился и распорядился. Пришел домой, стоит в кусту раздетый золоторотец ярославец из учительской семинарии. Я хорошо с ним поговорил по душе, но дал мало и не оставил его у себя (1). В воспоминании о нем раскаяние. После обеда поехал верхом -- праздно (2). Дома был мрачен, потом сидел с своими и шил сапоги. Не знаю, долбит ли моя капля, а неволью капля всё падает. Нынче думал: родись духом одна из наших женщин -- Соня или Таня, что бы это была за сила. Это вспыхнул бы огонь, к[оторый] теплился. -- Решил на гулянье, что главная причина моего дурного: воздержание -- пищи, плотское, куренье.

[23 мая/4 июня.] Встал поздно, бодро. Проситель щекинской мужик, очевидно, только выпросить что-нибудь и учитель буржуазно-глупый -- боится, что у него авторский талант, а он зарует его. Мягко, но ясно сказал ему, чтобы он бросил. Сажусь писать. Ничего не вышло. Пошел ходить, как шальной, с Чепыж. Оттуда в Засеку. Много думал о жене. Пало любить, а не сердиться, надо ее заставить любить себя. Так и сделаю. Почти не курил. Вечер ездил с Машей и шил сапоги весело.

[24 мая/5 июня.] Рано. Голова болит. И не пытался писать. Покосил. Пошел на пчельник. День прелестный. В такие дни сидят по городам и невольные мученики в крепостях. Отравляет. Нынче Телятинская баба. Сама пята. Мужа М[ировой] С[удья]

посадил на 8 месяцев. Читал Августина. Есть хорошее. Chercher la vie dans la region de la mort [Искать жизнь в области смерти.] Ездил верхом. Хорошо. Всё живое. Говорил за чаем для Тан[и] дочери. Кажется, она слушает. Правда, я мягче, ближе к любви с женою. Курил больше.

[25 мая/6 июня.] Раньше. Покосил. Просители. Опять бабы досажённых мужьев. 4 -- таких. Две Телятинские за воровство, две Щскинские за сопротивление власти. Ходил с девочками, собирали цветы. После обеда -- тоска. Пошли было на Козловку. Мум ушел от Маши. Она, бедная, расплакалась. Вечером немного ожил. Не мог быть любовен, как хотел. Очень я плох. Письма от Озмидова -- нужда. Он не свободен. И от переводчицы. Да, забыл -- утром пошел было, вернулся и писал.

[26 мая/7 июня.] Я ужасно плох. Две крайности -- порывы духа и власть плоти. Миша Кузм[инский] какой неиспорченный еще мальчик. И его будут искусственно портить во имя? Ходил по заказу. Мучительная борьба. И я не владею собой. Ищу причин: табак, воздержание, отсутствие работы воображения. Всё пустяки. Причина одна -- отсутствие любимой и любящей жены. Началось с той поры, 14 лет, как лопнула струна, и я создал свое одиночество. Это всё не резон. Надо найти жену в ней же. И должно, и можно, и я найду. Господи, помоги мне.

Ездил верхом в Ясенки. Разговор с Таней д(очерью) хороший.

[27 мая/8 июня.] Раньше. Читаю Августина. Ходил по шоссе. Вдруг совершенно спокоен. Много думал о том, что учение искупления Павла, Августина, Лютера, Редстока -- сознание своей слабости и отсутствие борьбы -- имеет великое значение. Борьба, надежда на свои силы, ослабляет силы. Не мучить себя, не натягивать струны и тем не ослаблять ее. А кормить себя пищей жизни. То же самое, что искупление. Очень интересно узнать -- будет ли меня теперь также мучить искушение с тех пор, как я не буду бороться с ним.

Два дня хорошо. После обода поехали навстречу Кузмин(скому). У них ненависть. Потом я пошел один на Козловку к мальчикам. Чудная ночь. Мне так было ясно, что жизнь наша есть исполнение возложенного на нас долга. И все сделано для того, чтобы исполнение это б[ыло] радостно. Всё залито радостью. Страдания, потерн, смерть -- всё ото добро. Страданья производят счастье и радость, как труд, отдых, боль, сознание здоровья, смерть близких -- сознание долга, потому что это одно утешение. Своя смерть -- успокоение. --Но обратного нельзя сказать; отдых не производит усталости, здоровье боли, сознание долга -- смерти. Все радость, как только сознание долга. Жизнь человека, известная нам -- волна, одетая вся блеском и радостью.

Кузмин[ский] тяжел. Очень мертв. Дети, И[лья] и Ле[ля] приехали --полны жизни и соблазнов, против которых я почти ничего не могу.

[28 мая/9 июня.] Рано. Нездоровится, желчь, дурно спал, и все-таки хорошо. Неужели это так и пойдет? Кузм[инские] ссорятся. Я ей говорил. Милой няне говорил. Покосил. Перечел свою статью -- хорошо может быть. Вчера письмо от Урусова-- очень хорошее. Прекрасно его сомнение о словах. Поднялось было тщеславие о печатании своей книги и, слава Богу, пало. Только бы быть в исполнении своей обязанности. Как бы был счастлив.

Написал кучу, писал Толстой, Армфельд, Озмидову, Урусову, Бахметеву. Пытаюсь быть ясен и счастлив, но очень, очень тяжело. Всё, что я делаю, дурно, и я страдаю от этого дурного ужасно. Точно я один не сумашедший живу в доме сумашедших, управляемом сумашедшими.

[29 мая/11июня.] Рано. Всё нездоровится. Читаю, даже не пытаюсь писать. Кошу. После обеда пошел с девочками гулять к Бибикову. Там дети увязались за нами. Очень весело с детьми. Ужасно то, что все зло -- роскошь, разврат жизни, в к[оторых] я живу, я сам сделал. И сам испорчен и не могу поправиться. Могу сказать, что поправляюсь, но так медленно. Не могу бросить куренье, не могу найти обращенья с женой, такого, чтобы не оскорблять ее и не потакать ей. Ищу. Стараюсь. Приехал Сережа. Тоже нехорош я с ним. Точно так ж[е], как с женой. Они не видят и не знают моих страданий.

[30 мая/11июня.] Рано. Всё так же нездоровится. Читал роман Вендрих. Новые требования жизни прекрасно описаны. Жить не для себя, а для других, для идеи. Прекрасно. Косил. Слаб. Просители. Судятся. Надо прямо отсылать таких. Вчера славные два золоторотца. Я накормил их. И как б[ыло] хорошо!

Отчуждение с женою всё растет. И она не видит и не хочет видеть. Поеду в Телятинки по долу посаженных в острог. Ездил в Телятинки и Ясенки, письмо Урусову. Два старика: кривой староста и печник. Оба мохом обрастают. -- Дома попытки разговора -- бесполезные. --

[31 мая/12 июня.] Рано. Не помню. Знаю, что не работал. Кажется, просмотрел написанное. Дальше не могу идти. А доволен. И очень сильно и "к делу" дальнейшее. -- Ничего не помню. Только дурного не было. Ездил к мировому. Его сын юрист. -- Зачем сажают в острог? -- "Для нравственного исправления", а сам смеется. А отец сажает. Он разрешил выпустить. Дома играют в винт. Неприятно. Вечером она говорит: голова свежа. Я счел себя обязанным говорить. Сказал, и всё тот же бессмысленный, тупой отпор. Не спал всю ночь.

[1/13 июня.] Встал всё-таки рано. Косить не нужно было, и потому пошел в Тулу за товаром. Нагнал меня старик, 70 лет, из Кутьмы. Он прошел уже 30 в[ерст]. Шли вместе. Было очень хорошо. В Туле закупил товар и вернулся домой бодро, но через силу. У нас Головин. Затеялся разговор о венгерских танцах и голодном Жарове

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru старике, к[оторого] не кормят, п[отому] ч[то] хлеба нет. Таня восстала -- жалко театра. Сережа тоже. "Нельзя, мол, ничего помочь". Замолчал, боюсь, убежденный. Заснул крепко.

[2/14 июня.] ...Я читал, косил, сходил к Павлу, написал письмо Озмидову и повез на почту. Целый день ленив. Второй день начал не есть мясо. -- Сережа ездил на молодой лошади. Пошли навстречу. Головенские мужики поздно идут с работы. Как завидно им за своих ребят. Я уж отживаю, а они делают склад жизни. У Kingsley прекрасно философское объяснение "сына" -идея человека -- праведного для себя, для Бога. А чтобы быть таким праведным, надо быть обруганным, измученным, повешенным, презираемым всеми и всё-таки праведным. К Христу это неверно, п[отому] ч[то] у него были ученики, было признание его от людей. Неправильно и то, что "сын" вполне выражен Христом. Он выражается вечно и выразится только во всем человечестве. -

Ушел от несносного сиденья за чаем и ложусь спать.

[3/15 июня.] Рано. Ночь не спал и отвратительно. Попытался писать. Пошел на суд. Заведение для порчи народа. И очень испорчен. Расчесывают болячки -- вот суд. Молчал. Баба, жена убитого -- бедная, добрая. Обед. Она нехорошо кричала. Больно, что не знаю, что надо делать. Молчал. Пошел к Резуновым, читал Евангелие. Дома чай и беседа с Сережей и Кузминским -хорошо. Сережа говорит: тщетно делать. Кузм[инский] гов[орит]: скептицизм.

[4/16 июня.] Поздно. Esprit de l'escalier[задним умом крепок]. Думал о вчерашнем разговоре, и как раз утром Кузм[инский] и Сер[ежа] одни сошлись со мной за кофе. Я сказал Саше, что скептицизм ведет к несчастью, если человек живет в разладе с своими идеалами: чем дальше он пойдет по этому пути, тем тяжелее ему будет. И для него надо желать, чтобы жизнь его б[ыла] хуже. Чем хуже, тем лучше. Он согласился. Сереже я сказал, что всем надо везти тяжесть, и все его рассуждения, как и многих других, -- отвиливания: "повезу, когда другие". "Повезу, когда оно тронется". "Оно само пойдет". Только бы не везти. Тогда он сказал: я не вижу, чтоб кто-нибудь вез. И про меня, что я не везу. Я только говорю. Это оскорбило больно меня. Такой же, как мать, злой и не чувствующий. Очень больно было. Хотелось сейчас уйти. Но всё это слабость. Не для людей, а для Бога. Делай, как знаешь, для себя, а не для того, чтобы доказать. Но ужасно больно. Разумеется, я виноват, если мне больно. Борюсь, тушу поднявшийся огонь, но чувствую, что это сильно погнуло весы. И в самом деле, на что я им нужен? На что все мои мученья? И как бы ни были тяжелы (да они легки) условия бродяги, там не может быть ничего, подобного этой боли сердца.

Переписанный отрывок прочел и чуть подправил. Пойду косить и шить. С завтрашнего дня встаю в 5. Но не курить и не берусь еще.

Косил долго. Обедали. Сейчас же пошел шить и шил до позднего вечера. Не курил. Вокруг меня идет то же дармоедство.

[5/17 июня.] Встал в 5. Разбудил мальчиков. Прошел к Павлу и сел работать. Работал довольно тяжело. Не курил. В 12 пошел завтракать и встретил всё ту же злобу и несправедливость. -- Вчера Сережа покачнул весы, нынче она. Только бы мне быть уверенным в себе, а я не могу продолжать эту дикую жизнь. Даже для них это будет польза. Они одумаются, если у них есть что-нибудь похожее на сердце.

Косил. Шил сапоги. Не помню. Девочки меня любят. -- Маша цепка. Письмо Черткова и офицера.

[6/18 июня.] В 6 косил весело. Маша со мной была. .Потом писал письма: Толстой и офицеру -- не послал. Черткову послал. Шил. Поздно в Тулу к прокурору -- узнать о мужике, судимом за убийство.

[7/19 июня.] В 5. Шил две упряжки, третью косил. Пришел Штанге -революционер. Четвертую с ним ходил, и девочки выехали за мной. Хорошо, но устал.

[8/20 июня.] В 5. Утро шил. Хотел ехать с Васей в Тулу, но Соня потребовала М[арью] и(вановну. Я поехал в Китаевку. Вернувшись, шил. Всё перепортил. После обеда ходил купаться. Большая слабость. Сысойка[?] винт. Безнравственная праздность детей раздражает меня. Разумеется, нет другого средства, как свое совершенствование, а его-то мало. Одна Маша. Лег -- не было 10 и выпался.

[9/21 июня.] Встал в 7. Обе упряжки до обеда ничего не делал. Перечел отрывок, переписанный Кузм[инским]. И ходил гулять, купаться. Большая слабость. Одно средство для того, чтобы сделать что-нибудь, это приготовить орудия работы, завести порядок в работе и кормить. Накормить лошадь, запретить ладно и не дергать, а ровно ехать, тогда довезет легко. То же с работой своей -- кормить, т. е. 1) питаться верой -- религией, мыслью о жизни общей и личной смерти, 2) чтоб было к чему прикладывать деятельность, 3) не рвать, не торопиться и не останавливаться. Это чтобы делать. А чтобы не делать, одно средство -- пустить воду, кот(орая) рвет плотину, по другим путям. То же в жизни -- похоть. Работать веселую, неостановную работу.-- Кажется, роды начинаются. Это важное для меня событие. -- Работал сапоги, учился строчить. Родов нет, обедал с тоской. Та же подавляющая общая праздность и безнравственность, как что-то законное. После обеда косил и пошел купаться. Бабки, винт, дурацкая музы[ка]. Письмо от Черткова. Мать из него будет веревки вить. Ужасные люди женщины, выскочившие из хомута. Мешали заснуть.

[10/22 июня.] Проснулся в 8, усталый. Походил, обдумывая. Читал Отечественные зап[иски]. Русский рабочий на фабрике в 5 раз получает менее и праздников меньше. Обдумывал свою статью. Кажется, ложно начато. Надо бросить. -

[11/23 июня.] Встал с усилием в 6. Построчил, поехал в Тулу на почту. Устал. Ничего не мог делать. Пошел купаться. Я спокойнее, сильнее духом. Вечером жестокий разговор о самарских деньгах. Стараюсь сделать, как бы я сделал перед Богом, и не могу избежать злобы. Это должно кончиться. -

Думал о своих неудачных попытках романа из народного быта. Что за нелепость?! Задаться мыслью написать сочинение, в к[отором] первое место бы занимала любовь, а действующие лица были бы мужики, т. е. люди, у к[оторых] любовь занимает не только не первое место, но у к[оторых] и нет той похотливой любви, о к[оторой] требуется писать. Хочется писать и много есть работы; но.теперь перемена образа жизни лишает ясности мысли.

[12/24 июня.] Рано. Съездил в Ясенки. Письмо Лазарева. Он пишет: мы рождены в плену и не увидим обетов[анной] земли, но по нашему пути придут люди, мы поможем им. Письмо Черткова. Он гектографировал письмо Энг[ельгардту] и пишет бодро и любовно. "напишите, говорит, хоть только то, что мы живы и дело делается" и то нужно. Попытки писать. Косил. Ходил купаться. Тверже. Винт и мерзость всё те же. Да, пересматривал критику богословия. Трудно поправлять.

[13/25 июня.] Рано. Сходил к Федоту. Страшная нищета. Как мы выработали в себе приемы жестокости. Ведь, собственно, надо было остаться там и не уйти, пока не сравнял его с собою. После кофе пошел с Миш[ей] К(узминским), Андр[юшей] и Миш[ей] моими на Козловку. Говорили о Боге, о том, что Бог в нас, когда мы добры. Андр[юша] сказал, что утром в нем не было. И тогда тяжело жить. Потом об Отце наш, our father who is in Heave [отче наш, суший на небесах.] - Когда я сказал, что он отец и что, когда умрешь, не может быть худо, п[отому] ч[то] отец худого не сделает, Андр[юша] даже засмеялся -- так это ему стало ясно. -- Миша, сидя па плечах, сказал: "а я очень не хочу умирать". Дома Пушкин -- старообрядец, привез книгу об обрядах, взял мою. Они революционеры, или сочувствующие революции. Писал изложение учен[ия] для народа. Я думаю, -- пойдет. -- После обеда пошел в Ясенкн. Бьют камень -- мальчик 16 лет, взрослый и старик 60 л[ет]. Выбивают на харчи. -- Камень крепок. Работа каторжная с ранн[его] утра до поздн[его] вечера. Петр Осипов выразил сочувствие революционерам. Говорит: "и прислуга-то ваша замолена у Бога. Я думаю, говорит, им уж так мно[го] заслужили предки". -

[14/26 июня.] Рано. Скопил. За кофе говорил с Мар[ьей] Ив(ановной), Алсидом и Lake о работниках на камне. Говорил хорошо, но слушали скверно. Продолжал статью -- чуть двигается. Прошел[ся] на час, встретил Lake с Мишей и прошли к Павлу. На пруду убедился, что я все слаб. Даже приходят страшные мысли, что так должно. -- Рассуждение -- высшее счастье отдавать себя другим, и это подтверждается в работе продолжительно и в акте сосредоточенно. -- Да, это так, но для этого должна быть работа, соответственная потреблению. А если потребление выше работы, потребность эта будет преувеличена, так оно и есть. Стало быть, опять всё к работе. Главное несчастье наше -- это то, что мы потребляем больше, чем работаем, и потому путаемся в жизни. Работать больше, чем потреблять, не может не быть вредно. Это высший закон. -

[15/27 июня.] Дурно спал. Ездил с Машей в Ясенки. Разговор с Тан[ей] Куз[минской] и M-me Seuron -- на крокете. Убедить никого нельзя, но я долблю, безнадежно, по долблю. Шил. Спал. Вечером тоже. Попытки разговора с Соней, ужасно мучительные. На купальне косят. Мне совестно.

[16/28 июня.] Рано встал. Приехал Петр Андр[еевич] из Самары. Разговор с ним. Он как будто подделывается, а я все долблю. Шил. Написал письмо Вас[илию] Ив[ановичу] о том, чтобы долги 12 ты[сяч] отдать бедным и сказал это жене. Мальчики плохи. И я не могу говорить им. Алекс[андр] Григорьевич] погиб от цивилизации. Павел дошил. Иду гулять с девочками. Весело гуляли, но мертвы. Слишком много пресного, дрожжи не поднимаются. Я это постоянно чувствую на моей Маше. Потом пошел купаться, очень устал. Дома та же гадость.

[18/30 июня.] Позже, в 7. Убрался, после кофе я шлялся без причалу -елку срубил, с Митрофаном о садах. Позволил оставить задаток. Всё это гадко. Пошел к Штанге. Встретил детей. Девочку -- простая, ясная. Она дочь прислуги -- ведется, как все. У них мальчики. Пришли крестьянские, они как с гостем, не учтиво только, но естественно, добро. Штанге пошел провожать меня. Рассказывал свою логику. Очень хорошо. Он хороший человек. Дома все отобедали. Приехал брат Сер[ежа]. И две бабы--жены острожных, и две вдовы солдатки. Ждали. Я устал и засуетился с ними, и Штанге, и Сережей. Тяжелое, суетливое состояние. Скверно наскоро пообедали. Пишу все это к тому, чтобы объяснить последующее. Вечером покосил у дома, пришел мужик об усадьбе. Пошел купаться. Вернулся бодрый, веселый, и вдруг начались со стороны жены бессмысленные упреки за лошадей, кот[орых] мне не нужно и от кот[орых] я только хочу избавиться. Я ничего не сказал, но мне стало ужасно тяжело. Я ушел и хотел уйти совсем, но ее беременность заставила меня вернуться с половины дороги в Тулу. Дома играют в винт бородатые мужики -- молодые мои два сына. "Она на крокете, ты не видал", говорит Таня сестра. "И не хочу видеть". И пошел к себе, спать на диване; но не мог от горя. Ах, как тяжело! Все-таки мне жалко ее. И все-таки не могу поверить тому, что она совсем деревянная. Только что заснул в 3-м часу, она пришла, разбудила меня: "Прости меня, я рожаю, может и быть, умру". Пошли наверх. Начались роды, -то, что есть самого радостного, счастливого в семье, прошло как что-то ненужное и тяжелое. Кормилица приставлена кормить. -- Если кто управляет делами нашей жизни, то мне хочется упрекнуть его. Это слишком трудно и безжалостно. Безжалостно относительно ее. Я вижу, что она с усиливающейся быстротой идет к гибели и к страданиям душевным ужасным. Заснул в 8. В 12 проснулся. Сколько помнится, сел писать. Когда приехал из Тулы брат, я в первый раз в жизни сказал ему всю тяжесть своего положения. Не помню, как прошел вечер. Купался. Опять винт, и я невольно засиделся с ними, смотря в карты.

[Июнь. Повторение.]

Переделывал свои привычки. Вставал рано, работал физически больше. И невольно говорил и говорил всем окружающим. Разрыв с женою (Зачеркнуто: все больше) уже нельзя сказать, что больше, но полный.

Вина совсем не пью, чай в прикуску и мяса не ем, . Курю еще, но меньше.

[19 июня/1 июля.] Встал в 8-м. Убрал комнату при Сереже. Пришел купец покупать иноходца, Я изменил слову. 250 р. -- Ложь моего положения -нехороша. Я виноват в ней, надо выйти. Хотел дать деньги эти Тане. Оказалось, что другие -- т. е. Сережа -- завидуют. Ты прочтешь это когда-нибудь, Сережа сын, -- тебе надо знать, что ты очень, очень дурен. И что тебе надо много работать над собой, главное смириться. Мужик Григ[орий] Бол[хин], Кастер-мастер и Павел сапожник косят сад. Я около 11 часов ввязался в их работу и прокосил с ними до вечера. Дети -- Илья и Леля и Алсид -- косили же. Очень было радостно. Вечером пошли купаться. -

Опять винт.

[20 июня/2 июля.] в 7-м, не убирая комнаты, пошел к косцам и натошак до обеда тянулся за ними и вытянул. Приходил один Леля. Позавтракал и заснул на полчаса. Теперь пишу это. Вечер хочу съездить в Ясенки. Был в Ясенках. Лошадь наступила на ногу.

[21 июня/3 июля.] Бабы работали, мои -- нет. Я работал с мужиками весь день,

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru кроме последних копен. Вечером у Маши в комнате заговорили о том, как каждый провел день. Это не игрушка. Я бы ввел это в обычай. Разумеется, не нужно принуждать, Кто хочет, рассказывает.

[22 июня/4 июля.] Рано. Сначала пришли бабы, мои не вышли. Потом я пошел, и пошла Маша. У ней живот болел. Целый день работал. За чаем девочки и Таня, и Ал[ександр] Мих[айлович] рассказывали каждый свой день и свои грехи. Таня рассказала, как она сердилась за завтрак[ом], Кузм[инские] оба на Трифонову. Я хотел рассказать свои грехи, но не мог. Нечистый взгляд на женщин и злоба на жену и Сережу. Но и то, и другое ничем не выражалось.

[23 июня/5 июля.] В 7, не дожидаясь народа, работал с Блохиным. Он говорит: "Это будет очень затруднительно. Крестьянеэто все должны исправить. Для развлечения времени -- можно". Шел по саду, и ему понравилось в аллеях, захохотал. "Нда! Прекрасно для разгулки". Без всяких шуток, чем он более сумашедший, чем все наши семейные. Вызывал Таню. Она возила с граблями. Она мягка тоже, но очень уж испорчена. А хорошая, очень хорошая бы могла быть женщина. Я не переставая работал и очень устал. Не мог спать -- руки ныли, но очень хороши и телесно, и душевно. Мне дали копну, т. е. воз большой. Не ждал я, что на старости можно так учиться и исправляться. Тяжела возка и уборка. Жена очень спокойна и довольна, и не видит всего разрыва. Стараюсь сделать, как надо. -- А как надо, не знаю. Надо сделать -- как надо, всякую минуту, к выидет, как надо всё.

[24 июня/6 июля.] Встал не так рано, усталый. Пошел на Козловку. Письмо Урусова. Мечтал о том, как бы я поехал во Францию -- везде можно одинаково хорошо жить. Теоретически можно. Попробовал продолжать писанье -- не мог. После обеда с Таней ездили верхом в Ясенки. Она напугала нас на Султана. Больше ничего не помню. Многого я очень требую от моих близких. В них шевелится совесть, в лучших, и то хорошо. -- Ал[ександр] Михайлович] очень таков [?].

Перечитывал дневник тех дней, когда отыскивал причину соблазнов. Все вздор, одна -- отсутствие физической напряженной работы. Я недостаточно ценю счастье свободы от соблазнов после работы. Это счастье дешево купить усталостью и болью мускулов. -

[25 июня/7 июля.] Встал рано. Опоздал против мужиков на 5 рядов, но выставил свое. Работал весь день. Не обедал. Приходила тульская нищая. Я ничего не мог, а больно отказывать. И из Каменки Акулина. Чуть было и к ней не отнесся недоброжелательно. -- Послал Таню узнать и дать деньги. На покосе были Алсид и Илья, но скоро бросили и еще хуже. Вечером из Тулы письмо Черткова. Ему страшно отказаться от собственности. Он не знает, как достаются 20 т[ысяч]. Напрасно. Я знаю -- насилем над замученными работой людьми. Надо написать ему. В комнате жены собрались рассказывать день. И я первый Маше сказал обидно. Потому что мне вся их жизнь жалка, а она сказала свой первый образчик.

[26 июня/8 июля.] Встал измученный и больной в 7 и пошел на работу: косил целый день без перерыва. Пришла с кофеем Таня. Приятно. Сережа косил. Он невозможен своей самоуверенностью и эгоизмом. Приходили мужики -покупатели Мясоед[овского] имения. Им надо купить, чтоб избавиться от злодея соседа и иметь землю, но они зарываются. Беседовали с мужиками о Турции и земле там. Как много они знают, и как поучительна беседа с ними, особенно в сравнении с бедностью наших (Зачеркнуто: умствен[ных]) интересов. Один желудок работает, для него одного живут. Не обедал и не хочется есть. Вечером тетя Таня выражала свое неудовольствие, что я вчера при рассказе дня обидел ее Машу. Мне было очень больно. Как мне кажется легко и как тяжело им повернуться. Остальные мальчики шляются и едят. -- Не спал до 2-х от желудка. Была Зорина -- лошадь. Странники. Копылова -- рублевку на хлеб. Получил корректуру Урусова -- порядочно. Жена рада случаю осуждать меня и ругать. -- Мне трудно; но как будто что-то двинулось. Оттого каша какая-то. С крокета все вместе снесли чай и тем насмешили людей. Как будто не смешно то, что гладкие люди сидят, умирая со скуки, и заставляют занятых людей делать пустяки.

[27 июня/9 июля.] Встал в 8. Не пошел на работу. Пришел мужик, обсчитанный прикащиком. И городенской -- мать похоронить -- рублишку. Дети -- сонные, жрущие. С Кашевской говорил всё о том же.

Нужда, т. е. нужная работа, учит, главное, мудрости жизни-- давать наибольшее дело с наименьшей тратой и чужих, и своих сил. -- Этому выучишься только в

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru настоящем труде. Вообще, несмотря на самое скверное физическое состояние, я очень счастлив эти последние дни.

[28 июня/10 июля.] Рано. Нездоровилось, но пошел после завтрака. Они много скосили, но я догонял. Нет, они трясли и гребли. Я начал работать с ними. Помешал дождь. Вечер косили. Дома праздность, обжорство и злость.

[29 июня/11 июля.] Петров день. Встал рано. И косил один. Всё то же. -

[30 июня/12 июля.] Косил с ними, только опоздал, с утра до 7. Был дождь. Я утром не ел до обеда и очень ослабел. Приехал Берс Алекс[андр]. Держусь от неприятного чувства, и Юрий, и плешивый Юрий-негодяй. Саша Кузм[инский] положительно добр и хорош. Вечером он пришел и пошел купаться, принес мне белье. Так просто, добро. Разговор с ним о честолюбии. Честолюбие и вообще *vanite* [тщеславие] занимает пустое место, незанятое -миросозерцанием. Полнеет содержание мирозерцания, уничтожается *vanite*. Читал Эмерсона Наполеона -- представитель жадного буржуа-эгоиста -прекрасно.

Не замечаю, как сплю и ем, и спокоен, силен духом. Но ночью сладострастный соблазн.

[1/13 июля.] Медлил встать -- в 8. Выспался, убрался. Пошел с Александром Берсом ходить. Он жалок. Беседа с сестрами Кашевскими о невозможности делать добро деньгами. Пошел на покос -- трясли, копнили. Я сильно работал и легко. Пришел, поел и до вечера. Пришли с чаем. Вышло неловко, от кучи разряженных детей. Разговор с женой о помощи бедным. Нехорошо, как всегда. Без работы в этой суете еды и игры мне просто скучно -- без осуждения и желания выказаться. Просто ясно, что выйти из этого ничего, кроме тоски и расслабления всякого рода, выйти не может. Орлов как прав, и как глубока его мысль та, к[оторую] он придаст флюберу.

[2/14 июля.] Встал в 8-м. Была гроза. Я убрался и не пошел до завтрака. Ходил купаться. -- Вчера слышал горячий разговор наверху. Это меня обсуживали с Александром Берс. Чтобы они об себе судили! Это только ухудшает их непонимание. После завтрака пошел и работал до 8 часов, копнили. Мне всегда с мужиками стыдно и робко. И я люблю это чувство. Вечером всё то же дома. Винт, потом приехал бр[ат] Сергей. Я ушел спать. (Всё это было в середине.)

Начал есть бульон, вспомнил о Федоте.

[3/15 июля.] Встал в 6. Они уже по 4 ряда прошли. Я косил с страшным напряжением. Маша принесла кофе и ушла. Рано дошел обедать. Заснул. Соня всё привередничает и говорит о себе. Это ужасное ее мученье.

Пошел на покос. Косили и копнили, и опять косили. Очень устал. "Тимофей, голубчик, загони мою корову: у меня ребенок". Он -- пустой, недобрый малый -- умирался, и все-таки бежит. Вот условия нравственные. "Анютка, беги, милая, загони овец". И 7-летняя девчонка летит босиком по скошенной траве. Вот условия. "Мальчик, принеси кружку напиток". Летит 5-летний и в минуту приносит. И понял, и сделал. Пришел страшно измученный. Маша принесла мне бульон и снесла Федоту. Вчера с Сашей говорили обо мне, нынче с братом.

Вот именно: чем это всё кончится.

[4/16 июля.] Спал крепко. Встал в 7. Пошел к брату Сергею. Он едет занимать деньги. Он всё решил и меня осудил. И я сдуру натошак разговорился с ним. И было ужасно мучительно. Легче страшный физический труд. Дм[итрий] Федорович] принес переписанное. Я прочел -- хорошо. Работа моя на покосе отстала -- совестно.

Пришел с купанья. Сидят на крокете. Ильяша всё слышал и рассказал Тане. Констанция тут же. Меня задирают. Я начал говорить. И они как будто взволнованы, и им что-то нужно. Пошел на покос. Илья пошел косить. Скоро бросил. Я работал много. Вечером усталый сидел, хотел идти спать. Да, еще прежде жена стала говорить. И как будто хорошо. Хотя трудно сдерживалось раздражение. Говорит: надо жить в деревне, но как только разговор о жизни, так элюдируют. Потом уже вечером, когда я хотел идти спать, начался разговор. Таня как будто поддерживала меня. Сережа брат сочувственно молчал. До 2 часов говорили. Я измучился страшно и чувствовал, что праздно. (Так и вышло.)

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru [5/17 июля.] Утром проводил брата, убрался (Зачеркнуто: После обеда работал на покосе, но уже чувствовал, что отстал). (После обеда), т. е. завтрака послал Василия возить. Спал до 5 часов. Вечером отдал сено и ходил по лесу и обдумывал. Вечером разговор о жизни, но уже слабее. Стали сводить на нет.

[6/18 июля.] Дурной день. Встал в 8-м, убрался, хотел идти в Тулу, но почувствовал себя столь слабым, что поехал верхом. Перед отъездом приехал Артем об земле. Я ему грубо и зло сказал: завидующие глаза. И поехал убитый. В Туле духота. В банках чистенькие, щелкают счетами и моча о губку, считают, постукивая, бумажки; а по дороге бабы навивают, мужики косят, скородят. Нищие и странники слабые, голодные идут. Приехал растертый и измученный, послал деньги на почту. Дорогой я ехал и мечтал о том, что, устроив правильно жизнь, т. е. отдавая другим хоть какую-нибудь долю, я должен прежде всего взяться за хозяйство. Я надеюсь, что мог бы теперь делать, не увлекая[ясь] и всегда зная, что отношения с человеком дороже всего. В Туле Урусов. Очень много разговора. Дома попытки отношений -- как будто мы всё разрешили и, вместе с тем, ничего изменять не надо.

[7/19 июля]. 1 Встал в 7. Напился кофе, поговорил с М-ме Seuron. Она рассказала, что Таня прибила Устюшу. Потел к Артемову просить прощения. Но, к счастью или несчастью -- не застал его. -- Вернулся домой и имел несчастье сказать о неугасаемом чае. Сцена. Я ушел. -- Она начинает плотски соблазнять меня. Я хотел бы удержаться, но чувствую, что не удержусь в настоящ[их] условиях. А сожитие с чужой по духу женщиной, т. с. с ней -- ужасно гадко.

Книга, привез Ур[усов], Manue[л] [Руководство]. Очень важно. -- Хорошо. Только что я написал это, она пришла ко мне и начала истерическую сцену, -- смысл тот, что ничего переменить нельзя, и она несчастна, и ей надо куда-то убежать. Мне было жалко ее; но вместе с тем я сознавал, что безнадежно. Она до моей смерти останется жерновом на шее моей и детей. Должно быть, так надо. Выучиться не тонуть с жерновом на шее. Но дети? Это, видно, должно быть. И мне больно только пот[ому], ч[то] я близорук. Я успокоил, как больную. Приехали Урусов и Обамелик. Урусов очень слаб. Обамелик -- дикий человек, научившийся всей внешности цивилизации. Не мог пойти работать.

[8/20 июля.]. Встал рано, убрал при Урусове. Ходил гулять (мне стыдно стало гулять) с Ур[усовым] и Об[амеликом], и дикость выразилась особенно ясно. Девочки сварили обед нищим, но потом нарядились к обеду с цветами и, разумеется, всё пропало.

Вечером Головина. Раевский. Разговор за ужином с Таней. Но вес это уже не радует меня. Всё игрушки. И игрушкой делают святыню. Опять не мог пойти работать. -

[9/21 июля.] Очень жарко, и мне очень нездоровится: чесотка и тоска, и бессонница. Сидел дома, читал Meadows о Китае. Он весь предан кит[айской] цивилизации, как всякий умный, искренний человек, знающий кит[айскую] жизнь. -- Ни на чем лучше не видно, как на Китае, значение насмешки. Когда человек не в силах понять вещь, он над ней смеется. Китай -- 360 миллионов жителей, самый богатый, древний, счастливый, мирный народ живет какими-то основами. Мы подняли на смех эти основы, и нам кажется, что мы распорядились Китаем.

Пошел в баню. Приехала Оболенская. Ее семейство. Менгдены, стерли с лица земли сыновей и устроили жизнь с китайской посудой -- вот образцы богатой образованной жизни. Мне хуже -- живот болит. Ночь не спал.

[10/22 июля.] Целый день хворал. Но служил все-таки сам себе. Это можно и не трудно. Читал Meadows. Прекрасно. Образование китайцев, как он говорит, по качеству выше нашего, хотя и ниже по количеству. Образование там главное в этике; а у нас этики совсем нет. Семейная жизнь та же. Таня дочь как будто поднимается.

[11/23 июля.] Встал в 7. Немного лучше, голова свежа, читаю Meadows и хочу писать письма.

Написал Черткову, Юрьеву, Ге. Походил немного. Хотел косить Титу, но и слаб и совестно. Нет работы. Сережа сын приехал. Мне неловко с ним, но виноват не я. Ему страшно неловко, и это сообщается мне. Все поехали к Головиным. Дома я разговаривал с Seuron и Кашевской. Она пришла и изливала злобы. А я желал. Не

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
спал до 5 часа от тоски.

[12/24 июля.] Встаю все-таки не позже 8. Читаю Meadows и по-еврейски Евангелие. Всё нездоров и слаб, слаб во всех отношениях. Целый день прошел без событий. Разговоры и интерес к ним затихли. Объявил, что пойду в Киев. Ночью вошел наверх. Объяснение. Не понимаю, как избавить себя от страданий, а ее от погибели, в к[оторую] она с стремительностью летит. Молился вчера, значит, слаб. Молитва к богам и святым -- чаще к святым -- от того, что нужна помощь. И если бы мы жили христианской жизнью, была бы помощь от людей, от церкви. Всё, о чем мы разумно молимся, могут сделать нам люди --помочь трудом, умом, любовью. Два письма от Черткова. -- Мать его, как и следует, ненавидит меня. Видел сон о Черткове. Он вдруг заплясал, сам худой, и я вижу, что он сошел с ума.

[13/25 июля.] Встал рано, убрал. Вчера заснул-таки. Читал Meadows о цивилизации. Прекрасно он делит на 4 степени: 1) материальная, 2) физическая, 3) умственная, 4) нравственная. Цивилизация же есть замена физических факторов умственными и умственных моральными. Это запутано; но есть правда. Цивилизация есть слово, и его вовсе определять не нужно. Правда же в том, что наибольшее благо людей достигается применением к жизни тех факторов, которыми получается благо наилегчайшим путем. И как нелепо поднимать руками то, что можно поднять рычагом, так же нелепо поддерживать отношения и защищать свою независимость войной, когда эта же цель достигается нравственной жизнью. -- Нынче лучше, но слаб во всех отношениях.

[14/26 июля.] Пропустил несколько дней и записывал на память в среду. Кажется, что в этот день я звал жену, и она, с холодной злостью и желанием сделать больно, отказала. Я не спал всю ночь. И ночью собрался уехать, уложился и пошел разбудить ее. Не знаю, что со мной было: желчь, похоть, нравственная измученность, но я страдал ужасно. Она встала, я всё ей высказал, высказал, что она перестала быть женой. Помощница мужу? Она уже давно не помогает, а мешает. Мать детей? Она не хочет ей быть. Кормилица? Она не хочет. Подруга ночей. И из этого она делает заманку и игрушку. Ужасно тяжело было, и я чувствовал, что праздно и слабо. Напрасно я не уехал. Кажется, этого не миную. Хотя ужасно жаль детей. Я всё больше и больше люблю и жалею их.

[15/27 июля.] Проснулся в 10. Разговор с Сережей. Он без причины сделал грубость. Я огорчился и выговорил ему всё. И буржуазность, и тупость, и злость, и самодовольство. Он вдруг заговорил о том, что его не любят, и заплакал. Боже, как мне больно стало. Целый день ходил и после обеда поймал Сережу и сказал ему: "Мне совестно..." Он вдруг зарыдал, стал целовать и говорить: "Прости, прости меня". Давно я не испытывал ничего подобного. Вот счастье.

[16/28 июля.] Встаю не поздно. Целое утро работал над переводом. Ходил в Ясенки. Зачем-то приехали Свечины и Урусов. Ужасно скучно. Не спал до 12.

[17/29 июля.] Встал поздно. Но кофе с детьми. Всё поправляю по утрам немецкий перевод и читаю с удивлением о том, как не трогает это людей. Вечером пошел с детьми за грибами и остался с бабуриными косцами косить. Они пьяные. Мне хорошо было с ними. Дома отношения опять натягиваются и натягиваются только с женою. Те все любят меня.

[18/30 июля.] Встал в 8. Утро работал над переводом с M-me Seuron. После завтрака пошел с Андрюшей за грибами. Он очень мил. Какие бы вышли люди, если бы их не портили! -- Целый день хочу спать. Письмо от Ге. Книги от Черткова. Теперь поеду к Леониду и в ник[ольское]. Как будто еще натянутое.

[Июль. Повторение.] Борьба с семьей. Работа. Слабость физическая. Движение вперед.

[21 июля/2 августа.] Приехал Кузм[инский].

[22 июля/3 августа.] Целый день празднество Маши Кузм[инский.] Мне очень тяжело и нездоровится. Урусов, боюсь, болен. Говорил с ним о филос[офии] и религии, он заспорил.

[23 июля/4 августа.] Перечитывал статью о переписи. И пересматривал другое. Вечером враждебное настроение жены. Какая тяжесть!

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru [24 июля/5 августа.] Первый день выпался. Приехал Ге. Письма прекрасные от Черткова. Написал ему длиннейшее письмо.

Ге очень хорош, ощущение, что слишком уже мы понимаем др[уг] др[уга].

[25 июля/6 августа.] С Ге пошел в Тулу к Урусову. Там Борисов. Тип жуира, окрасившегося социализмом 70-х годов. Вернулись домой с Ге. Прелестное, чистое существо.

Он, Чертков, Вас[илий] Ив[анович], Урусов, Орлов. Соня раскаялась во вчерашнем не в духе. Много, хорошо говорила с Ге.

[26 июля/7 августа.] Целый день с Ге. Тоскую без физической работы. Соня хороша и Сережа, и Таня, и Маша, и Илья -- хуже всех, грубеет -- зол и эгоистичен. Прелестное еще письмо от Черткова, с выпиской из Mathew Arnold. Чтение для народа и для нас. Но Чертков настаивает, что надо прежде всего объяснить народу Евангелие, он прав.

Проводил Ге и поздно заснул наверху.

[27 июля/8 августа.] Нынче встал поздно, свежо. Говорил наверху о Ге. О том, что у (Зачеркнуто: честного) нравственного человека семейные отношения сложны, у безнравственного всё гладко. Читал Ground Ash. Это revival'ское [евангелическое] сочинение--жалко, но хорошо. Пош[ел] на посадку и купаться. Дома друж[но]. Думал: мы упрекаем Бога, горюем, что встречаем препятствия в осуществлении учения Христа. -- Ну, а что, если бы мы все были без семей несогласных. Мы бы сошлись и жи[ли] счастливо и fad'но [от fade (франи.)--тускло]. Ну, а другие. Другие бы и не знали. Мы хотим собрать огонь в кучу, чтоб легче горел. Но Бог раскидал огонь в дрова. Они занимаются, а мы тоскуем, что они не горят.

Еще думал о книге для народа, опять в форме признания -- хоро[шо]. Покошил немного. Пошел потом к Павлу и учителю. Поздно приехали люб[овь] Ал[ексадровна] с Вячеславом].

[28 июля/9 августа.] Проснулся, а тут уже Сухотин. Что за жалкое и ничтожное существо. Особенно поразительно, п[отому] ч[то] внешне даровитое. Купались, ходили все за грибами. Большой обед. Не помню вечера. Всё праздно. Есть пищу и не выставлять работу, получать знания и не передавать -- это онанизм настоящий. Всё чаще и чаще будешь выпускать, и всё гаже будешь себе и другим. Я онанист всяческий. Надо не быть.

[29 июля/10 августа.] Всё Лазарев давил. Он приехал утром. Мы шли гулять, встретили Урусова. Обедали все, вечером еще Серб. Мне понравился.

[30 июля/11 августа.] Помню, что был Лазарев и давил меня, т. е. я был в неясности относительно его. И что была люб[овь] Алекс[андровна]. Да, вечером с ней б[ыл] разговор. Она только что начала понимать. Праздные дни! Ушаков приезжал. Неприятно.

[31 июля/12 августа.] Поздно же встал. Лазарев томит меня. Предложил ему прочесть свое. Он стал читать. Хорошо, но много нелепого и несвязного. Я пробовал указать, но он не видит. Вечером пошли к Настасье, лежащей 14 лет. Горб вырос. Она говорит: слава Богу и крестится левой рукой. Приехал Владимир Александрович с сыном. (Да, утром) я был агрес[с]ивен. Я был желчен. С женой держится. Я боюсь и напрягаю все силы.

[1/13 августа.) 1 Я был агрессивен с Владимиром Александровичем и стал говорить Лазареву мои замечания на его выражения мысли. Он не может переносить этого и злится. Он показал мне этим свою неискренность. Журнальное образование и тщеславие. Христианство тронуло его только внешней стороной. Я измучился ужасно. Ушел носить. Он туда пришел ко мне и начал меня пилить моей жизнью. Я разгорячился. Ходил усмирять себя и его. Но тщетно. Дело выяснилось. Он, как Rads'токисты, только приводит к учению Хр[иста], а то, в чем оно, он и не думал. -- Много я узнал от этого странного человека. Главное, как ложно учение любви. Это не шутка, что я ненавижу любовь, как учение. Это прямо qui pro quo. Любовь есть сама жизнь, цель, закон, а они и Павел, и непонимающие учения Хр[иста] выставляют ее правилом. Как правило, это величайшая ложь.

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru [2/14 августа.] Встал поздно. Капюя. Ходил купаться в очень холодной воде. Думал о постепенности требовании природы: пищи и труда, собирания семени и отдачи его и (мне кажется) собирания и передачи его. Любовь же не входит в этот ряд, потому что любовь есть сама жизнь, к[оторая] достигается естественными удовлетворениями этих требований. Влад[имир]Алекс(андрович) и Любовь А[лександровна] стесняли меня. Я покосил перед обедом. После обеда пошел в Ясенки, всё думал о том же. С женой тихо и дружно, но боюсь всякую минуту.

[3/15 августа.] Прошла неделя, и записываю назад. Почти целый день косил.

[4/16 августа.] Поздно, возился с травой. Саша пошел в Тулу за сломанной косой. Приехал с Урусовым Борисов. Я начал шить сапоги, но Борисов, гости и нездоровье помешали. Тягость пустоты.

[5/17 августа.] Поздно. Нездоровится. Флюс. Пустая болтовня и утром, и вечер[ом]. Почтов[ый] ящик, не совсем пусто. Камень долбит. Урусов стал отдаляться от меня. Мало в нем жизненного.

[6/18 августа.] Опять 3 дня прошло, и не помню. Нынче поздно встал. Лихорадочное состояние. И тревога, и заботы и о переводе, и о лошадях, и даже о прогулке за грибами. Желаю умереть, и когда физически плохо, и еще больше, когда в душе сумбур. Перечел опять статью о переписи. Всё не хочется бросить, поправил кое-что. Странно, что невольно выступает то, что неожиданно я нашел их лучше себя. Должно быть так. Утром разговор с Таней. И я себе уяснил, что в числе ряда дел, наполняющих жизнь, есть дела настоящие и пустые. Знать настоящие и пустые -- в этом всё знание жизни. Вечером глупая шарада и потом почтовый ящик. Стихи Сони тронули (Зачеркнуто: дочь) Таню. Они втроем -- две Маши и она -- заплакали. Сознание своего ложного положения проникает в детей. Вячеслав спорил с Сережей и С[ережа] говорил моими словами.

[7/19 августа.] Спокойное утро. Начал шить -- неохотно -- сапоги. Косил. Не помню.

Делал планы поездки. -- Нездоровится.

Два прелестные письма: от Чертко[ва] и Ге.

[8/20 августа.] Поздно. Целый день сгребал сено. За обедом взрыв на мис[с] Лэк. Сознание добра и мира мало[?], но вошло в семью. Все убиты. Я ходил с Мишей Куз[минским] гулять и говорил с ним -- как с большим, только лучше, о Боге, о добре... Дома тяжелый разговор. Соня, чувствуя, что виновата, старалась оправдаться злом. -

Но мне б[ыло] жалко ее.

[9/21 августа.] Утром начали разговор и горячо, но хорошо. Я сказал, что должно. Приехал Армфельд. Я целый день болтался и болтал с ним. Произведения науки, как учреждение вроде церкви, пустая важность. И умен, и знающ, но пуст. Пришел домой, Соня помирилась. Как я был рад. Именно, если бы она взялась быть хорошей, она была бы очень хороша.

[11/23 августа.] Ездил в Тулу. Мальцов. Ему совестно за то, что он в лакейском мундире. Он занят делами и Great Expectation [большое ожидание].

[12/24 августа.] Суевливый день. Ниенеп чтение. Урусов. Шарада.

[17/29 августа.] Верочка К[узминская] решила, что ходить без mad (emoiselle) в гимназию нельзя, п[отому] ч[то] все засмеют. И я понял в первый раз всю страшную силу влияния среды. Всё можно сделать в школе и п[отому], как же строго надо относиться к тому, что делаешь в школе.

[18/30 августа.] Я ездил в Тулу.

[19/31 августа.] Урусов, Бестужевы, Абамелик. Грибы, ходьба. Не помню.

[Август. Повторение.] Праздно, слабо. Но дурного очень нет. Кроме пох[оти].

[20 августа/1 сентября.] Леля огорчил меня. Я говорил с ним, думаю, что не

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru бесполез(но).

[21 августа/2 сентября.] Грибы и готовящееся нездоровье. Перечел статью, и вдруг вся выяснилась. Я лгал, выставляя себя. Только перестать лгать и всё выйдет.

читаю Ниепен. Что за болтовня, казенно-профессорская.

Нынче думал, что всякая наука хороша, но только наверно не та, к[оторая] в данную минуту считается большинством самой настоящей и важной. Так вся наша университетская наука.

[22 августа/3 сентября.] Имянины жены. Почтовый ящик. Шаховской. Я написал о больных Ясно-пол[ьянского] гошпиталя. Хорошо было. Что-то трогает как-то их. Я не знаю как.

[23 августа/4 сентября.] Шаховской приехал. Он шалун, animal spirits [пылкий, жизнерадостный] и честный. Только прямой ли? Смех сомнительный.

[24 августа/5 сентября.] Приехал Ге. Он тих и не совсем ясеу сам для себя, т. е. как он поставит свою жизнь, соответственно своим убеждениям. Ему это кажется легче, чем есть. Всякий день ходил за грибами.

[25 августа/6 сентября.] Приехал Сережа, Шаховской, Ге. Много народа, не-помню подробно. Слушаю: спорят за картами: "я видел туза". -- "Нет, вы не могли видеть" и т. д. Им тяжело и другим тяжело, зачем они это делают? Я думаю, что скоро выучатся этого не делать, т. е. не настаивать на том, что я прав.-

Не помню, нынче или вчера говорил с Шаховским и весь дрожал, показывая ему правду: что дела дьявола -- войну, суд, присягу, нельзя говорить о Христе. Уже нездоровится.

[26 августа/7 сентября.] Народу бездна. Сереже бр[ату] сказал неприятное о том, что он не знает англ[ийской] литературы] Напрасно. Спор о свете. Жена раздрадила, сказав, что Орж[евский] лучше Громеки, лучше молчать. Ходил за грибами. Урусов. Жена не пошла за мной, и пошла, сама не зная куда, только не за мной, вся наша жизнь.

Почтовый ящик. Очень милый.

[27 августа/8 сентября.] Утром уехал Сережа. Я не спорил, но он б[ыл] сердит. Ходил за грибами с Ге и Голов[иным]. С Ге читал Евангелие -- 24 главу Матфея. Как ясно и хорошо, за исключением предсказания о Данииле. Вечером Ге уехал.

Я нездоров, пошел спать.

[28 августа/9 сентября.] Мне 2 x 28 лет. Наши уеха[ли] в Тулу провожать Вер[у] Ш[идловскую]. Я рад, что один, читал о древних Персах Michelet. Хорошие мысли. Нездоровится. Приятно, дружно с женой. Говорил ей истины неприятные, и она не сердилась. Вечером читал Maupassant. Забирает мастерст[во] красок; но нечего ему, бедному, писать.

[29 августа/10 сентября.] Две недели пропустил. Последнюю неделю я всю нездоров. Жар. Голова, печень болят. Нынче как будто лучше. Это относится к середе.

Встал поздно, ночью жар. Соня убрала мою комнату, а потом гадко кричала на Власа. Я приучаюсь не негодовать и видеть в этом нравственный горб, к[оторый] надо признать фактом и действовать при его существовании. Ходил по солнцу. Пропасть мыслей, просящихся на бумагу,

[30 августа/11 сентября.] Всё еще нездоровится. Читал. Писать не могу. Походил. Обедал. Приехал Урусов. Вечером играли они долго в винт, а я сидел и устал. Провожали Соню. Она не уехала, разбудила ночью.

[31 августа/12 сентября.] Читал Michelet немного; проводил жену. Ходил за грибами. Хорошо думалось: умереть? Ну что ж. Износить свою личность так, что она ненужна, т. е. неразумна. Мне противно неразумно, с[тало] б[ыть] -противна моя жизнь. Мне нужно и радостно разумн[ое], стало быть, нужна и радостна смерть. Пообедал один и зашел к Кузмин[ским]. Они собирались ссориться. Утром он,

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru одеваясь, спросил о Соне. Она отвечала: "не могу кричать". Он оскорбился, всплыло всё старое, и он стал говорить о том, что они ненавидят друг друга, и что так нельзя жить. Она смолчала. Но вечером подняла этот разговор, упрекая его в раздражительности, доходящей до сумашествия. Он оправдывался, но б[ыл] мрачен. Она при мне стала говорить ему, что она по любви вышла за него замуж. А я. знаю, что она не то говорила Соне. И мне вдруг стало ясно, как и чем сильны женщины: холодностью и неменяемой, по слабости их мысли, лживости, хитрости, лъстивости. Вечером шил сапоги, весело болтали -- две Т[ани], Сережа и я.

[1/13 сентября.] Встал поздно, почитал Michelet. Геркулес обоготворение труда, подвига. -- Разговор с Таней о том, что женщины никогда или редко любят -- т. е. отдают свое мирозерцание любимому человеку. Они всегда холодны. Она истинно сконфузилась, что я подсмотрел их truc [уловку.]

Пошел за грибами и целый день ходил. Рыжики -- пахнут еловым молоком -нежные. Пришел поздно -- князь. Я шил сапоги и засиделся. Приезжали просить кольев три воза от Марьи Ивановны, и я отказал. Я стараюсь объяснить, что я хорошо сделал; но, судя по тому, как это отозвалось во мне, я сделал дурно.

[2/14 сентября.] Встал пораньше, я здоров. Убрал всё, походил и пил со всеми чай. Разговор: Сила женщин -- лесть -- что они любят. Мы так уверены, что мы стоим любви, что мы верим. Напрасно я свожу это на Соню. Мысль общая и очень для меня новая и важная.

Приятно прошел день. Говорил с Таней очень хорошо. Она согласилась, что надо жить хорошо.

[3/15 сентября.] Ходил за грибами. Тосковал. Шил. читаю Michelet

[4/16 сентября.] целый день шил и работал муштуки и липы рубил. Был в бане и ждал Соню. Она приехала. Я устал.

[5/17 сентября.] Утром разговор и неожиданная злость. Потом сошла ко мне и пилила до тех пор, пока вывела из себя. Я ничего не сказал, не сделал, но мне было тяжело. Она убежала в истерике. Я бегал за ней. Измучен страшно.

[8/20 сентября.] кажется, немного поработа[л].

[9/21 сентября.] Был Урусов. Я хотел писать и не мог.

[10/22 сентября.] Будизм и еврейское. Очень много читал. Писать не мог. (Зачеркнуто: Рубил и устал слишком). И ездил в Колпенку к бедному. Проехал всеми полями. Очень хорошо. Слушал чтение -- пустяков.

[11/23 сентября.] Будизм читал. Рубил. Гулял один. -

[12/24 сентября.] Читал Будизм -- учение. Удивительно. Всё то же учение. Ошибка только в том, чтобы спастись от жизни -- совсем. Будда не спасается, а спасает людей. Это он забыл. Если бы некого был[о] спасать -не б[ыло] бы жизни. Учен[ие] о том, что вопросы о вечности не даны -прелестны. Сравнен[ие] с раненым стрелю, к[оторый] не хочет лечиться прежде, чем не узнал, кто его ранил.

Рубил. Гулял с Соней по лес[у]. После обеда гулял со всеми, шил сапоги -- плохо. Читал с детьми, вместо дрянного Пасынкова -- Полесье. И успех.

[13/25 сентября.] Опять прошло больше недели, и я не писал. Нынче был эксес... Мне стыдно. Утром девочки пришли делать задачи. Было очень весело. Потом читал Некрасова, чтоб читать детям. Пошел гулять со всем народом. Зашел к Федоту. Он -- умирающий изнурительной болезнью -- ест огурцы и грибы. Нельзя так жить.

Заснул после обеда. Читал с детьми Некрасова, Щедрина и Тургенева Полесье. Всё прекрасно. Приехал Леля, веселый. Письмо от Черткова и Мадикова.

[ДНЕВНИКОВАЯ ЗАПИСЬ 1884 г.]

Жить в Ясной. (Зачеркнуто: Первое время пользоваться доходами с Ясной Поляны) Самарский доход отдать на бедных и школы в Самаре по (Зач.: учреждению) распоряжению и наблюдению самих плательщиков. Никольский доход (передав землю

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru мужикам) точно так же. Себе, (Зач.: оставить) т. е. нам с женой и малыши детьми, оставить пока доход Ясн[ой] пол[яны], от 2 до 3-х тысяч. (Оставить на время, но с единственн[ым] желанием отдать и его весь другим, а самим удовлетворять самим себе, т.е. ограничить как можно свои потребности и больше давать, чем брать, к чему и направлять все силы и в чем видеть цель и радость жизни.) Взрослым троим предоставить на волю: брать себе от бедных следующую часть Самарских или Никольских денег, или, живя там, содействовать тому, чтобы деньги эти шли на добро или, живя с нами, помогать нам. Меньших воспитывать так, чтобы они привыкали меньше требовать от жизни. Учит их тому, к чему у них охота, но не одним наукам, а наукам и работе. Прислуги держать только столько, сколько нужно, чтобы помочь нам переделать и научить нас и то на время, приучаясь обходиться без них. Жить всем вместе: мужчинам в одной, женщинам и девочкам в другой комнате. Комната, чтоб была библиотека для умственных занятий, и комната рабочая, общая. По баловству нашему и комната отдельная для слабых. (Зач.: и) Кроме кормления себя и детей и учения, работа, хозяйство, помощь хлебом, лечением, учением. По воскресениям обеда для нищих и бедных и чтение и беседы. Жизнь, пища, одежда. (Зачеркнуто: искусство, науки, все такое) все самое простое. (Зач.: и близкое) Все лишнее: (Зач.: про[дать]) фортепьяно, мебель, экипажи – продать, раздать. Наукой и искусством заниматься только такими, 4 котор[ыми] бы можно делиться со всеми. Обращение со всеми, от губернатора до нищего одинаковое. Цель одна -- счастье, свое и семьи -- зная, что счастье это в том, чтобы довольствоваться малым и делать добро другим. -

[ДНЕВНИКОВАЯ ЗАПИСЬ 1885 г.]

1885. Кажется 5 Апреля. -- Всё занятие моей жизни есть (к сожалению моему, п[отому] ч[то] это скользкий обманчивый путь жизни) сознание и выражение истины. Часто мне приходят ясно выраженные мысли, радостные и полезные для меня, но, не найдя им места, я забываю их. Буду записывать. Кому-нибудь пригодятся. -

Нынче. Думал о своем несчастном семействе: жене, сыновьях, дочери, к[оторые] живут рядом со мной и старательно ставят между мной и собой ширмы, чтобы не видеть истины и блага, к[оторое] обличит ложь их жизни, но и избавит их от страданий.

Хоть бы они-то поняли, что их праздная, трудами других поддерживаемая жизнь, только одно может иметь оправдание: то, что употребить свой досуг на то, чтобы одуматься, чтоб думать. Они же старательно наполняют этот досуг суетой, так что им еще меньше времени одуматься, чем задавленным работой.

Еще думал: об Усове, о профессорах: Отчего они, такие умные и иногда хорошие люди, так глупо и дурно живут? От власти на них женщин. Они отдаются течению жизни, п[отому] ч[то] этого хотят их жены или любовницы. Всё дело решается ночью. Виноваты они только в том, что подчиняют свое сознание своей слабости. -

Еще думал: Творить волю пославшего меня -- это моя пища. Какое глубокое и простое значение. Спокойным, всегда удовлетворенным можно быть только, когда целью своей ставишь не что-либо внешнее, но исполнение воли пославшего. Я не хочу печатать своего портрета в сочинениях, -- мне противно, неприятно. Но если я буду делать свою волю, я не соглашусь, оскорблю, огорчу. Если же я исполню не свою волю, я попрошу не делать этого. А если сделают, буду спокоен, п[отому] ч[то] исполнил волю пославшего.

Еще какое ясно[e] выражение: это -- моя пища. Большинство людей делают для себя только то, что нужно для тела: пищу, и половое, и забавы, а то всё для людей. Так вот про всю ту область, к[оторую] люди делают не для себя, а для славы людской, Хр[истос] говорит, что в ней надо работать, исполняя волю пославшего -- не для людей. И про эту-то деятельность он говорит, что она для него, как пища, так же необходима и не зависима от мнения людского. -Творить волю пославшего так же, как есть и пить, не для людей, а для своего удовлетворения. Вот это-то нужно, и это-то можно, и это-то единственный путь жизни, дающий благо всегда, везде.

[ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ 1886 г.]

25 Мая 86.

В деле Б[ожием] не важно, много ли сделал -- хоть что-нибудь, но только прямо,

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru тогда ты участник в нем, в д[еле] Б[ожем]. Оно не кончается, и работников нет конца, работник он -- сам. Если твое дело прямо, то оно пойдет в дело, и его докончат. Только когда оно криво, оно не нужно и вредно. Не много, а прямо.

Вера благотворнейшее и злотворнейшее дело. Учители Моисей, Конфуций, Брама, Лаодзы, Будда, Христос делали благотв[орное] дело. Жрецы -- дело из него же губительнейшее. Связь с государством, вот что губило всех.

Сон смерть. Что будет после смерти? Зачем бояться смерти? Как не бояться смерти? Какая нужда жить лучше, когда придет смерть?

Смерть сон. Зачем бояться сна? Затем, что не кончил начатого. Как не бояться сна? Чего же его бояться, когда это отдых, перемена жизни? Зачем жить хорошо нынче, когда я засну? Да ведь завтра проснешься. А что смерть сон, это несомненно. Мы видим, как всё засыпает и пробуждается. Мы сами засыпаем и пробуждаемся. И помним пробуждение и ждем усыпления.

Воскрес[енье] 26 Мая 86.

Храм в Индии строит Яков врач, и Сикорскому [?] бабушки наследство. Адвокаты. Бабушкино досталось, а вы ошметки подели[ли] (Запись сделана неразборчиво).

Сначала Б[ог] сотворил человека вечным. Он всё рос и спал. Потом -знающим прошлую и будущую жизнь ближайшую. Он стал ленив. Потом смертным, одиноким, ничего не знающим о прежней и прошлой жизни. Он стал зол. Он вложил в него бесконечную жизнь, показал ему, что откуда-то он пришел и куда-то пойдет и что он всё из всего. И он стал трудиться и лю[бить].

86. 19 Июня.

Мир живет. В мире жизнь. -- Жизнь -- тайна для всех людей. Одни называют ее Бог, другие -- сила. Всё равно -- она тайна. Жизнь разлита во всем. Всё живет вместе и всё живет -- отдельно: живет человек, живет червь. (Эту отдельную жизнь наука называет организмами.) Это глупое слово -неясное. То, что они называют организмом, есть сила жизни, обособленная местом и временем и неразумно заявляющая требования жизни общей для своей обособленности. Это обособление жизни само в себе носит противоречие. Оно исключает всё другое. Всё другое исключает его. Оно, кроме того, исключает самого себя. Своим стремлением к жизни оно уничтожает себя: всякий шаг, всякий акт жизни есть умирание. Противоречие это было бы неразрешимо, если бы в мире не было разума. Но разум есть в человеке. Он-то и уничтожает это противоречие. Один человек съел бы другого, если бы у него не б[ыло] разума, показывающего ему, что его благо: ему лучше быть в любви с этим другим человеком и вместе с ним убивать зверей для пищи. Этот же разум показал ему, что ему лучше не убивать зверей, а быть в любви с ними и питаться их произведениями. Этот же разум покажет и дальше в этом направлении и уничтожит противоречие эгоизма.

Я ждал тебя. Вот лес, к[оторый] я оставил на дом тебе. Подруб[и]. Ударил -- всё гнилое развали[ло]сь. Вот твои подел[ки] теперь. Старец утешает.

Для всего огромного мира существ, съедающих друг друга, заложен в одного человека разум (любовь тоже), долженствующий уничтожить всё противоречие эгоизма. Кажется, так мало для такого огромного дела. Это всё равно, что сказать: как мало одной искры для сожжения леса. Если искра огонь и есть горячий материал, то как бы мала она ни была, ее достаточно. Нужен только горячий материал, нужно, чтоб он б[ыл] и не уничтожался. И в мире противоречивого эгоизма он есть. В мир противоречивого эгоизма существ, для того, чтобы они не уничтожили сами себя, вложено одно из эгоистических стремлений цветения, оплодотворения -- (в человеке похоти полового акта). И мир живет, представляя не гибнущий материал для деятельности разума -любви, уничтожающего противоречие эгоизма существ. Мир может ждать: материал не уничтожится -- всегда будет, и настоящая искра огня есть. Бог или природа дает необходимое, но только достаточное для своих целей. Природа или Бог действует всегда одинаково. Она или он не делают готового, а делают возможность совершения, не дерево, а семя.

Для Бога, для природы -- нет времени. Когда есть возможность чего-либо, то уже есть то, что должно быть. То же и с осуществлением уничтожения противоречий эгоизма существ деятельностью разума. Есть возможность, и потому есть

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru осуществление, есть то, что говорил пророк, что лев будет лежать с ягненком. Можно дальше сказать, что ни один зверь не раздавит насекомого и ни одного растения. Для человека, не сознавшего свою разумную природу, есть полное удовлетворение в жизни эгоистического противоречия. Он тогда не видит его. Он следует низшему закону Б[ога] или природы; но как скоро он сознал свою разумную природу, противоречие внутреннее его жизни отравляет ее. Он не может жить ею и отдается другому закону разума -- любви, имеющему целью уничтожение противоречия. И, отдавшись этому новому закону, получает такое же полное удовлетворение. Для разумного существа нет другой жизни, кроме деятельности, имеющей целью уничтожение противоречия. Эта деятельность выводит его из своей личности и заставляет отречься от себя и вводит в жизнь общую, в служение тому Богу или той природе, для к[оторых] нет времени.

(Он делается частью его. Тот же, кто не отдается этому служению и продолжает жить в противоречии эгоизма, этим самым, исключает себя из жизни. Человек (служащий закону разума), сам отрекающийся от своей жизни для служения закону разума-- получает жизнь вечную в (этой) вечной деятельности разума; человек, не отрекающийся от себя, отрекается от разума и теряет свою жизнь, становясь только материалом для деятельности разума.)

Задача человека в этой жизни отречься от всего противоречивого в самом себе, т. е. личного, эгоистического, для возможности служения разуму, для уничтожения внутреннего противоречия жизни, в чем одном он находит полное удовлетворение, безопасность, бесстрашие и спокойствие перед смертью. Если он не исполняет этой задачи, он остается в внутреннем противоречии личной жизни и уничтожает себя, как уничтожает себя всякое противоречие.

Говорят о будущей жизни, о бессмертии. Бессмертно только то, что не я. Разум -- любовь -- БОГ -- природа.

1886. 28 Августа.

Главное заблуждение жизни людей то, что каждому отдельно кажется, что руководитель его жизни есть стремление к наслаждениям и отвращение от страданий. И человек один, без руководства, отдаётся этому руководителю, -он ищет наслаждений и избегает страданий и в этом полагает цель и смысл жизни. Но человек никогда не может жить, наслаждаясь, и не может избежать страданий. Стало быть, не в этом цель жизни. А если бы была, то--что за нелепость: цель--наслаждения, и их нет и не может быть. А если бы они и были, -- конец жизни, смерть, всегда сопряженная с страданием. Если бы моряк решил бы, что цель его миновать подъемы волн, -- куда бы он заехал? Цель жизни вне наслаждений и страданий. Она достигается, проходя через них.

Наслаждения, страдания это дыхание жизни: вдыхание и выдыхание, пища и отдача ее, свою цель в наслаждении и избегании страданий, это значит потерять путь, пересекающий их. -

Цель жизни общая или духовная. Единение. Только...

Не знаю дальше, устал.

18 Октября 86.

Как странно и невероятно кажется сначала, чтобы будущая жизнь моя была только во всей деятельности, произведенной моей жизнью и не только в душах людей, но и в мире вообще. Так же странно и невероятно показалось бы зародышу, что будущая жизнь зародыша будет та сложная деятельность моего тела.

А аналогия полная.

[ДНЕВНИКОВАЯ ЗАПИСЬ 1887 г.]

1887. Февр. 3-го.

Человек употребляет свой разум на то, чтобы спрашивать: зачем и отчего? -- прилагая эти вопросы к жизни своей и жизни мира. И разум же показывает ему, что ответов нет. Делается что-то в роде дурноты, головокружения при этих вопросах. Индейцы на вопрос отчего? говорят: Майя соблазнила Брама, существовавшего в

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru себе, чтобы он сотворил мир, а на вопрос зачем? не придумывают даже и такого глупого ответа. Никакая религия не придумала, да и ум человека не может придумать ответов на эти вопросы. Что ж это значит?

А то, что разум человеку не дан на то, чтобы отвечать на эти вопросы, что самое задание таких вопросов означает заблуждение разума. Разум решает только основной вопрос как. И для того, чтобы знать как, он решает в пределах конечности вопросы отчего и зачем? –

Что же как? Как жить? Как же жить? Блаженно.

Этого нужно всему живущему и мне. И возможность этого дана всему живущему и мне. И это решение исключает вопросы отчего и зачем. -- 20

Но отчего и зачем не сразу находится блаженство? Опять ошибка разума. Блаженство есть делание своего блаженства другого нет. –

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ И ЗАПИСИ НА ЛИСТАХ

(ЗАПИСИ НА ЛИСТАХ 1881 г.)

[12 мая 1881 г. Тула.] Подякать надо.

Разговор за стеной прикащика: мошенни[ки], избаловался народ.

Солдат водил партию в Киев. -- 27 челове[к] -- вытье. Пьянство.

Гаврило, 50 лет. Мне только раздеться --я заработаю 10 рубл. в неделю. Проездит 3 р. похмелиться -- мне это ничего.

Зачем отняли, что ц[арь] дал? –

У меня два дома -- дочь, 3 надела. Отдал зять, потому никого нет, был бы стари[к], не отдали.

Цыплята. -- Сютрит[ель], первый узник.

В остроге его дома нет. -- Вахтера с саблями. Две женщины. Одна на полу.

Встать! Одна нищая за бесписьменность, другая -- дурковатая, добрая, за то, что сошла с будки. –

Подследственные. Григор[ин] в армяке с тузом, лохмотья рубахи, портки, лапти. -- Слезы, Александр -- слезы. Лихому лиходею. Неделю шли.

Собака был? Ха, ха, ха.

Веселье мужику у ворот следователя.

Баба на Васнлья смеет[ся] -- какой кучер!

Тебя в острог. -- Ну?

Неумелость и неряшливость следователя, 2 недели -- не узнали о колесах.

Иван Родив[онов]. Никола[й] обещал 50 р., только не прощай.

Исправник, кроткая усмешка. Я смеялся от души. Был на мертвом теле, привезли еле живого.

Смотритель унтер-офицер -- хороший.

В волостной две ночи, в Колпне, нет провожатого. В Хмелевце, 5 изб отвечают.

В Ретинке, дай Бог здоровья, покормили, а то не евши.

Слезы. Колеса, телега, хомут взяты. –

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Синявинские -- поджог.

Вверху: черный конокрад, опухший. Щекинской год сидит за драку. Кнутовище в рот, умер. Приговорены (на высидку).

Встать! Солдат Пироговск[ий]. Кроткий, тихий, опухший, не жалуется--овцы падали. Не говори!-

Разговор с смотрителе[м] -- Невинный? Не верит, редко бывает. Насмешливо саркастическая улыбка. Про бабу на переезде. Та же улыбка. Она сошла -- смерть произошла.

-- Жид -- сиянье черно-рыжих волос: масляные глаза губы, рубашка голандская из-под мундира. Они виноваты за то, что не такие, как я. -

Временная. Добродушный молодчина, усы старые, борода молодая. Рубаха ситцевая на выпуск.

Дети читают на кухне. Старуха нищая пересыльная, бежала, поймали, --лежит без тюфяка, лет 60. Только и помнит, что товарка ушла. Наверху простые кровати красные, без тюфяков, печь круглая чугунная. 6 человек. Два из Панина за овес-- говорят, невинно. Черный читает. Наклепал и на лошадь.

Он[и] украл[и]. Маль[чик]. Я украл.

Другой мальчишка в бабу пуньку залез, смеется, закрывает рот.

Мальчишка Пирогов[ский].

16 лет -- шкатулка.

рыбаки, бледный, не глядит в глаза.

В остроге до привода голодно, а потом довольно.

В временной веселье, едят один хлеб без соли 2 ф К , было 1 Ё .

Делятся кому приносят. Двое сидят 2 месяца, из дома не приносят. -

Гаврило сидел 2 мес[яца], смотрит[ель] выкреще[нец] строг.

Лапти плел.

Летом скучно. Знает колеса, -- какие -- следовательно не спросил.

Царское жалованье по 75. Один был сам 3. Они дали 145, разочли 20 ч[еловек] за 15.

Молчать. -

Выйду на двор пустой -- один жеребенок гогочет.

И запорку сдела[ла] н собаки зл[ые] -- сука со щенком.

Слеза прошибет.

Все свои жилы вытяну,

На том свете передо мной будет. -

Высушит весь.

Щекочет там. -

Загнали хлеба. -

20 к., она лапы оближет себе.

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Рассудки плохие. –

Не стали бы крехтать.

Лень в ж..е и спине -- выгнать.

Ребро за ребро зайдет.

На печи калачи, на при[с]тупк[е] каша.

И пить будем, и гулять будем.

Смерть придет, помирать буде[м].

Страдания так реальны, так присущи, что мне кажется, я почти неспособна думать о будущем блаженстве.

Выдраться из греха.

Я как умру? Прелесть.

Такая заворотень ударит крепче мужика.

А то только ладит. –

Затянуться рада в работе –

Баба золото.

Тело схоронят, а Бога не минули.

На нее вину гонит.

Пошел жевать, пошел глодать.

На чем обопрусь.

Чужим хлебом наешь[ся], кровью напиться.

Родители умолили Бога.

Враг увязался.

[ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 1881 г.]

[По дороге в Оптину Пустынь.] 10 июня. Шел с Сергеем и Дм[итрием] Федоровичем]. Ноги заболели. Ели сухари у колодца в Воздремы. В Головеньках на пожарище, девка сидит на донце, прядет, другая на зemi подхватывает разухабистую песню. –

В Переволоках весело возят барский навоз, в задке пудов 5 навоза. Обратный лежит на брюхе. Малыши: "ты, дедушка, в Кришевку? Так вот, стежка огородами". Товарищей переменили.

На пост[оялом] дворе. Красавица девка 1 Г годовая, улыбается; ласкается, никто не бережет.

Работа бабы -- холсты убраться, телят напоить, лошадей загнать, напоить. (Собака стреляет, пришла, работник отпросился, кормить.) Жмыха принести. Цыплят снять с лавки крыльца на двор. -- Сиротки живут. 8-летняя с хозяйским сыном. Беги, ворота, отпрягай. Хомут уברי. Пришел наниматься в работники. У других жена родила. С хозяйской снохой запросто.

Хоз[яйский] сын с целовальником друг, в жилетах.

Намернулся шутя ногой на жену, с ней спит в чулане (она вздыхает и зовет).

Ночь не спал. Коростели далеко, и перепела близко.

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru Хоз[яин], бывший старшина. Колеса принес -- Вазу Воскову [?](вся запись от 10 июня сделана карандашом и позднее обведена чернилами рукою С. А. Толстой местами с несомненным искажением текста)

11 июня. в Крапивне у Филатова. Жид стоит рядом. Увещевает полового, чтоб он донес полиции, что в лаптях. "Так то в Киеве в лапти одевались, а что наделали". Еврей первый блюститель порядка. -

На дороге мужик: "дедушка, куда? что ж, там останетесь?"

Другой: "Подходи к земле. У помещиков много. Кормиться нечем. Бьешься и нанять негде. Царя убили дворяне за крестьян".

(12 июня. Ченцовские дворы.) 12. Стоянка у Старшины. Он пришел пьяный. Толстый, пухлый, брыкает жену босой ногой.

Она зубоскал[ит].

Бабы яровитые. Обнажила пухлую белую ногу, где болит. Идет тихо с цветами. Ванька, сыграй песенку. Сын играет, сидя на поручне. Девченка одна, любимица, бежит. Воструха -- камушками играет. Бабушка, пусти. Ну, Бог с ней, она маленькая.

5 сынов, молодцы. Средний бил кирпич -- замазан.

Бражки дай, а те щеголи. Рабочих рассчитают, поют чаем, и водкой, и лаской [?].

Бабушка с брюхом, однодворка, кроткая. Вес работает, девчонка ее согнала.

Елисей просил ему дать водки на его часть -- угостить.

Строил вагонный сарай 40 [аршин] в Кременчуге. На железноконно[й] дороге кучером был. Водки не пью. 60 р. в 3 месяца прожил. -

[13 июня.] 13. Дедушка подошел. Бабушка дала крошечный кусочек. Извозчики 3 к. Сошники прилаживают.

Кондратия знаешь? За руку тебе бы в городе. -- Я никого не обругал, ничего не украл. Плачет. Глазами [?]

Как нам их учить? -

Лошадь закапывали, дурно пахнет. 11 человек до обеда. Лошадь поминать.

А. М. попил нашей крови, сукин сын, его долбней не убьешь, зубы вставил, 300 р. заплатил, горячего пить ночью. Еще на 120 лет пой[дет]. Зверь был. Мужики не пришли. Посылал розги резать. Я пошел, нарезал на дороге. Костылем огрел. Замахнулся, я босиком бегал к березе, влез, стал резать. Оборвешь сук прочь. Орал года два. -

В Рождестве баба вдова Амелфа Тимофеевна -- широкая, быстрая, твердая, мелкозубая, приветливая. Была дворовая, выдана за мужика. Выдавали за 300 верст. Бывало, вой. -

Сергею рассказывала: на образа, помилуй Бог, чтоб грешить.

И замуж нейду.

К мельнице. Работник не пускает, рассказывал, как воды выпил разной, ослаб, хозяин его -- сумку на плечо. Никто не дал чаю, принял нас за надсмотрщиков. Гроза заходит. Встретился мужик на телеге. "Свези". Солдат не пустил. Ануфреевна, дворовая. "Брегаете, тоже хрещеные. Вот я вас поймала". Хозяин пускает, выпивши. Плешивый, длинный.

14 июня. -- Холсты стелят в поле. Мужик Мананской сеит гречиху с сыном -- простое, доброе лицо, -- сын внимательный. Читал писание. Ануфреевна догнала, извинялась, послали ей деньги с молодой. "Душечка". -Вл[адимир] Ак[имович]. Добрый, радостный. Сборы его по приходу хлебом. Теща сердитая. Другой священник.

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
На собаку пуделя похож. Нагорная проповедь. "Я сиволапый". К (Так в подлиннике)

К Акимовне, стежка по коноплям. С задов во двор. Сама отперла. Маленькая, кроткая, подслеповатая, в белой рубахе. Изба 10--8 арш., с половиками. Поила чаем, медом, с лопаточкой. На свечи 20 к. работница. Козочка. Вл[адимир] Ак[имович] довозил. Народ в Мананках в полесьи и льном, полотном кругом -- бедность. Удивляешься, как они живы. -- Ночлег у столяра. Старуха болтунья. Батюшка Пимен. Стонет, причитывая. Плакать надо, а мы что? Рассказ об оскотлении. В окно прищемило. -- Ночь бессонная. -

Вышли до зари. Богомолки, как заливало водой, ездили на лодке корову доить. На печи с 9 гусынями. Много. Белев. Чай в трактире. Народ идет с тряпкой, пенькой.

Прасола. Котенок. -- Солдатка с самоваром и ее невестка, коротенькая, черномазая, завидует белому хлебу, баранкам -- жизнь. Сама сема, муж прялки делает, возит на себе. Лошади не может купить. Отдых на потолке. -- Старик возчик. Дворяне хотят из себя царя избрать.

Проелись на отделку, долго не отдохнуть. -

Княгиня добрую душу имеет. Даст денег на лошадь. Дождь пошел. В больнице народ. Погодите, творогу пришлю. Думаю: где прислать, забудет. Прислала. -- Князь тоже подписался. Он не хотел. Сказали: не подпишешься: голову долой. Пришел, сам повинился: меня силом заставили: Ну, ступай в иные земли.

Аду принял, там и помер. -

Жид подкупил сжечь застрахованный дом. -- Монахи деньги наживают. Гостинник помер, 200 р. оставил.

игумен ушел из Питера, б[ыл] с гуртами[?], а отец у него невесту отбил.

Как пить бросил: еду лесом, а у мужика колеса скрипят.

Дай деготку. А Валдекр[?] говорит: в кабаке есть деньги, а на деготь нет, с тех слов -- и бросил. Измигуливай, Коровина,

Струн не ладь. -

Сосна 20 вершк[ов]. Как пилят -- страсть.

[Оптина пустынь.] Пришли в гостиницу. Ефим сердитый. Здесь странноприимный дом. Вот здесь и спи. Ты нажрался, а я не ел. Вот сюда сядь -- на плечи.

Старичек, попираясь пришел.

Во всех гостиницах отказ с ложью. И господам не даем. -- Номер с клопами.

Сапожник орловской с женой.

Благословите самоварчик. Номер. Шли 50 верст, обещание. Белокурый, моложавый, глуповатый.

Трапеза: Сидят лицами к столу. Я сел, немой (на Кобякова похож) с мычаньем притянул к себе. -- Борщ, каша, квас. Из одно[й] чашки 4. Всё вкусно. Едят жадно. -

Швыряет хлеб. Молитва. Никто не молится. -- Меня зовет старичек. А того, молодого, не пускай -- вытерпит, а то выгоню.

Все полегли на дворе, в избах, в сенях. -- Все спят с уморы. Дурная ночь.

[15 июня.] 15. Пошел ходить.

Ид духовного звания, молодой, ражий, курносый, пришел к Амвросию спросить -- жениться ли? Другой спорил со мной, что Евангелия мало. Мы закоснели.

Женщина шлифованная. Слава тебе, Господи, Царь небесн[ый], Царица небесная и т.

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Д.

Женщина меня ждала спросить: муж на крестинах опился. Так правда ли, народ говорит, что грех поминать (сама брюхата, арбузом брюхо). -- Я жалею его.

В лавке образки, крестики, ленточки, ладонки, книги. Баба богородицкая -- "Книжечку, дедушка, выбери". Какую?

2в Евангелие? Это им не идет. Молитву кающегося грешника.

-- Отчего нейдет?

-- Я говорю, нейдет. А это понятна. -- Баба благодарна. Насл[ал] Бог.

Сергей говорит: на кухне еще сердитей. Сергей его усовестил: Если вы так, то мы еще хуже. -

Сапожник пришел, заложивши. Так меня оскорбил, что будь тут, я б ему морду разбил.

Шел, шел, думал благодать найду, а они ругают. -- Я дома монастырь сделаю. Певчих позову, полведра поставлю. Отдернут такую, что -

В женской помутка: Монах кричит. Я тебя свяжу, дрянь! Зашли, вонь ужасная, дочь плачет. Вторую ночь не дает спать, дерется. Загопочет, как жеребец, и завоет.

Александр Ник(олаевич), батюшка Государь. Ссекли, срубили твою головушку победную -- Я подошел. Скула на сторону. Жжет навоз здесь. Нараспев жалуется на баб. Они меня душат. -

В церкви запели Отче наш. Она говорит -- проклятый. На спине кругом елозит. Не дает спать. Нас..но на полу.

Чаю хочешь? Нараспев: чай-то у нас может свой пить. Молится, чтобы мне да... а... ли. В Тихвине связали. Ни искры жалости у монаха.

Фекин добрый, пухлый. Уверен, что, прожив 45 лет в монастыре с деньжонками на помин души, дело души его верное.

Я пишу, пришел гостинник. Жалкой, измученный, строгий и злой вид (ему давали деньги уходящие), жалуется и прости, Хр[иста] ради. Один, измучил[ся], бежать, ходил. Был прикащиком, 1000-ми ворочал. А теперь всем служи. -- Бедный.

К Ювеналию. 4 комн[аты]. Половики мягкие, для молитвы. Иконы, картины, жалузи. Длинные, сивые космы, крупные руки, тонкий, острый нос. -- Зашла речь о толкованиях Павла, церкви отцов. Я не могу допустить. -- Про Магомета, пожалуйста, не говорите. Судить, воевать надо. Положить живот за други своя -- это значит воевать. Обязаны защитить. Начальство и власти. Церковь свята. -- Плотская брань. Прелесть гордости, прироженная.

Дома всё переменилось, поклоны, ваше сиятельство. -- "Царя батюшку убили, меня горькую погубили".

Дома с сапожником.

К Амвросию. Толпы дожидались и дожидаются. -- Одна баба спросить пришла бат[юшку] о. Амвросия, поминать ли мужа, он опился на крестинах. Поминать ли? Другая -- собирать ли на Иерусалим? Просительное письмо из Иерусалима к благотворителям -- набрала 15 р. 3-я -- жить ли с деверем?

Выйдет ли дочь замуж? Постройку затеваю, будет ли польза? Открыть ли торговлю -- кабаки? С переднего крыльца мужчины, с заднего женщины. Рассортировка идет. -- Монашки и чистые в переднюю. (Слепая из Новосия.)

У Амвросия 2 часа. Нищенство это совершенство. -- Ищите совершенства, но не удаляйтесь от церкви. В Еванг[елии], в посланиях, соборах и у св[ятых] отцов -- откровение. Звезда от звезды отличаются. Как генерал, полковник, поручик, так и там будет (ему кажется, что чины что-то натуральное, с чем можно сравнивать).

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
и(оанна] Златоуста не видал тот, кто был на небе. -- он с Св. Троицей.

Все будут казаться равны, но утешение не одно. Мощи благоухают.

Ювеналий не знал, что в притче об ужине -- одни побили посланных. Амвросий не знал, что о церкви говоря, сказано, если брат твой против тебя согрешит.

Он говорил просто: согрешит. А Ювеналий к слову еклезия прибавляет -верующих. -

Амвросий занят тем чином, к[оторый] он заслуживает, и верит болезненно, бедный.

Рысаков: благоразумный злодей.

Предание о разбойнике, что он услужил Христу, рассказывает, как дело.

"Обряд и для лошадей нужен".

А бедный не заслужит чина -- келейники двери на запор и выталкивают.

[15 июня.] 15. (далее, кончая: скоро и помирать написано карандашом и обведено чернилами рукой С. А. Толстой) У тебя Бог есть, а у меня нету, давай Б[ога] делить, кому достанется. -

Время скоро идет, 8 лет. Богатому скоро. Погляжу, наши господа встанут в обед, запрягай кататься, и пойдет кутерьма до разусвета. А наш брат работает, наложил бы, лошадь не везет. -- На солнышко глянешь -- нет. -- Так каждый час провожаем -- скорей бы прошел, а ведь так жизнь провожаем, скоро и помирать.

т) Андреичева -- 3.

Буландина -- 3.

Чебышевка -- 7.

Рожество -- 18.

Остромки -- 10.

Мананки -- 10.

Положили 3 лопаты... Зашли да Камень. Не пиши, брехать не станешь (далее, кончая: возят обведено чернилами рукой С. А. Толстой).

Ср.ть возят.

[Перемышль.] 16 июня. С вечера пришли в Перемышль. Игнатий Климыч был градским головой. Седой, толстый бревном, грубый, животный. -- Спросили не билеты, а кто вы будете? -- Старуха такая же толстая, дочь девица, свидетельство в рамках училищ. Внучка Соничка 3-х лет. Крестится по 10 раз, приговаривая, и целуется в засос. Перины везде. Рассказ о жиде. "Христианин, какого не видал". Гитара подарена исправником.-- Рассказ о келейницах. Старуху за 3-х молодых (Вымарано два слова). Был под судом. В тюрьму сажали. -- Вчера во дворе пили молоко. В 3 стана ткут. Песни. Грязь, весело. Как оторвалась от дела, так искать в голове.

[По дороге в калугу,] (17 июня.) -- Сторож церковный и пьяный мужик подает копеечку. -- Заблудился, баба бочком едет пахать. А разве я стара? Пили чай. Солдаты водили арестантов. Это наш покой, -- показывая на кандалы. Парикмахер мальчик. Воротнички измокли. Чистяк трактирщик Неднинской. -- Читают подписи картин смерти государя. Ни одного замечания. Трактирщик точно студент. Ходит служить по ярманкам. А косить домой. Другой такой же постарше. Мир вам! Рассказывал, что бабы скачут бочком во весь дух.

Слова гамаза, выдубал, харовина.

Вчера было. Иду, лежит сердитый с ковровыми мешками.

-- Здравствуй.

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

-- Здр[авствуй]. Откуда? -- Откуда кто? -- Да детей много ль? -- Иди, иди, где-нибудь баб справляй.

Много есть, что его баба учит. Ни сохи наладить, ни косы. Бог помочь, девушка. -- Спаси Христос, дедушка. -- Много ль тебе лет, девуш[ка]? -15. -- Давно уже пашешь? -- 3-е лето.-- Лешит вдоль полоску. -

[Калуга.] В Калуге хозяин ткнул. Билеты есть. Туда идите.

18 июня. Попы стоят на подворьи. Указали Знаменье. Юнкер проситель указал Григор[ия] Ивановича], потом догнал, говорит -- Иван Тихонов. На крутом берегу, под горой. Лесенка в горе, дом хороший. Кожевенник, в двери 4 продушены. Отворил мальчик 13 лет. Батенька. Не на хорах ли? Провел в горницу, один стол и стулья.

Образа. Пришел в жилетке, рубаха на выпуск, молодой, рыжеватый, характерный, быстрый. Чего надо? Нельзя ли поговорить? Не о чем говорить. Мы православны. А я нет, так у нас с тобою прят.

Так прощайте. Пошли, сзади смех. -

К попу. Дьячек навстречу, с косой.--По какому делу?--Женщина: сватьбу венчать! Дьячек рассказал, что отобрали книги. К попу. Старичек рассказал, что началось дело из Петербурга. Донесли. Судебный следователь опечатал книги. -- Судили в окружном суде и оправдали. Они говорят: Слово плоть бысть, против причастия. Поп прямо сказал то же, что говорят в Опт[иной] Пустыне, что добрые дела -- это пост, хождение в церковь, принятие попов.

Вчера. Мужик едет сеять, сели на полоску -- соха, борона, мешок. Работаешь, работаешь, не разгибаючись, а придешь домой, есть нечего.

3-го дня. Идем стежкой, мокро. Мальчик плачет.--Дедушка, дай бумажку. -- Это книжки. Есть грамотны? Нате. -- (Все): И я! и я! Неправда, вот он. Стали заходить за гору кучей, роем около книжки, зашли. Гогочут опять.

4-го дня. Читали письмо в обед. Мужика из Киева, после бунта: работы стали. NN в остроге с 1500 чел. Мы его посещаем каждое воскресенье.

Оттуда к Иконникову, Аверьян Семеновичу. Общий вид веселого достатка. Два сына извозчики на углу Спаса. -- Дома нот старика. Пошел к Спасу. Два брата краснорожие, серьезные и добрые. С другими нельзя, а с Иконниковым можно. -- Сказал, почему я узнал. -- Это негодный попишка нас подвел. Что ж, вера вся одна. Аще не родитесь свыше, не внидете и ц[арство] б[ожие]. Лжеучителей до чем познать? -- По плодам. В волчьей одежде. Внешнее очищает, а внутри исполнены скверны.--Говорил свободно и прекрасно. Потом заробел. Не пошел в номер. Обещал приехать в 2.

Извозчик не приехал. Ходил в окружный суд. Всё та же канитель. Бедняк украл полушубок. Его в арестанские роты на 3 года и 9 месяцев. Прок[урор] Ланге. Либеральная озабоченная важность. По закону не могу сообщить. Где мне разыскивать какого-то Ив[ана] Тихонова? Вместо Тихонова нашли какого-то другого. Их много под N занесено.

В книжной лавке. Под шатром барыня с дочкой, суют ерунду мужикам. У мужика из Дубен много книг.

Кн[ижная] лавка другая. Бездна романов. Купил Экартсгаузена. Прелестно.

Василии Дмитриев горшечник. Попы только для наживы. Они не то, чтобы углубиться, они и писания то не знают. Абросим колдун. Воду болтать. Спор о вечных муках. Косой растрепан, сердечный, нельзя! О земном думаем.

Сын Аверьяна, озлоблен страшно за книги. Они стоили 150 р. -- Понимает. Грубый и жестокий.

[В вагоне жел. дор. между Калугой и Тулой.] 19 июня. Рабочие Юхновские, два пьяных, бушуют. Жандарм вытолкнул. У меня дома без хлеба сидят. (Ражий) Другой: дай 12 к. Рядчика упросил, запер в вагон. Кто-то сказал: работать не будут.

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

-- Не, не говори. Это работник безответный -- а загулял.

Содержательница везет девок. Женщина их жалеет.

[ЗАПИСЬ НА ЛИСТЕ 6 ДЕКАБРЯ 1881 г.]

От одного берега отбыл, к другому не пристал.

Как перепелка под ястребом головы не поднимает.

Как два разных колеса в розь.

Куры загребут.

6 декабря 1881 г.

Всё зло в мире оттого, что люди не знают, что такое Бог, и поклоняются, как Богу, тому, что не Бог. -

Революционеры--это специальность, профессия, как всякая другая -- как военная (аналогия полная). Ошибочно думать, что она выше других. -

[ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 1882 г.]

[Москва] Егорьевской переулок, от Спиридоновки и Садовой

Крюковская больница

Загорецкой

Поведской волости.

Деревня Шевелино

Василий Кирилов

Иван Сютаев.

В Беломорском полку.

Горшок слез.

Волкова кладбища в Росстанной улице.

Михаила и Дмитрий.

Дмитровка. Салтыковский переулок, дом Егорова.

Больш. Афанасьевский переулок против Афанасья. Свистунов Матв[ей] Иван[ович].

Зеленой дом после Архива. -

Власьевской переуло[к], дом Васькова.

Роспуски.

Сообщить Орлову адрес: (Зачеркнуто: Против) На Патриарших Прудах, дом Ермолаева, квартира Цинк. Тейтель.

№ 68. Кварт[ира] Катер[ины] Иван[овой]

Авдотья Иванова

Александр Васильев

№. 90. Падолко

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Василий Конов

Иван Иван[ович] Савелов.

Падолко.

Фекла Семенова

Агафья Нестерова.

В 1-м строении 3 квартиры.

11 +5 +20 -- нет нищеты

4-я квартира

солдат Акимов

Николай Павлов

Михаил.....

Авдотья Иванова

5 квартира -- нет

6 квартира -- Василий Уваров -

Прасковья Алек[?]

Анна Петрова

Мальчик карапуз

7 кв. нет.

8 кв. -- нет.

9 кв. нет.

10 кв. -- женщина с детьми

15 -- нет. -

11 -- нет, долги есть

12 -- нет

13 -- нет

14 -- нет

16 -- Николай Соколов с женой.

17. Михаил Седнев

Авдотья Низова

Пелецкий пьяница

18 -- Безногий Пана [?]

во 2, 11 кв. 4 проститутки

стр. кв. 24 Евграфов сироты

Михаил Иванов

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
кв. 44 Анистья Тимофеева с детьми

25 Матрена Мих [?], девочки

36 Антон[ина] Осипов[на].

38 -- проститутки.

39-- две старухи с дочерьми проститутками.

40. Мазурина дочь 10 лет в приюте

Анна Константи(нова)

Иван Федоров

43 Женщина с грудным

Алейникова старуха

45 Сергей Васильич.

54 Типографц[ик] Иван Яковлев

23 Прасковья Иванова

42 Иван Лазаев интел[лигент]

43 Иван Меньшов нищий. -

Старуха, сын Леонтий

28 Зорина -- бедная

29 Татьяна Петрова

31 О. Захаров

28 А. Михалова

23 Ненила Акимова

Пелецкому место учителя.

из дворян

Архангельский 66

место в полиции

подпоручик

Место учителя. -

Дятлов -- 66 пособие. -

Павлов

Алекс[андр] Генр[ихович] Штанге.

Гельсингфор[с] Эрик[у] Карл[осичу] Содергольму.

[Ясная Поляна.] Серегина из Рудакова приняла 20 лет мужа -- сослали сына ее.

Теперь у ней 15-лет[ний] сын от этого мужа --отбирают землю.

У Цветкова лошадь нашлась. Из Пришни. Ему не дают.

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
при погоде при прекрасной

Дети Тата все в[о] Ясной (Эта строка надписана вместо зачеркнутой: жили все в деревне Ясной)

Жили, веселясь.

Вдруг пришло на мысль Татьяна[не],

что во Ясной во Поля[не]

нельзя вечно жить.

И подумала Татьяна:

Нужно поздно или рано

детям атестат.

Атестат. Дам эту штуку,

Произведу детей в науку (Зачеркнуто несколько неразобр. слов и бука. Над строкой вписано: Курсы изучать)

будут учены.

Запасла себе програму,

Наняла к детям мадаму,

стала обучать.

Разучили дети штуки

вес про разные науки

очень хорошо (Зач.: жили дети)

и учились без печал[и],

пока их не обучали (Зач.: Катихизису)

закон Божию.

А как стали обучать, (Зач.: испугалась даже мать. Дело не к добру. Что за чепуха?)

стала мать уж примеч[ать],

что-то не того.

Маша даже не усвоит,

а уж вера та всё воет:

очень мудрено.

и пришлось и[м], разбирая

про изгнание из рая,

вера говорит:

(далее зачеркнуто 6 строк:

и сказала вера та[к]:

кто писал это дур[ак]

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Очень большой.

Прапрадедушка Адам

Не глупей б[ыл], чем мад[ам],
Хотел много знать)

Нам велит учить закон,
Как Адама выг[нал] вон
вместе с Эв[ой] Б[ог].

Ведь за что изгнан Адам?

Говорит сама мадам -
За curiosite [любопытство]/

То, что яблоко он скушал,
Это б ничего.

И учить это обидно,
Потому] ч[то] ясно видно,
que se n'est pas vrai [что это неправда.]

Если выгнали из сада,
Нам учить совсем не н[адо],
И вот почему.

яблоки всем мож[но] кушать,
А не надо много слушать,
Как бы не был вред.

Их за то ведь и прогна[ли],
что они много узна[ли],
А Б[ог] не хоте[л].

Так идти мн[е] проти[в] Бо[га]
Надо смелости уж мн[ого],
J'aime a obeir [я люблю повиноваться.]

При погоде при прек[расной]
Жили счастливо все в ясн[ой],
Жили, веселясь.

Вдруг пришло на мысль Татьяна[не],
что во ясной во Полян[е]
нельзя вечно жить.

Говорит себе Татьян[а]:

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Нужно поздно или ра[но]

детям атестат.

Отдам девочек в наук[у],

Произведу во всяку штуку,

Будут за мамзель (Зачеркнуто: Ваяли книги и бумаги).

Накупили книг, тетради,

Рады ль девочки, не рады,

стали обучать.

И учились без печали, (Зач.: Пока их не обучали Закон Божию)

Но когда закон нача[ли],

дело не пошл[о],

Никак Маша не усвоит,

А уж Вера в голос воет:

не люблю закон.

И однажды (Можно прочесть: бедняжка) [?], разбирая

Смысл изгнания из ра[я],

Вера говорит:

Нам велят учить за[кон],

Как Адама выгнал во[н]

Вместе с Эвой Бог.

А учить это обидно,

Потому] ч[то] ясно видно,

что (Зач.: учиться грех) не надо знать.

Ведь за что изгнан Адам,

Говорит сама mad (ame) –

За curiosity.

(Зачеркнуто: Так за то их и прогнали, что они много[е] узнали. А я не хочу. (И не знает теперь [?] мать, что на это отвечать.)

Они много уж узн[али],

их за то в зашей прогна[ли],

а я не хочу.

И не знает теперь мать,

что на это отвеча[ть].

Точно мудрено.

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Вот нас с Маш[ей] осуждают

И к Василью не пуск[ают]

яблоки тряс[ти].

А в раю был[о] не т[о],

Ничего не заперто,

Кушай, сколько х[ошь].

И всего было не шутка [?],

Был аркад, была гр[ушевка?],

б[ыл] и всякий сбр[од].

[3 строки неразобр.]

И об ябл[ок] там нет[у],

Как до нас с Маш[ей], запрету

Кушай -- (две черточки заменяют, по-видимому, слова: сколько хошь)

Вы учить хотите н[ас],

А Бог дал один прик[аз] -

ничего не зна[ть].

Вот так я, бояся Бог[а],

Буду кушать ябл[ок] мн[ого],

А затем [неразобр.]

Законно [?] б[ыло] (Зач.: Божие свободно) угощ[енье?]

Одно б[ыло] запр[ещение?],

чтобы не узнать [?]

Вешние воды Тург(енева)

Салтыкова

Ге. Плиски. Курск. Киев. ж. д.

Спаская улица, дом Васильева. Конрад.

19 Авдотья Федоро[ва]

14 Соколова

Татьяна Василье[ва]

к Одарченко Собач[ья] площ[адка], д. Смирновой

Муромцев

Живодерка. Дом Булыгина

Живодерка. -- Дом Георгиевского на дворе;

Ек. Ив. Полянская.

Дневники и дневниковые записи, 1881–1887. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Пятницкая, против части, дом Куниной. Игрушечн[ый] магазин.

Караулов квартира.

Садовая, против Каретного ряда, дом Ламсдорф, кв. N 18. (Адрес записан рукой С. А. Толстой)

(Далее адреса записаны неизвестной рукой) Врачу Мордвинову.

Николай Осипович Добровольский у Стар. Триумф[альных] [ворот],

д. Резанова, Куликовой N 36.

Пречистенка. Обуховский переулок, Илья Ермолаич Романов, собст. дом.

Орловского уезда село Пахомово, диплом домашнего учителя. Александр Дмитриевич Теличев.

[ЗАПИСЬ 1884 г.]

6 Июня 1884.

Анна Ивановна Есипова. Однодворка с. Троены. Вдова, 7-чел. детей. Рука не владеет. Обегала двор и сына извозчика. Возили в сумашедший дом, велели зарыть волка.

Акулина из Колпенки. На подати за заложенный посев 3-6 р.

Мужики о банке.

Андрей Васильев Антонов. Прикащик -- посажен в полицию -- Зотовыми. Не отдадут зажитые деньги.

Иван Самсонов [из] Городны убил по неосторожности -- просить прокурора.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tolstoyleo.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!